

ГОД ПОЭЗИИ *2023*

Київ

Архарецький дівір Олега Федорова
2023

УДК 821.161.1-1+82(082)

Г59

Г59 ГОД ПОЭЗИИ. — К. : Друкарський двір Олега Федорова, 2023. — 520 с.

ISBN 978-617-8252-58-8

«Год поэзии 2023» объединил более 100 авторов разных поколений из разных стран, которые продолжают писать по-русски за пределами распадающейся империи. Общего прошлого на этом языке больше нет — оно рассыпалось. Но есть совесть, память, любовь, ненависть, надежда, вера в победу. Мы гордимся тем, что эта книга выходит в Киеве. О чём бы мы ни писали, сердца и стихи тех, кто не может молчать — на стороне сражающейся Украины.

УДК 821.161.1-1+82(082)

© «Друкарський двір
Олега Федорова», 2023

© Виктор Фет. Составление, 2023

ISBN 978-617-8252-58-8

© Обложка работы Николая Сологуба

ГОД
ПОЭЗИИ

2023

СЛАВА УКРАИНЕ!
ГЕРОЯМ СЛАВА!

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Фет. От составителя	10
--------------------------------------	----

ПОЭЗИЯ	13
------------------	----

Ольга Агур	14
Андрей Теплов	19
Борис Херсонский	24
Нина Гейдэ	28
Николай Лобанов	33
Берта Фраш	37
Вера Павлова	40
Максим Коровниченко	44
Слава Гауфберг	48
Виталий Амурский	55
Александр Ратнер	60
Григорий Оклендский	65
Илья Липес	70
Игорь Хентов	73
Татьяна Щёголева	78
Светлана Жукова	82
Георгий Садхин	87
Елена Биляк	91
Николай Почтовалов	95
Виктор Каган	99
Раиса Резник	103
Марина Тёмкина	107
Григорий Яблонский	112
Анатолий Либерман	113
Анна Германова	126
Людмила Некрасовская	130
Денис Голубицкий	134
Ариэла Марина Меламед	139

Дина Березовская	142
Олег Голодный	145
Бахыт Кенжеев	149
Михаил Троепольский.	153
Павел Мартынов	158
Борис Суслович	162
Ян Пробштейн	167
Марина Тюрина Оберландер.	171
Гея Коган	175
Лилия Бондаревич-Черненко.	179
Эмилия Песочина	184
Сергей Плышевский.	189
Артемиий Левкой	194
Владислав Лоза	198
Борис Камянов	202
Ольга Зверева	207
Ева Ахтаева	211
Андрей Грицман	215
Виктор Мартыненко	219
Ханох Дашевский	223
Сергей Шабалин	227
Михаил Гринберг	232
Саша Немировский	256
Ильдар Ахметсафин	261
Инна Рывкина	265
Давид Сеглевич	268
Андрей Костюченко	272
Андрей Гушин	276
Анна Гальберштадт	281
Влад Толмачёв	284
Мартин Мелодьев	288
Дмитрий Гаранин	292
Игорь Михалевич-Каплан	296
Нина Косман	305
Леся Тышковская	308
Палад.	313

Ирина Рыпка	318
Марина Генчикмахер	322
Борис Браиловский	329
Ирина Сапир	333
Анатолий Лемьш	337
Ирина Карпинос	342
Ребекка Левитант	347
Пётр Межурицкий.	351
Римма Маркова	355
Людмила Лурье	359
Юрий Диденко	364
Алёна Емелина	368
Валентин Емелин	373
Яна Кане	377
Галина Ицкович.	381
Павло Козленко	385
Марина Эскина	389
Семён Патлис	394
Сергей Кодес	399
Ирина Хенкина	404
Виктор Есипов	409
Евгения Босина	414
Вячеслав Рассыпаев	419
Валерий Слуцкий	423
Сергей Яровой	427
Зоя Полевая.	431
Вадим Гройсман.	436
Ксения Кириллова	441
Ольга Шенфельд	445
Саша Казаков	450
Лия Чернякова	453
Виктор Фет	458
Давид Поташников	462
Анна Стреминская	465
Олег Никоф	470
Василий Кольченко	472

КРИТИКА, ОЧЕРКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Анатолий Либерман. Год поэзии 2022.	119
Берта Фраш. Год поэзии 2022.	237
Берта Фраш. Связь времён 12–13	247
Дмитрий Бобышев. Два часа без интернета	476

IN MEMORIAM 491

Анна Михалевская. Тот, кто совершает невозможное	492
Евгений Голубовский. Профессор с лопатой	497
Антон Подлуцкий. Вечный Псёл Сергея Курбатова	506
Сергей Курбатов. Паломничество в страну слова (Герман Гессе о поэте и поэзии)	508

От составителя

Второй выпуск ГОДА ПОЭЗИИ выходит во время второго года войны в Киеве, в героической Украине, которая противостоит варварской агрессии издыхающей империи. Сколько смертей и разрушений ещё будет на счету этого зомби-чудовища? Сколько людей должно пройти через ад, чтобы мир очнулся от кошмара?

В этой книге участвуют более 100 авторов разных поколений из 14 стран мира: те, кто не замолчал от отчаяния и может ещё писать по-русски; те, кто превращает свой язык в действенное, *личное оружие*, в язык собственного голоса.

Общего прошлого на этом языке больше нет — оно распалось и рассыпалось.

Но остаются совесть, память, любовь, ненависть, надежда, вера в победу — в Украине, в Израиле, везде, где идёт война за свободу против рабства и варварства.

Мне кажется, что стихи наши текут не только из нынешних душ — но из будущего, которое создаётся сейчас.

Сегодня наш долг — увидеть растерзанный мир оттуда, из будущего, собрать, сохранить и понять то, что удалось сделать и записать в 2023 году, за второй год русско-всемирной войны...

Смерть рашистским оккупантам!
Слава Україні!

*Виктор Фет
Западная Виргиния, США
24 декабря 2023*

ГОД ПОЭЗИИ 2023

ПОЭЗИЯ

Ольга АГУР

Лето 2023

После этой войны
предлагаю следующее
всех кто её поддерживал
всех кто посылал своих детей
убивать других детей
всех кто грабил дома
взрывал минировал топил

если ещё останутся

переселить в руины
в здания из одних фасадов
на висящие в воздухе лестничные пролёты
во дворы с убитыми в песочницах
в горы мусора в мокрую копоть
в заваленные подвалы с людскими останками
пусть там живут
пусть стоят за хлебом в разбомбленных магазинах
пусть вода их пахнет затопленными животными
пусть ездят по раскуроченным шоссе
переходят по взорванным мостам
тонут задыхаются дышат гарью

впрочем, этого никогда не будет
потому что никто им не отдаст
ни сантиметра
мёртвой калечной оглохшей
бесконечно своей
земли.

Как выбрать правильную сторону

Эта сторона наиболее опасна при артобстреле
эта сторона наиболее опасна при разрушении здания
эта сторона наиболее опасна для тяжелораненых
этот подвал наиболее опасен при прямом попадании
эта лестница наиболее опасна для нижних этажей
этот роддом наиболее опасен для рожениц
этот квартал наиболее опасен рядом с заводом
эта электростанция наиболее опасна во время взрыва
эта ванна наиболее опасна для матери с младенцем
эта квартира наиболее опасна
для бабушки, мамы и крошечной девочки
эта песочница наиболее опасна для захоронений
эта переправа наиболее опасна для ночных автомобилей
этот граничный пункт наиболее опасен для добровольцев
это подразделение наиболее опасно для молодых
эти люди наиболее опасны для других людей
этот язык наиболее опасен в качестве родного
этот язык наиболее опасен в качестве единственного
этот язык наиболее опасен для прессы
этот язык наиболее опасен для лагерей

эти сирены наиболее опасны для стоящих за хлебом
эти трубы наиболее опасны при
это оружие наиболее опасно
эти люди наиболее опасны
это время наиболее опасно
этот город наиболее опасен
эта страна наиболее опасна
эта война наиболее опасна
эта война
эта война

никто не предупреждён. никогда.

Никакиенестихи

опять бомбят мою одессу
ошесть бомбят мою одессу
осемь бомбят мою одессу
и нетконцаинетинет
в мордоре снова лепят орков
в котлах переплавляют орков
и выплавляют новых орков
и посылают их бомбить
стирают землю город воздух
крошат людей взрывают воду
деревья птиц детей животных
дома машины хлеб мосты
об этом слышать невозможно
об этом плакать не выходит
немыслимо об этом думать
и видеть сноваздесьсейчас

какие тут стихи какие
слова разорванные в клочья
частей лишившиеся буквы
протезы из другой страны
июль 2023

Ханука 2022

*Посвящается
Александру Кабанову,
Ире Морозовской,
Юле Беломлинской,
Марине Козловой
И всем, кто.*

Когда-то ханукию
зажигали у входа в дом,
на внешней стене
промёрзшей,
слепой,
коричневой, белой.
Пел ветер молитву свою,
и свет разгорался с трудом,
и снег забивался внутрь.
Но всё же она горела.
Зажгу сегодня свечу
для тех, кто впотьмах бредёт
по яви чернее снов,
под страшный огонь с небес,
сквозь зиму, беду и слякоть.
Прикрывших собой детей.

Хоронящих без гробов.
Заплачу и замолчу.
Не место, не время плакать.
Свети же, ханукия,
свети, за свечой свеча,
для тех, в чьём дому темно,
для тех, кто в обломках выжил.
С тобой догорю не я,
ты не лучина, ты часть
Того, Кому нет границ,
Кто с каждым дыханьем ближе.
Декабрь. Тель-Авив. Тепло.
Из окон кухонный чад.
Меняет кору эвкалипт,
собой укрывает землю.
Лениво катит Яркон,
лениво утки кричат.
И светит во тьме свеча,
и тьма её не объемлет.

Андрей ТЕПЛОВ

* * *

Не судьба — это тоже судьба...
Разлетелись осколками птицы —
те, к которым взывала труба:
из разжатых ладоней — синицы.
Ярко-розовый след на снегу —
из-под перьев, что сломаны все.
Да дымок на другом берегу
иллюзорные страсти рисует.
Между днями — вселенский обман
пустотой расплескался по венам.
Виртуально-реальный капкан —
в голове нескончаемым пленом...

Наяву... всё как будто путём:
сыт и трезв, и не жалеюсь Богу,
на работе всё чин чинарём —
ближний свет пролагает дорогу.
Даже муза порхает порой
над склонившейся замершей тенью,
и прозрение не за горой,
ведь стрела на подлёте к мишени...

За окошком плывут облака —
мимолётные росписи неба.
Всё когда-то пройдёт... А пока —
дай нам Бог вдохновенья и хлеба...
9 сентября 2023

* * *

Накручивая диск на телефоне,
которого давно в помине нет,
стою на запылившемся перроне,
в горсти сжимая горсточку монет,
где серп и молот, медью зеленея,
тревожат память, юностью звеня,
и пальцы от волнения немеют
и провод виртуальный теребят...

Я набираю и не жду ответа,
и, замирая, улетаю вдаль...
В который раз уходит в Лету лето.
Всё — как должно быть. И немного жаль
ушедших дней... Ведь не вернуть обратно —
беспечность мыслей с лёгкостью шагов.
Витать в астрале дьявольски приятно,
и, словно зуммер, — этот вечный зов...

Он где-то рядом. Он безумно хрупкий.
И, если честно, разменяв покой,
хочу — сквозь вечность — в телефонной трубке
узнать до боли близкий голос... СВОЙ...
8 сентября 2023

* * *

Дай, Господи, мирянам белый лист...
А не мирянам — шанс поверить в чудо.
Перед Тобой любой и гол, и чист.
Ведь тот, кто сам пришёл, — того не судят.
Дай, Боже, ВСЕМ... но, главное, — больным:
слепым, чумным, глухим, тупым, жестоким,
дай слабым, грустным, мёртвым и живым,
и грешным срок отмерь — извлечь уроки...
Тем, кто воюет, помощи дожить
до славных дел и прекращения ада
и не сломаться, честно отслужить
за новый мир. А жизнь — уже награда.

Не пожалей надежд и светлых дней.
Вернее, пожалей заблудших все.
Твой добрый знак — любой брони сильней.
А каждый сам тропинку дорисует...
Ты только дай... а мы уж обретём —
учтём, поймём и будем век стараться...
и перестанем шастать днём с огнём,
и Человеком захотим остаться...

Пошли нам МИР — без рамок и границ.
Пусть отдохнут Земли душа и люди.
О, Авва Отче! Припадаю ниц...
прошу Тебя — ПРОСТИ!.. И будь, как будет...
30 августа 2023

* * *

Когда закончится война...
я знаю точно: День настанет —
придут другие времена,
и боль во времени растает,
вдохнёт усталая земля,
от мук и грёз очнутся люди,
и в небе росчерк журавля
(а не ракетный) виден будет,
взрастут духовные сады,
и память ляжет на могилы,
и тихий голос (близ воды)
попросит стойкости и силы —
чтоб возродить, принять, простить...
найти в себе и честь, и совесть,
и дальше с чистым сердцем ЖИТЬ,
не перечёркивая повесть...

В сей час не суть, где чья вина, —
Всевышний каинов накажет,
когда закончится война.
И миру правый путь укажет...

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА?..
24 августа 2023

* * *

Повеет ли с моря прохладой,
взойдёт ли звезда над рекой...
калитка у старой ограды
скрипит, будто машет рукой.
Уместится жизнь на ладони.
Скользнёт вдоль запястья печаль.
Намеренно загнаны кони,
силёнок нисколько не жаль.
Мгновение — сто́ит всей жизни.
Свободный полёт — не сравним.
Ползущий с рожденья до тризны —
застывший безропотно мим.
Летит мотылёк-однодневка...
Порхает, сверкая красой,
а жизнь, как портовая девка,
играет старуху с косой.

Ещё не написан *post scriptum*.
Финальный аккорд не звучал.
Не найдена новая рифма.

С рассветом — начало начал...
24 июля 2023

Борис ХЕРСОНСКИЙ

* * *

Москва — третий Рим, четвёртому не бывать.
Какой-то монах это сказал лет пятьсот назад.
Отсюда право захватывать и убивать.
Пусть рушится дом, был бы покрашен фасад.

На огороде — то чертополох, то пугало, то лопух,
Посадил дед репку, а на дедку донёс сосед.
А третий Рим нам не нужен. Хватило бы первых двух,
с лихвой бы хватило, но в лагерь отправлен дед.

Бабка отправлена в ссылку. Внучка сдана в детский дом.
Жучку муштруют в высшей школе служебных собак.
Кот одичал, но занят полезным трудом:
ловит мышку, и старая сказка закончилась так.

Вернувшись из цирка, клоун смывает грим.
Тиран снимает бронежилет и кирзовые сапоги.
Третий — лишний — и третий рейх, и тем более — третий Рим.
Не ищите врагов — вы сами себе враги.

2022

* * *

В колонном зале, понятно, всюду колонны.
Их обойти трудней, чем обойти законы.
Двойники не в моде — их заменяют клоны.
Копии множатся, защищая оригинал.
Портреты начальства почтеннее, чем иконы.
Перед ними товарищи бьют поклоны,
но разобраться не могут, кто кого распинал.

На карте мира горы не выше предгорий.
Три святителя — Иоанн, Василий, Григорий,
плюс Церковь зовут прихожан в партийный лекторий.
Мат, что твой небоскрёб — не счесть этажей.
Формальная логика спотыкается об апории.
Урок черчения страшнее уроков истории.
Убей меня, но не тронь моих чертежей.
30 июля 2023, Fabriano

* * *

На столбе табличка — опасно! Высокое напряжение!
Но провода оборваны и давно уже не под током.
Череп и кости поражают воображение
и порождают фантазии о минувшем, жестоком.

Но ни плащ-палаток, ни сапёрных лопаток.
Всего-то остались ордена и знамёна.
У армии анонимов есть один недостаток:
павших в боях нельзя назвать поимённо.
31 июля 2023, Perugia

* * *

Чёрные птицы снуют под грозовую тучей.
В этом нет поэзии. Это несчастный случай.
Плюс ветер валит деревья корнями вбок.
В этом нет богословия, но существует Бог.

А тут ещё и война. Мёртвые сраму не имут.
В этом нет философии. Есть изменённый климат.
Климат общественной жизни. Тут тоже дуют ветра.
В этом нет трагедии. Просто — такая пора.
2 августа 2023, Perugia

* * *

Между тем всё портилось. Всё — менялось.
Раздражала буквально каждая малость.
Цены на рынке. Истерики ближних —
по сути — пустых, бесконечно лишних.
Пропади всё пропадом. Провались в подполье.
Там — воспоминаньям и крысам раздолье.

И обступала со всех сторон та
обыденность — взрывы и сводки с фронта.
Многогранная ложь — не разобраться,
что на уме у жестокого братца.
Да и где тот ум? К летнему зною
легко добавить привычную паранойю.

Ты взят на заметку. Потом — с поличным.
Был безликим, а стал — двуличным.
Смотришь в зеркало — всё двоится.
В четыре глаза моргают двойные лица.
Так сложилось. Потом — завершилось.
Переиграть пытался — не получилось.
3 августа 2023, Umbertide

* * *

На то и море, чтоб ждать у него погоды.
У самой кромки, что у водопойной колоды,
бугристый бык, раскрашенный в цвета российского флага.
На спине быка нагая Европа дрожит, бедолага.

Чего ты ждёшь, красавица? Этот бык — не Юпитер.
Наследил повсюду, поскольку копыт не вытер.
С таким не сладишь ни в море, ни — стыдно сказать — в постели.
Саврасов рисует картину: ракеты «кинжал» прилетели.

Ракеты взлетели — и сразу на Привозе взлетели цены.
Самодельные художники рисуют батальные сцены.
А будущее неизвестно. Его не сложить, не вычесть.
Европа сидит, дрожа. Бык стоит, как надо — набычась.

На границе русского мира и античного мифа
корабли боятся мин больше подводного рифа.
Глубина им, как ни странно, страшнее мели.
Любили люди Европу, но уберечь не сумели.
9 августа 2023, Umbertide

Нина ГЕЙДЭ

— ИЗ ЦИКЛА «ВИНА 21 ВЕКА» —

* * *

К чему ни прикоснись — всё кровоточит:
мир ранен и в глаза не смотрит нам —
его на части делят кривотолки
и рваные края могильных ям.

Жестокий счёт на «умерли» и «живы»
ведут секунды-снайперы в огне.
Как карточные домики, сложились
весёлые картинки мирных дней.

Горят дома родные — вместе с ними
неисчислимым перечнем утрат —
горят в альбомах свадебные снимки,
в конвертах письма старые горят.

На детские рисунки чёрной краски
ночь не жалеет, небо закоптив.
Ещё война богата цветом красным —
сегодняшний стэндалевский мотив.

Родной язык в заложниках у ада:
любви посланник, звездочёт молитв —
теперь явился в роли супостата.
Мир ранен — и болит, болит, болит.

И только тронь реальность — распадётся,
вся расплзётся по гнилому шву.
Так будущее с прошлым расстаётся
навек — и во сне, и наяву.

* * *

Мне забыть бы на день один о войне
и моей вине,
что живу, дышу и не больно мне,
что ребёнок мой не кричит во сне,
пока смерть, весне
в соловьиное горло залив свинца,
всё поёт колыбельные без конца —
свистом пуль и разрывом незрячих бомб,
и молитвы один принимает Бог
за сошедшихся в схватке — к нему летят
души жертв невинных, покинув ад,
охвативший Харьков, Луганск, Донбасс,
Мариуполь, Киев — и тьма до нас,
может быть, докатится, но пока
пишет строки эти моя рука,
а рука другая — в другой стране —
прижимает сына к себе в огне.
Нет конца вине,
что бессильно слово поэта вновь,
что страшнее снов
самых чёрных явь, что погибший дед
в сорок третьем — дважды убит, что нет
больше солнца, смеха, цветов, весны
после ран войны.
«Мама, больно!» — ребёнок кричит в ночи:
— и, слабея, гаснет огонь свечи.

* * *

По весеннему небу — войны пунктир.
Перечёркнут крест-накрест судьбы рассказ,
и вступает в права незнакомый мир,
где любовь невнятна, а смерть резка

и близка — дырявый надев халат,
входит в дом и в привычку, воронкой-ртом
ухмыляется и не отводит взгляд,
сочинений новейших листает том.

Потеряла смысл мишура забот.
Бытие на алом снегу лежит.
Лишь огни пожаров, разрывы бомб
и церковей руины — не миражи.

Каски вписаны в краски весны глухой.
В нежном прошлом прячутся соловьи
детских сказок — сбивает их смерть клюкой
с веток в пепел сгоревших томов любви.

* * *

Украденная родина болит
и кровоточит ранами убитых.
Как призрак, память бродит между плит
иных эпох — любовь идёт в убыток.

Атаками охотничьих ракет
изранен Киев, Харьков, Мариуполь,
и прячется любовь-анахорет
в подземном царстве — жизнь идёт на убыль.

Мир непригляден, как сгоревший дом,
где выбиты все розовые стёкла.
Расстрелянная девочка крестом
худые руки-крылья распростёрла.

Над ней чужая родина в огне
склоняется в невысказанной скорби.
А Родина моя болит во мне —
я из неё выдёргиваю корни.

Я слышу каждый день бессонный плач
Серёжи, Насти, Павлика, Марины —
их к смерти моя Родина-палач
февральским днём легко приговорила.

Укройте Украину, небеса,
всех убиенных — в облаках лелейте:
им Родине моей смотреть в глаза
придётся не одно ещё столетье.

* * *

Как им другую жизнь теперь начать,
нося под сердцем холод замогильный?
Дни избывая, плачут по ночам,
и если б не война — и калачом
далёкая страна не заманила.

Для беженцев отель, где горький мёд
спасённых жизней заполняет соты
безликих комнатушек — душу жмёт,
как и пространства выжженных пустот
родной земли, где убиенных — сотни.

Но надо жить хотя бы для детей —
вон разыгрались в узком коридоре,
как рыбки золотые, из сетей
на волю ускользнув — от злых вестей
отчаянья, безумия и горя.

Их матери зовут меня на плов.
За Украину поднимаем стопку.
А их мужей война кидает в топку.
Я год уже найти не в силах слов —
и только плачу с ними, плачу только...

Николай ЛОБАНОВ

* * *

«Стрёмного века лихая година.
Берег покатый. Огни у причала.
Редкая птица. Луны середина...»
Это письмо без конца и начала.

Полночь. Неровна дорога на Ровно,
Путь до Рубежного выведен в литрах,
Словом ли, небом все связаны кровно,
Перепрошиты вечерней молитвой.

В гулком пространстве — заведомо тесно,
Ставится светлое прошлое к стенке,
Чем всё закончится — Богу известно,
Только ему и майору Петренко.

Час передышки. Стоп-кадр атаки.
Истин разруха, судьбы парадоксы.
Снятся майору крылатые маки
И огнестрельные белые флоксы.

Множат печаль безымянные лица,
Розданы карты, расписаны роли,
Снятся майору зелёные птицы
И урожайное минное поле.

Берег покатый. Народ на причале.
Каждый друг другу собрат и ровесник.
Военнопленного лета печали.
Набожной осени жёлтые песни.

* * *

Ночь украинская тиха
И тени маются тревожно:
«Уйти подальше б от греха,
Скользя вдоль поля осторожно».

А рядом замершие мы
Стоим, забыв уют домашний,
Под колпаком кремешной тьмы
Врачуя день позавчерашний.

Русскоязычная луна,
Теряя дар молочной речи,
Лишь констатирует: «Война»
И растворяется: «До встречи».

Останки рухнувшего дня.
Звезда, прилипшая к мундиру...
И шепчет Бог: «Храни меня»
Ополоумевшему миру.

* * *

Жжёт небо, растекаясь по земле,
Разводы туч — мишенями пилота
И ветерок скользит навеселе,
Соскабливая солнца позолоту.

Немого контролирует слепой,
Мудреют неохотно малолетки,
Вселенная — у века под пятой
Согласно новым данным контрразведки.

На картах судеб — пыль в три слоя, крап,
(Пустое — перемешивать колоду),
Бескрылый ангел курит жадно драп
И сетует на лётную погоду.

Теряется в пространстве человек,
Расходятся влюблённые в романсе
И Боженька замаливает век,
Ворча о когнитивном диссонансе.

Истины военного времени

Оцифрованные лица.
Разговорчики о братстве.
Не учи врага молиться,
Милость к бесу — святотатство.

Тишина — фигура речи.
Размолчись, мечты итожа,
Но не лги, что время лечит,
Разве только павших может.

Сайт вселенной. Путь-дорога.
Триумфальной бездны арка.
Отписавшимся от Бога —
Пух-перо на аватарку.

* * *

Уехать бы в Лозанну или в Нант,
Где тишина пугающа — до колик,
Где без вести пропавший лейтенант
И без вести нашедшийся полковник

Расписывают пулю на двоих,
Отпаивая прошлое бальзамом,
И вечер, что так набожен и тих,
Врачует обнажившиеся раны.

Идёт бескомпромиссная игра,
Уют такой вполне себе домашний
И в помыслах — грядущее ура,
А в прикупе рассвет позавчерашний.

Империя распада

Тревожа сумерки былого,
Пугая дальних словом друг,
Вожди, очерчивая круг,
Из песни выкинули слово,
Из слова вытравили звук.

Вой неба, скованного льдами,
И тишины безликой жуть...
И дым отечества уже
Горчит всё явственней с годами
В стране-палате номер шесть.

Берта ФРАШ

Прощальный звон

Есть родины «Вечерний звон»,
есть родины протяжный стон
и уплывающие дали,
где не согрели, а прогнали.

И над Днепром златые купола,
и горечь первых разочарований,
что я — не та, что родина — чужая...
Я долго с этим по течению плыла,
захлёбываясь и живя.
Но никогда не процветала!
Умом и сердцем понимала,
что здесь чужая навсегда.

А где — своя?!

* * *

Я друзей искала —
я их находила.
Я их ожидала
и за них молилась.

А проходят годы —
встречи и разлуки,
как весною воды
сквозь и лёд, и муки.

И корабль распался,
как корыто в тряске.
Так ни с чем осталась,
как старушка в сказке.
Киев, 1966

Просто день

Просто день, ожидание, бег,
речка, берег, трамвай, прохожий.
Взвизгнет тормоз машины дней
и улыбка застрянет тоже.

Зацепились за столб облака.
Нет немного кино и слово
обретает черты маньяка.
Просто день. И прогнётся снова.

Тяжесть капель дождя и разлук
размывает следы у порога.
Дальше смерти раскатится звук,
что настигнет тебя в дороге.

Просто день, просто берег, трава,
тайна чувств обронённого взгляда.
Просто день. И приходят слова:
откровение, боль и награда.

* * *

Хрупкий силуэт с зелёными глазами,
кажется, осень, но только без солнца.
Возможно, лето как фрагмент мироздания,
в нём сад без яблочного червонца.

Дни разбежались. И не в деньгах радость.
О погоде, болезнях мычать скучно.
От прочитанных книг горечь и сладость.
Но необъятно, тревожно, двуручно.

И только в стихах видны краски слова,
время спрессовано чёрным на белом.
К ним возвращаюсь я снова и снова,
крылья обретает стих. И тело

уходит в пике,
сливаясь с горизонтом.

Вера ПАВЛОВА

* * *

Родные, мы не одиноки — с нами
поэзия. Какая благодать
всё называть своими именами,
а собственное имя забывать,
какое счастье — петь на пепелище
и видеть, как из пепла восстаёт
дом лучше прежнего — светлей, уютней, чище,
родней — по чертежам из букв и нот.
21 марта 2023

* * *

Держись за свечу,
ликуй, печальница!
Стараюсь. Хочу.
Не получается.
Ослепла от слёз
беды попутчица.
Ну как там Христос?
Воскрес. Отмучился.
17 апреля 2023

* * *

Военный хронотоп:
землянка, ров, окоп,
ни завтра ни вчера —
в календаре дыра,
Враг в профиль и анфас,
река времён из глаз,
отбой, подъём, отбой,
свеча за упокой.
18 апреля 2023

* * *

На перекрёстке языков-веков
читает (слёз умелые запинки)
восьмидесятилетняя Денёв
«Надію» юной Леси Украинки.
О ты, планирующий на кресте
под куполом, землёй и небом между,
возьми свободу-волю-liberté,
верни надію-espoir-надежду!
18 мая 2023

* * *

Не знаешь, как теперь писать?
Труды и дни пусты?
Молчи, скрывайся и донать
на дроны и бинты.
На берцы. На сталкера мин
голеностоп стальной.
На перемогу. На помин
загубленных войной.
27 мая 2023

* * *

Летят, летят, летят
мопеды трёхметровые.
Круги мишени: МКАД,
Третье кольцо, Садовое,
Царь-Колокол, Царь-Пу...
Летят перины вспарывать.
Чай, лёжа на боку
приятней было царствовать?
31 мая 2023

* * *

Ткала батальные полотна,
молилась за чужого сына:
да будет пуля мимолётна,
да будет неисправна мина,
да будет скатертью дорога
убийцам в ад, домой героям,
да будет скорой перемога!
Прилёт.
Подрыв.
Разведка боем.
14 июня 2023

* * *

Утро. Солнце. Июнь. Война.
С линии фронта открытка:
на запястье черным-черна
от крови красная нитка
и, кто с грузом, кто налегке,
снуют муравьи вдоль длинной
линии жизни на руке,
оторванной миной.
26 июня 2023

* * *

палач рубит с плеча
топор ему по плечу
крест на груди палача
инструкция палачу
как гвозди в ладонь вбивать
вонзать под ребро копье
хулить скорбящую мать
спасенья искать у Нее
8 июля 2023

Максим КОРОВНИЧЕНКО

* * *

Когда организм привыкает к таким перегрузкам,
Душа начинает пульсировать с небом впритык.
Владимир Семёнович, буду с тобою на русском,
Но как исключение. Нам — это сложный язык.

С тобой разминулись немного мы в восьмидесятом,
Ушёл ты в июле — увидел я свет в ноябре.
Твой голос на плёнках сверкал своим хриплым каратом
И души людские толоч, словно это пюре.

Владимир Семёнович, знаешь, а ты б удивился,
Неверящим криком пространство, как бритвой, вспоров:
Страна, где когда-то ты пел, где любил, где родился,
Теперь превратилась в рассадник убийц и воров.

Задушено слово, свобода убита законом,
Развились два главных инстинкта — покорность и страх,
Блатных и насильников скопом вербуют по зонам
И мясом протухшим кидают в военный общак.

Владимир Семёнович, тут представляется к грамоте,
Кто девочек малых лишал их невинной плевы.
Ты жив в своих песнях, по-прежнему жив в нашей памяти,
Они же — мертвы, они и при жизни мертвы.

Когда-то ты пел: убиенных, мол, балуют раем —
Убитые русские, верю, отправятся в ад.
Есть просьба. У вас хорошо с урожаем?
Нарви райских яблок для всех украинских ребят.

На твоё решение

Продаётся большая победа:
Становись, народ русский, в очередь!
Захватили село у соседа,
Обещены соседа дочери,

Сыновья соседа застрелены,
Собака соседа съедена.
Обсуждать приказы не велено —
Убивай да насилуй, вредина!

Отрицательный рост развития:
Не страшны скрепоносцам санкции
Муж твой, женщина, стал убитее:
Получи, распишись в квитанции.

Да не вой тут белугой в трауре!
Нарожаешь, чай матка ррусская!
Ты испортишь отчизне ауру,
А с калекой жить — доля тусклая.

Коллективного мозга коррозия.
Царь любимый, судьбина нищая.
Вони кажут на нас «Малоросія»:
Мало росів ми поки знищили...

Нынче грех восьмой — милосердие,
Карма — та ещё, сука, бестия.
Нашим воинам — почёт бессмертия,
Вам, ублюдкам, — позор бесчестия.

Мироздание — штука сложная:
Мир решил так и с нас потребовал.
И мы сделаем невозможное:
Чтобы в нём таких тварей не было.

* * *

Иногда просыпаешься ночью и чувствуешь что-то злое.
В виске бьёт гитарным боем «Будь осторожен» Цоя.
Мертвенно бледный месяц входит усталым странником
И пишет пальцем-лучом на стене крупно ПАНИКА.

И лежишь оголённым нервом в холодного пота луже.
И сердце скачет, как мячик. Неясно, внутри ли? Снаружи?
Вгрызаются странные мысли в разбуженный мозг, как свёрла,
И рвутся наружу яростно — обвить незащитное горло.

В тебя проникает тьма, мешаясь с внутренним мраком,
Они зачали в тебе дитя и назвали его Страхом.
Он когда-то был твоим дедом, он будет твоим сыном.
Он подсунет тебе алкоголь, познакомит тебя с никотином.

Запутался рыбкою глупою в безжалостном неводе времени.
Что стукнуло там по паспорту? Какого ты роду-племени?
В объятьях Морфея рядом во сне улыбается женщина.
Законная или случайная? В сознании будто трещина.

Обнимаешь, зарывшись в волосы, узнавая её по запаху
И покоя поток живительный наполняет сознания засуху.
Страх за руку уводит панику, отступая в родные чащи.
Хорошо, когда рядом кто-то, кто спасает тебя и спящим.

* * *

Расплескайся во мне своей нежностью
Разгони кровь густую, стылую
Оставайся той грешной погрешностью
Что мой мозг наполняет силою
Что мой мозг наполняет жаждою
Поглощать мир глотками полными
Чтобы чувствовать клеткой каждую
Как он нас омывает волнами

Босиком по ладоням солнечным
Нам от ночи — рассвет посылкою
Летний вечер не будет вторничным
Коль сухое второй бутылкою
Коль желанье постелью смятою
Когда сглажены все неровности
Твои волосы пахнут мятою
Мои руки не знают скромности

Приоткрытые в мир фисташками
Сохранённые впрок плацентами
Мы приходим во сне мурашками
И уходим в закат легендами
июль 2021

Слава ГАУФБЕРГ

Философский пароход 1922–2022

Уезжают, улетают, уплывают
Точно так же, как 100 лет тому назад
Совесть, честь, талант Россию покидают
И опять идёт войной на брата брат

На глаза опять спускается завеса
И звериные ощерились клыки
И деревья снова стали частью леса
И опять вокруг мерещатся враги

Что с ней станет, с этой гиблою страной
С этой страшною страной, что 1000 лет
Вновь и вновь безумною волною
Удушала всё, что дарит свет

Как ей выбраться из нового удушья
Как от крови ей отмыться и позора
И от ненависти, и от равнодушья
И от имени проклятого Мордора

Нет ответа. Только небо так же сине
И под солнцем тихо тает грустный снег.
Покидает всё достойное Россию
Тот же год. Но только новый век.
5 марта 2022, Нью-Хэмпшир

Может быть

Может быть, мы встретимся в Гаване
Может, будем ночь гулять в Париже
Может быть, в каком-нибудь романе
Наконец-то я тебя увижу

Может быть, друг в друге растворимся
Может быть в глазах — холодный ветер
Может быть, как пламя возгоримся
Позабывши обо всём на свете

Может быть, вдруг сжалившись над нами
Время нас отпустит на поруки
И стихами, песнями, словами
Станут наши взгляды, губы, руки

Может быть...
Но как неумолимо
Стрелка на часах бежит по кругу
И планеты, пролетая мимо
Бесконечно тянутся к друг другу
11 апреля 2021, Майами

Маски

Жизнь — театр из мистерий и сказок
Из трагедий и фарсов подчас
Бесконечная смена масок
В сундуке у неё для нас

Эй актёры, быстрее на сцену
Что готовит нам новый день?
Нераскаянную измену?
Отцветающую сирень?

Может медные трубы власти?
Может горе — до дна испить?
Может пламя безумной страсти?
Может быть нам, или не быть?

Тихо небо осеннее плачет
И продрогшие птицы молчат
Мы за масками робко прячем
То, о чём наши лица кричат

Дождь затих, полыхает осень
И прозрачнее воздух звенит
Может быть мы друг друга спросим
Отчего так душа болит?

Отчего в нашей сладостной сказке
Где с любимым рай в шалаше
Жизнь на нас надевает маски
От которых так больно душе?

Отчего в мире праздничном этом
Каждой жилкой и клеткой любя
С нежным, томно зовущим рассветом
Просыпаюсь один, без тебя?

Отчего..?

Но как ветер вязок
Над обрывом гудит трубой
Мы устали от этих масок.
Жизнь, позволь нам побыть собой
28 сентября 2021, Нью-Хэмпшир

* * *

Россия опускается во мрак
Исчезли с улиц города афиши
И письма нам уже никто не пишет
И как-то даже дышится не так
Россия опускается во мрак

На город опускается туман
И тихо снег кружит, и дождик каплет
И на щеке слеза горячей каплей
И фонарей пленительный обман
На город опускается туман

И жизнь трепещется, как раненая птица
Ей хочется опять взлететь туда
Где небо, горы, реки, города
А не нарядно-лживая столица...
И жизнь трепещется, как раненая птица.

И людям хочется про всё забыть
Ходить в театры, в гости, на концерты
Не думая, как мы грешны и смертны
И прошлого уже не вернуть
И людям хочется про всё забыть

И снова нам мерещится барак
И мертвецы, бредущие этапом
И вновь заходится предсмертным храпом
Страна, с которой всё опять не так...
Россия опускается во мрак.
16 декабря 2022, Бостон

* * *

И больше счастья в жизни нет
Чем быть целованным тобою,
Чем быть назначенным судьбою
Плыть за тобой, моей звездой,
На твой волшебный нежный свет

Да, больше счастья в жизни нет
Чем парус слушать как трепещет
И видеть, как призывно блещет
Твоя нетленная звезда
И как уходят поезда
Нас оставляя на перроне
И убегая в никуда

И видеть в ледяной короне
По берегам притихших рек
Как тихо тает грустный снег
И почки набухают тугο
И наша верная подруга —
Луна свой льёт волшебный свет
И правит нашею судьбою...

Да, больше счастья в жизни нет
Чем быть целованным тобою
ноябрь 2016, Бостон

* * *

Там всё было до боли, до вопля знакомо,
Там веками сквозь тьму пробивается свет...
Каждой ночью во снах уходил я из дома,
Уходил я из дома, которого нет.

В своих детских мечтах, в романтической блажи
Я любил его, будто родного отца.
Но не сыном я был, и не пасынком даже,
А презренным изгоем без судьбы и лица.

Не врагом и не другом, даже не постояльцем,
А пришельцем чужим, так, присевшим в углу —
Только слово скажи, только тронь его пальцем —
Он, как загнанный зверь, унесётся во мглу.

И камнями швыряли, и словами травили,
Не давали дышать, запрещали мне жить,
Но чем больше меня и чем злее морили,
Тем сильнее хотелось мне петь и любить.

И любил я вовсю, так отчаянно страстно,
И любили меня, и рождались стишки,
И брнчала гитара, и всё было прекрасно...
Только ненависть вдруг обнажала клыки.

Только ненависть вдруг лицемерно и подлю
Объявляла меня нежеланным жильцом.
И я шёл сквозь неё, гордо голову подняв,
Не словившись и в грязь не упавши лицом...

С той поры много вод утекло на планете,
Только этот зловонный, не-отчий мой дом
В прах грозит превратить всё, что можно на свете,
Бесовским своим вновь полыхая огнём.

И его сыновья, так же злобно, как прежде,
Ненавидя других, презирая себя
О величьи своём грезят в жалкой надежде
Что когда-нибудь Бог всё простит им, любя

Но надеюсь, что нет. Призовут их к ответу.
Я не знаю, когда, и не знаю я как,
Но я верю, что в мире безжалостном этом
Существует Судьбы роковая рука.

И восстанут на суд убиенные души
И поглотит болото зловонную грязь
И мы будем любить, будем музыку слушать —
Этой дикой страны,
Этой гиблой страны,
Этой страшной страны
Никогда не боясь.
16 августа 2023, Бостон

Виталий АМУРСКИЙ

* * *

Эти чёрные дни не имеют, как будто, пределов —
Бесконечны минуты и каждый отсчитанный час.
Нострадамус не вычислил или же, впрямь, проглядел их —
Что ж о смертных тогда, то есть, надо ли мне тут о нас!

Вдалеке от окопов прожжённого стужей Донбасса,
Не вдыхая из Харькова или с Херсонщины дым,
Мы живём как всегда, разве что разучились уже улыбаться,
Потому что при виде убитых нельзя улыбаться живым.

Мы живём как всегда, и сирены воздушной тревоги
Нас не будят пока, потому что все тяжести ныне несут
Те ребята, девчата те, взрослые те — полубоги,
На шевронах которых трезубцы бойцов ВСУ.

Разве ж в мыслях своих, в своих чувствах особых, конечно,
С ними мы перед грозной рашистской ордой
На земле, где в озябших садах кое-где сохранились скворешни,
И хозяев своих, как и птиц, ждут сгоревшие сёла домой.

* * *

Трёхсотый день войны.
Зима. Вороний кар.
А мысли: как там вы,
Бахмут и Соледар?

Трёхсотый день беды,
Точней — уже полдня,
А мысли: как там ты,
Что бьёшься за меня?

Не молод я, прости,
Чтобы идти в тот бой,
Поверь лишь, что мой стих,
Как и душа — с тобой.

* * *

Репрессии, судилища, война.
Полмира сумасшествием пугая,
Неужто, если б впрямь была вольна,
Дошла б Россия до такого края?

В какой тупик она заведена,
Когда добро и зло не различая,
За грабежи сейчас в ней ордена
И за детей убитых получают?

Свирепые, крутые времена
Гремучих новорусских смесей
По формулам Ивана Ильина
И по рецептам прочих мракобесов.

Небезразличный наблюдатель их,
Душой надеждам Украины вторя,
Дивлюсь лишь, как спешит забрать своих
Отечества дымящий крематорий.

* * *

*«Русским парижанам», взгляды которых с печалью
открыл для себя с началом российской агрессии
против Украины и на фоне усиливающихся репрессий
против свободы при нынешнем режиме в РФ.*

Живёте рядом вы или, возможно, далее,
Но если вам не ненавистны путинцы,
Считайте, я сказал вам: до свидания,
Надеясь, что по речи нас не спутают.

Мои часы не совпадают с вашими —
Свои не стану я сверять, бесспорно,
С курантами на Спасской башне,
Что движутся теперь в иную сторону.

Мои шаги не совпадают с вашими, —
Желаете, пометьте это галочкой:
Шагающим под медь военных маршей
Мне предпочтительней ходящие вразвалочку.

Я не об уголовниках пригожинских,
Не о чуме, что по-церковному наряжена —
Но я о тех, чья сила воли схожа
С несломленной Навального и Яшина.

Кидающим камни в Польшу

*В связи с тем, что поляки
в нынешней войне проявили
подлинную солидарность с Украиной,
в России появилось
немало «исторических» упрёков
в её адрес.*

Душа у Польши тёмная?
Ну, а своя — светлее ли?
Про конницу Будённого
Забыть неужто смеем мы?

Про Львов в тридцать девятом,
Катынь энкаведешную —
Про всё, что с нами рядом,
И с ней, святой и грешною.

А там Варшава в пламени
С кварталами восставшими,
И мы вблизи — не Каины,
По сути ж, ими ставшие.

Там и «Процесс шестнадцати»
В Москве, в победном гуле,
Где палачам — овации.
А для героев — пули.

Эпоха «Солидарности» —
Расколотое зеркало:
Объятия бездарностей
Своих и Ярузельского.

Очки его, что прятали
Глаза, представил снова я...
Каким ж, Боже, ядами
Дышало время оное!

Сегодня, впрочем, лучше ли? —
И дерзости похожие,
И горькие, колючие
Ветра былые ожили.

На смерть Евгения Голубовского

Не от рашистской бомбы или пули
В Одессе нынче умер старый друг,
И сердце моё птицей ввысь метнулось,
Как бы при взрыве, прогремевшем вдруг.

Рука моя, зачем сейчас дрожишь ты,
Угомонись, душа, и не дури...
О, да — его убили не рашисты,
Но жизнь укоротили ведь они.
10 августа 2023

Александр РАТНЕР

— СЕМЬ СОНЕТОВ —

* * *

Война со всех срывает маски, их
Обратно не наденешь, а без масок
Мир сразу потускнел от мрачных красок —
Так выглядит без точной рифмы стих.

Тот, кто кричал повсюду, тот затих,
Кто танцевал, обходится без плясок,
Кто пастухом был, тот теперь подпасок,
И все во-первых стали во-вторых.

В такие, как настали, времена
Суть каждого из нас обнажена,
И, как иголку, мы её в соломе

Не спрячем, потому что в дни войны
Мы все открыты миру и видны,
Как на руках у медсестры в роддоме.

Сонет о сонете

*Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьётся в нём и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты.*

Валерий Брюсов

Тебе должно хватить четырнадцати строк,
Чтоб выстроить из них конструкцию сонета,
Она — вершина виртуозности поэта,
Стремись к ней, но и знай — в пути ты одинок.

На нём не забывай предтеч своих урок,
Пусть не прельстят тебя ни слава, ни монета,
Ни чин — твори своё: покуда песнь не спета,
То смертный в прятки ты с бессмертием игрок.

Боготворю тебя, классический сонет,
Хотя, чем ты, в стихах сложнее формы нет,
Но сложность одолев, нет более блаженства,

Чем, возводя тебя, поэзии служить,
Как ты во мне живёшь, в тебе остаться жить,
Достигнув в жизнь ценой вершину совершенства.

* * *

Неюный пленник юной красоты,
Я часто в зной, а изредка — в морозы
Дарил тебе на длинных стеблях розы,
Которые несла, как факел, ты.

А полночью, прижав к груди цветы,
Во мгле стояла, не меняя позы,
И, как алмазы, озаряли слёзы
Твои благословенные черты.

Когда же будет песня моя спета,
То на могилу в середине лета
Приди ко мне одна, без никого,

И там сорвав (не загони занозу!),
Прижми к груди пылающую розу,
Проросшую из сердца моего.

* * *

Я перестал смущаться и смущать,
А было время — эти две науки
Мне не однажды доставляли муки,
Когда я их пытался совмещать.

Зато годами взятый на поруки,
Я приобрёл умение прощать,
Однако всепрощенье запрещать
И пожимать не всем прощённым руки.

Мой дух бунтует против перемен.
Когда бы предложили мне в обмен
Две юности на старость, — я б отказом

Ответил, ибо старость седину
Вменяет той же юности в вину,
На чьих знамёнах чувства, а не разум.

* * *

Твоё бывшее некогда твоим
И настоящим, и грядущим было.
Откалывало время, как зубило,
От жизни годы — ты боролся с ним.

Так пожилой актёр снимает грим
Героя молодого, и уныло
Из зеркала, которое хранило,
Что был он молод, старый смотрит мим.

Уже таким, как в гриме, никогда
Не станет без него он, и года
От жизни время до конца отколет.

В грядущее рвануть бы напролом,
Светя челом, и всё равно в былом
Останется он сам, прожив хоть сто лет.

* * *

Порою пережить чужой успех
Трудней провала собственного вдвое.
И зависть задевает за живое
Того, кто гложим ею, как на грех.

Не стерпит унижение он такое:
Лишится сна, его покинет смех,
Среди былых пристрастий и утех
Ему уже ни дня не жить в покое.

И перед визави, прошу учесть,
Он будет рассыпаться в ложной лести,
При этом втайне строя планы мести.

Рифмуются не зря же «лесть» и «мечь».
Но и не зря созвучно с ними вместе
То, что завистник не имеет, — честь.

* * *

Неправда, что меня не замечали
В научной и в писательской среде,
Что у меня заветного нигде —
Ни за душою нет, ни за плечами.

В любви сторев, я воскресал в труде,
Не бунтовал, когда иных венчали,
А падал на земном пути в печали,
Чтоб на небесном выстоять Суде.

Но всё, чего достигну и достиг,
Ничто в сравненье с тем, когда на миг
Ты обжигаешь скорбной красотою.

Пожалуйста, не плачь передо мной, —
Ведь я не то, что слёз, а и одной
Твоей слезы, любимая, не стою.

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ

Ничейная жизнь

Ничейная жизнь на ничейной земле.
А дальше — обрыв, котлован. По росе
Ступают ничейные ноги
По топкой убитой дороге.
На этой дороге не ставят крестов,
Над этой дорогой не строят мостов,
И ангел над ней не летает —
Две матери горько рыдают.
У первой был сын — хулиган, дебошир,
Военную форму он гордо носил.
Снаряд разорвал её ночью
Волной огнедышащей — в клочья.
Вторая растила сынка на земле,
Растила хозяином в дальнем селе,
Гордилась сноровкой и силой,
Мечтала о внуках красивых.
Её ожидания рассыпались в прах.
Окутал село огнедышащий страх.
Кровинка родная — сынок,
За ридну сторонку полёг.

Когда ты услышишь дыханье весны,
К обочине встанут две скорбных сосны.
Застынут их слёзы смолою у глаз.
В ничейной земле похоронят и нас...

Где бы ни жил...

Где бы ни жил, ты родился евреем...
Значит, судьба — не судьба.
Будешь скитаться седым Моисеем,
Будешь смотреть в облака.
Манну небесную звать вечерами,
Дождик спасительный звать.
В сердце хамсина сухими губами
Будешь молитву шептать.
Видишь, дорога начертана Богом
Нитью на жёлтом песке?
Эта дорога — к родному порогу.
Только осият не все.
Мне бы успеть до скончания века!
Неразделённой судьбой
Просто лепить из себя человека
В долгом походе домой.

Звёзды озябли морозною ночью.
(Гулко дрожит тишина...)
Тесно прижавшись, глядят многоточьем
И пробирают до дна.
Время настало подумать о вечном,
Взгляд устремить в небеса.
Встретиться с Мамой, обняться сердечно
И посмотреть ей в глаза.
И, возвратившись в земные пределы,
Благословляя живых,
Вырастить деревце, чтоб шелестело
Памятью дней молодых.
Высадить деревце в тихой оградке,
Камушки вокруг разложить.
Мамы уходят походкой негладкой
И завещают нам жизнь...

Где бы ни жил — ты родился изгоем.
Значит, котомка — и в путь!
Долго плыви обжигающим морем
В земли, где хочешь уснуть.

Сага о Вермеере

Чапаев глядит безнадёжно — война-то тупая.
Отряды, как стаи волков, ошетинились шкурой.
Вермеер Чапая как будто бы не осуждает.
Набычился волком, «бычки» разминает понуро.

Вермеер знаком с Ваней Чонкиным, сыном Чапая.
Его бережёт, и пристроил помощником повара.
На фронт кашевар не торопится пушечным маем,
А мясом подавно не хочет за гибелью скорою.

Вермеера мучает сон о грядущей победе.
Закажут парадный портрет генералы в мундирах.
А Чонкин — как был гол-сокол, да котомкою беден,
Поедет на север колючий служить конвоиром.

В Гулаге он встретит больного и дряхлого старца,
Похожего в профиль на старого друга Вермеера.
Нарушив приказ, передаст бедолаге лекарство.
Но поздно. Пурга похоронит беднягу на севере.

...Немногие помят сегодня страдания Вермеера
(да, время беспечных, что делают пальчики веером.)
Он больше, чем мем, что подельники хваткие создали —
Чтоб совесть не мучила ночью слепую, беззвёздную.

Мальчики...

Мальчики, не надо на войну!
Там не обретёшь покой и волю.
Так, возможно, было в старину,
Но сейчас война — синоним боли.

Мальчики, зачем вам на войну,
Что несправедлива и жестока?
Полюбите слушать тишину
Дома — где растёт трава-осока.

Мальчики, обманутые злом!
Подлая война — не время славы.
Страшно с перекошенным лицом
Умирать в грязи на дне канавы.

* * *

Когда пурга накроет каждый дом
под свист метели,
рассевшись за обеденным столом,
крот смотрит «телек».
Там гончих псов собрали поутру
делить добычу.
Лягавых скопом кинули в трубу —
таков обычай.
Акела произносит речь-картечь:
готовы к сваре?!
Дрожащей лапой отдавая честь,
зигуют твари.
Акела проверяет сущих псов
на верность флагу.
Хвосты накрутит лающим без слов.

Кто враг? На плаху!
Не промахнись, Хозяин! За тебя
накатим водки!
Мы стая, и пехота, и броня,
лужёны глотки.
Мы город обглодаем до костей.
Закусим дёрном.
Нас переловят, тысяча смертей!
На живодёрню!
Нас будут ненавидеть, презирать,
сдерут три шкуры.
Акела промахнулся, перемать!
А пуля — дура.

* * *

Смотрю на фотографии из Бучи,
И кровью наливается строка,
И холод — непроглядный и колючий —
Пульсирует набатом у виска.

Век двадцать первый, жадный и надменный,
Как старый, обезумевший шакал!
Мы всех подонков вспомним поименно,
Кто имя человека предавал.

Илья ЛИПЕС

* * *

Свет, нисходящий в золу
И восходящий к Богу,
Траченный едким смогом —
Противоядие злу.
Разве что днём...

* * *

Когда меня вберёт в себя толпа
И вывозит и вывезет со звоном,
Я стану идеальнейшим шаблоном,
Чтоб всё по меркам, складно, не сглупа.
Я буду попивать клубничный чай,
Решать кроссворды не без интереса
И щупать ребра: все ли живы бесы. —
Так, между делом, словно невзначай.

Ода одиночеству

И. Л.

Себя от мира кругом очертя,
Взглянув небрежно и почти что вчуже
На всё, что колобродило снаружи,
Он распростился с прожитым, шутя...—
Устал повсюду соблюдать устав

Чужой среды, обвыкся в глухомани
И окрестил свой угол «Бирюкани».
Он полагал, что, несомненно, прав,
Безлюдье выбирая по уму,
Но как ему, порой, доставало
Кого-нибудь, кому сказал бы вяло:
«Как здорово живётся одному».

* * *

Злость выстыла. — И вряд ли растревожишь
Её пока что тлеющие угли,
А все углы уже давно округлы
И не занозисты... Теперь ты можешь
Скатать надолго скатерть-перебранку
И гладко жить, плюя на всякий выступ,
А ты всё лезешь на последний приступ
С нелепой обречённостью подранка.

* * *

От заговоров заговора нет. —
Перетекает в новый век банкет,
Вернее — очень странная вечеря,
Где все свои по масти и по вере
Сошлись однажды, а зачем — забыли,
Друг друга вопрошая: «Ты ли? Ты ли?...»

* * *

Незванный день в густеющей пыли.
Незвонный день — бессмысленный и вздорный. —
Кружатся в воздухе пустые зёрна
Каких-то слов, не ведая земли.

* * *

Слушай, Маня, шла б ты в ... сени,
Чем пенять за каждый пенни. —
Всё по фене да по фене... —
Эсперанто нам на что?
Покупай... хоть бегемота. —
Снова за своё... Ну, что ты?
Отдохнуть бы: не работа,
А сплошное шапито.
Эх, Маруся ты, Маруся! —
Вот возьму — и не женюсь!
Да щучу я, слышь, не дуйся. —
Дуралей — так дуралей.
Что, намаялась, подружка? —
Спи, усталая игрушка.
Выпить, что ли.. — Где же кружка?
То-то будет веселей!

* * *

А всё Путём: и Третий Рим и Крым,
И урожаи корнеплодов.
Одна беда: всё гуще дым
От философских пароходов.

Попытка пророчества

Получишь Гога и Магога
Надолго, насовсем ли? —
Напяливши на босу ногу
Чужие земли.

Игорь ХЕНТОВ

Фейхтвангер. Письмо

*Рано или поздно, если ты сам не вернёшься в свой дом,
то тебе НАПОМНЯТ, кто ты и вернут тебя в него те,
кого ты совсем недавно считал своими братьями...*

Лион Фейхтвангер

Пишу Вам, реб Лион (не герр, не господин,
Не мистер, и, тем паче, не товарищ)!
Путь к дому своему у нас у всех один —
Непросто отыскать в кромешной хмари.

Письмо Вам принесёт когда-нибудь, в свой срок,
Всевышнего посланец — светлый ангел.
Прочтёте ли его? То знает только Б-г —
Наш с Вами Адонай, Лион Фейхтвангер.

Что до моей души, то в ней страдает Зюсс,
Идя на казнь пред диким подлым сбродом —
Я не стыдился слёз, читая — не стыжусь
И ныне под бездонным небосводом.

В ней зримы Лже-Нерон, семейство Опперман,
И Бомарше, Франциско Гойя с Альбой,
Нацизма застит взор коричневый туман,
Течёт людская кровь рекою алой.

И, ко всему тому, я Флавием столь горд,
Что разделил бы тяжкое с ним бремя,
Как он, бы жизнь отдал за вечный свой народ.
За каждого, в отдельности, еврея.

Мыслитель и пророк, хочу задать вопрос,
Ведь Вы на свете всякое видали:
Под «Хванчкары» бокал, в дыму от папирос,
Как провести Вас смог усатый Сталин?

Не слышали Вы звон кандалный Колымы
И хрипы постояльцев Магадана —
Что ж, хитрость упыря затмила и умы
Барбюса, Арагона и Роллана.

И пепел Ваших книг струился в небеса,
И танцевали на угольях бесы,
И пролилась дождём Всевышнего слеза,
И — счастье, Вам кадиш не стоил мессы.

Спасеньем Вашим стал американский флаг,
Надёжно сохраняя для потомков,
И в сорок пятом пал униженный Рейхстаг,
И свастики пылились средь обломков.

А мир таков, как был: и нем, и глух, и слеп,
Порою непотребен в серой яви.
Всё бrenно, но не Вы, Лион Фейхтвангер, реб,
Не Зюсс-еврей, и не Иосиф Флавий.

«Жизнь за царя»

По проспектам, дворам, сквозь простор площадей,
От придонских степей до снегов Воркуты,
Строй идёт бессловесных послушных людей —
Страхом, как сургучом, запечатаны рты:

Ждут того, кто откроет на миг лагеря
Или тяжкие долгие годы в тюрьме,
Под хор «Славься» из оперы «Жизнь за царя»,
Что идёт триумфально на сцене в Кремле.

Застит взор им густой и прогорклый туман,
День за днём слух бесстыже корёжит враньё,
Павших замертво, как и сошедших с ума,
По приказу клюёт, веселясь, вороньё.

А на нивах чужих скалит зубы война —
Лихо «Барыню» пляшет циничная смерть,
Разговоры о мире на уровне дна
Под военных оркестров звенящую медь.

Бесноватый философ, поймавший кураж,
Уркаган, шлющий зеков, как скот, на убой,
Под истошное «браво», коварный шантаж,
Словно туча, висящий над хворой землёй.

Разделивший миры, безнадёжный февраль,
Цвета крови закат, цвета крови заря,
Нестерпимые боль, и тоска, и печаль,
Продолжение оперы «Жизнь за царя».

Голем

Появился я в Праге, в гетто,
Лёву бен Бецалелю в радость —
Было это зимой ли, летом?
Расспросите его, коль надо.

Лёв урода слепил из глины,
Имя дал ему Йозеф Голем —
Так прислугой я стал раввина
В мире, полном тоски и боли.

Истукан крепок был, как кремьень,
В январе и в раздолье мая,
И на лбу выводил Лёв «эмет» —
«Эмет» — истина — каждый знает.

И вселялась душа в урода
На шесть дней из семи в неделю —
Под всевидящим небосводом
Это было на самом деле,

И, помимо работ по дому
И охране от лиходеев,
Отводил я удары грома
От братьев своих евреев.

Тех ударов хватало вдосталь
По народу и даже Лёву —
Всё случалось предельно просто,
А затем повторялось снова.

Обладал я великой силой
И готов был сразиться с Адом —
Бесы рыли себе могилы,
Лишь встречаясь со мною взглядом.

В высшей степени безобразный —
Не знавала подобных Прага,
У собратьев просил приязни,
Но бежали они со страхом.

Я себя ощущал евреем,
Пусть из глины, но всё же, всё же —
Йозеф Голем... Для прочих — бремя,
Даже если душа под кожей.

Но с цепи я сорвался как-то —
Всё, что видел, рука крушила,
Гнев стал жизни последним фактом —
Было ль это? Конечно, было.

В день последний мой, в день ужасный
«Мет» — на лбу моём рабби вывел —
«Мет» — есть смерть — это знает каждый:
Просто, как алеф, бет и гимел.

Татьяна ЩЁГОЛЕВА

Я люблю тебя и солнце...

Я люблю тебя и солнце, я люблю тебя и море,
я люблю тебя и горы, я люблю тебя и снег.
Я люблю, и это — счастье, я люблю, и это — горе,
я люблю, и это — слёзы, поражение и успех.

Я пройду сквозь все преграды, я не сделаю ни шагу.
Я пойму, что это глупо; ничего я не пойму!
Я познаю боль и муку. После лягут на бумагу
эти сны и наважденья, неподвластные уму.

Дом пятиэтажный

Дом пятиэтажный,
форточка, сквозняк,
самолёт бумажный,
на ноге синяк.

Платица, примерки,
бабушка с иглой.
Полки этажерки:
Диккенс и Толстой.

На макушке бантик,
синей лампы свет,
в стареньком серванте
поиски конфет.

На зелёном фоне
пчёлка, стрекоза.
Тёплые ладони,
мамины глаза.

Разве я пишу стишок?..

Разве я пишу стишок?
Я леплю горбатого.
Вот он вышел на лужок
в половине пятого.

Вот достал он свой топор
из мешка дорожного.
На меня глядит в упор
без сомненья ложного.

Рубит дедушка сплеча.
Он лихого норову.
Я слепила палача
на свою же голову.

В мире множество затей.
Чтобы не соскучиться,
кто ваяет галатей,
кто-то — что получится.

Как странно, что я — это я...

Как странно, что я — это я, а не кто-то иной.
«Не верю», — сказал Станиславский, и прав был, наверно.
Себе говорю я, что жизнь такова, и не ной,
она хороша, хоть порою и выглядит скверно.

И лечат меня то удачи, то время, то смех.
И пусть я не горы свернула, а только пригорки,
но всё же свернула, а это немалый успех.
И хочется жизнь прочесть мне от корки до корки.

Прабабушка Роза

Прабабушки Розы не помню лица,
но век не забуду: старушка украдкой
в кроватку носила мне два леденца.
Какой ты была — остаётся загадкой.

Есть фото красавицы. Я без конца
смотрю на него и гадаю — она ли?
Прабабушки Розы не помню лица,
а помню, увы, лишь морщины печали...

Пугает не пропасть...

Пугает не пропасть, не мрак и не вор,
не ад людоедского племени.
Пугают разлуки. Звучит приговор
глаголом прошедшего времени.

Боюсь я молчанья садов и аллей,
заката прощального золота,
и будничной фразы — «пока, не болей»,
и холода, холода, холода.

Свет мой керосиновый...

Свет мой керосиновый, самый яркий свет.
Ты оставил в памяти самый яркий след.
Дело было в Харькове, свет у нас погас.
Раньше так случалось, помнится, не раз.

С лампой керосиновой жили, как в раю.
Помню возле лампы мамочку мою.
Помню тихий голос, рук её тепло.
Пили чай с вареньем... Сколько лет прошло...

Я вчера на даче собрала народ,
снова чай с вареньем, с сыром бутерброд.
Той же самой лампы тот же самый свет.
Всё совсем как в детстве...
Только мамы нет.

Светлана ЖУКОВА

* * *

Вот-вот и дорастёшь до нужных слов,
до самых нужных, что на дне бокала.
Наполовину пуст карман, стакан, улов...
Совсем не так всё это представляла.

Шагаешь в гору, а ступеней нет,
и где-то бестолковая вершина.
И не уверена, что думаю о ней.
А понедельники длинные, а жизнь не длинна.

А за углом знакомая скамья —
присесть, чтоб отдохнули ноги.
Сидишь и думаешь: ведь я уже не я,
а что-то древнее на стареньком пороге.

Переступить — и будет мир иной —
отстиранная кисея в лазурном небе,
не стёртом этой скаредой-войной
из пенсионно-выспренного бреда.

Перешагнуть — и, может быть, взлетит —
пичутой вольной из нутра личина.
Весь этот мелкий жизненный петит —
всего лишь листья — осень неизменна.

Сидишь, карябашь карандашом
податливую чистоту эпистол.
И хоть бы был какой-то высший толк
в смешных потугах обретенья смысла.

И вряд ли дочитают до конца,
поэтому спешишь поставить точку.
Как много сора нынче из ларца...
А кошка смотрит мудрым взглядом. Очень.

* * *

Время не растянешь и не сплющишь,
сыплется песочком в сонный двор:
жар такой безжалостно-колючий...

Где-то слышен птичий разговор,
но и он к полудню затихает,
прячется в тени и хочет пить,
и не смеешь ныть и время хаять:
с Богом ведь бессрочный договор
о любви, надежде и смиреньи.

Час сиесты пеклом не считай, —
вечер бросит край укромной тени
и опять начнётся суeta...

* * *

Стихи порою вылезают
из-под прилавка на базаре,
порою льются из ведра
тугой струёю серебра,
а иногда умеют виться
малюсенькой от выси птицей.

А, может, это не стихи,
а просто ночи, дни тихи,
а просто радость меж обстрелов,
а просто жизнь, как и хотелось.

Вдруг просто пахнет свежий хлеб,
и просто мир на всей земле,
и просто кошка ляжет рядом
и щурит янтари, не глядя,
и просто мечутся стрижи
и ткут на чистом небе жизнь.

Внутри протест против смертей
всех человеческих детей...
А рядом мирный атом спит.
— Не разбудите! — говорит.

* * *

Нечаянно заметишь позолоту
обочин, что не убраны с утра,
стрижиный ежелетний тарарам,
и дрогнет как-то, где-то, снова что-то.

Срисовываешь неба кисею
на вот-вот-вот иссякнущей странице,
и не смолкают звуки, мысли, птицы,
и суету продолжишь по житью.

Расправишь, что измялось невзначай,
придумываешь нитку Ариадны,
чтоб удержаться, выстоять, не падать...
А летом квас холодный, а не чай.

А рядом мягкое чудачество лежит
и щурит янтари, вода ушами.
И легче станет и теплее самость.
Листок на фоне облака дрожит...

И мчится дальше выдуманный день,
записанный, а значит можно вспомнить
его траву, росу, цветы и поле,
и вставить в рамку эту дребедень.

Перчёный, пересолённый сюжет,
его июльский свежий свет и запах
крадётся на пушистых мягких лапах
и, прыгнув, расцарапывает гжель...

* * *

Изнанка времени потёрта
и прячет грязное в тени.
Не заведёшь — бежит без счёта
и неизвестностью манит.

А вдруг оно остановилось?
Или считает миги вспять?

И есть предательское что-то
в прошедшем времени...
Магнит, что хочет возвращаться,
как маятник,
в былую жизнь?
В былое горе или счастье?
хоть как вертись, застынь, молчи...

Вода бежит и утекла
и правду бают зеркала,
и на бумаге чисто-белой
уже написаны слова.

Их не стереть и не исправить
хоть зачеркни...
Морщин следы
не прячет ботокс жёстких правок
и изобилие воды.

И носишь то, что изнашивалось.
И можно лишь вперёд идти.
Благоваришь за то, что силы
хватает до конца пути.

Георгий САДХИН

* * *

Когда над родным побережьем летал,
мне в глаз угодила звезда.
И след её в тине речной пропадал.
И рыбы сияли у дна.
Где наши тела, там и сом невесом.
У времени на сквозняке,
под парусом месяца мы поплывём
на спинах в парном молоке.
Смеялась, за плавки бросая песок.
И поезд над нами ходил
хвостом за звездой, покамест восток
под мост проникал из чернил.
Звезда укрывалась в намокший рукав.
Одежд не бывало светлей,
в которых, купая тебя на руках,
от счастья немел Водолей.

* * *

Мише Ведмедере

Фитиль керосиновой лампы потух.
В сарайчике сжалось начало,
когда ураган, как соседский петух,
влетел и сорвал одеяло.
И тень отступила. И стало светло.

Огромный испуганный фикус
ладонями листьев упёрся в стекло,
стараясь из рамы не выпасть.
Вихрь ворохом склянок оклеил юлу.
И нас у соседей искали.
Тогда сорванцы на Казацком валу
кривой самолёт запускали.
Кружа кукурузника рваную тень,
разбрасывая листовки,
держись, ураганом отмеченный день,
за памятные зарисовки!
Расхристанный ветер, давай, отрывай
лаптопа заветную дверцу.
И падает в речку сарайчик со свай
в кувшинки к зелёному сердцу.

* * *

Проснусь от зажжённого света.
И дверь на балкон ото сна
очнётся усилием ветра.
На скользкой верёвке из льна
заплещет простая рубаха.
И, крылья в испуге поджав,
прищепки забьются от страха
за детский короткий рукав.

* * *

Наверно, ветер лёг вздремнуть на пух небес.
Полуденный покой кузнечик прострекочет.
Залай, мой пёс, да так, чтоб закружился лес.
Пристрастный взгляд с нас не отводит кречет,
парящий вне времён, как настоящий стих,
настоянный на знойном полдне с клёном.

Всегдашний птичий гомон на ветвях затих,
когда играет пёс — весь рыжий на зелёном!

* * *

*...вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас.*

Михаил Кузмин

Выхваченный багром у тихоокеанской волны, морской пехотинец
и не видевший уходящих за горизонт водных просторов
конотопский хлопец, насвистывающий «Раскинулось море широко...»;
сошедшие на землю к расстрелянным землякам витебские

влюблённые

и курсант Севастопольской мореходки,
чудом избежавший гибели в Сталинградской битве;
бывший лётчик Черноморского флота, похороненный в Нью-Йорке
и умерший от «испанки» горловский парикмахер, когда-то
вдохновенный революционер;
переживший голодомор, но задохнувшийся в газовой камере доходяга
и без вести пропавший беспризорник-безотцовщина,
приславший матери с Беломорского канала: «...и этой зимой я ви-
дел жизнь другою стороною», —
вы, оставившие мне на хранение свои судьбы,
напевали голосом отца, —
«Ты одессит, Жорик, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Жорик, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!»

Там, где был мой дом

Где был первый дом,
там не до меня.
Там горит огнём
под врагом земля.

Где второй был дом,
там смыкают строй.
И на первый дом
мой идут войной.

И идут войной
на мой первый дом.
Первый — вольный дом,
а второй — дурдом.

Где мой дом-дурдом,
повторяют бред.
Лезут в чернозём,
как Саддам в Кувейт.

* * *

... и тебя осадила досада
Безупречна сердечная роль
Ночь обстрела
Пора «звездопада»
С неба словно рассыпали соль
И от сада до страшного ада
только боль

Елена БИЛЯК

* * *

Слушай меня, мой милый,
Просто слушай меня.
Весна наступает в мире
Всё ярче день ото дня.
Строит радуги солнце,
Ночи короче дней,
Облако в каждом колодце,
Да что-то не веселей.
Выкипела вся радость
Из небесных котлов.
Каждая малая малость
Требует сотен слов.
Это пустое, милый,
Фразы нам не нужны.
Мы на краю могилы,
Мы на кромке весны.
Катится рокотом эхо
Сбитых в подлёте смертей.
Нам не до слёз, не до смеха,
Разве что стали родней.

* * *

Во сне стояла на раздорожье
 И не решалась дорогу выбрать.
 Я знала каждый двор и проулок,
 Я вспоминала названья улиц,
 Но не спешила. Что в той дороге?
 Она путём для меня не станет.
 А если так — выключай Синатру
 И не шепчи, мол, приводит к храму.
 Куда дороги ведут, кто знает?
 Устанешь, сядешь, пойдёшь куда-то...
 В конце пути постучись — откроют.
 В конце дороги — сойдёшь, а кто-то
 Продолжит путь по твоей тропинке.
 Он знает, что его ждёт за храмом,
 За лесом, озером, за прощаньем,
 Прощеньем, памятью, за зимою.
 Я задержалась на перекрёстке.
 И так хочу за тобой, чтоб вместе
 Увидеть, что там в конце за морем,
 За возвращеньем с войны героев,
 За перекрёстком, за горизонтом,
 И за сомненьем, и за забвеньем...
 А после утром среди простой
 Суеты привычной я вспомню сон
 И решу, что, может, мой путь
 И есть — разделить дорогу...

— ИЗ ЦИКЛА «ЧИСЛО ХАЙ» —

* * *

Господи, сохрани того мальчика с видео,
Ну что жмурится, когда рвётся над головой.
Просто сделай в прицелах невидимым.
И братишку, пожалуйста. И вот этих с передовой.
И ещё моих мальчиков. Ну и что, что все с сединой?
И конечно же, девочек. Ну ведь можно так, Боже мой?
Понимаю, чтоб всех — бесполезно даже просить.
А давай мы знаешь, что сделаем? Восемнадцать моих спаси.
Ну всего восемнадцать — не много же. Сохрани, отведи, отпусти.
И подружке моей — ну высокой той — восемнадцать её спаси.
И ещё восемнадцать матери, что оплакала своего.
Но она ведь кому-то просит. Восемнадцать — всего ничего.
Так вот всех понемногу вывезем. Исправляй же, раз сам допустил.
Видишь сколько нас здесь, просителей? Мы кричим
из последних сил.
Не ропшу, не смущаю, Господи. Ну прости, это так... Прости.
Покарай меня, коль захочется. Восемнадцать каждой спаси.

* * *

На слиянии осени и зимы,
Где в разгаре битва добра и тьмы,
Где на грани крика, на кромке дней,
Где на том, что слов не найти точней,
Чем касание пальцев над бездной,
Мы по-прежнему живы, по-прежнему врозь,
Но живём через всё, что на нас пришлось.
И за шагом шаг приближаем свет,
Даже если сил на дыхание нет,
Даже если всё бесполезно.

И упрямым нам в небесах луна
Будет свет дарить, если тьма сильна,
Если страшен путь и далёк финал,
Если понял вдруг, что и прежде знал,
Как небесный свод посылает смерть и гудит тревогой.
Всё равно по лунным лучам пройдем,
Забывая напрочь покой и дом,
Непролитые слёзы спрятав от всех,
Унося, ставший хриплым и ломким, смех,
Через беды, грозы, ветер, дожди, но своей дорогой.

* * *

Потом научишься быть счастливой,
Жить в новом, послевоенном, мире.
Снова печь с абрикосом и сливой,
Окна с утра распахивать шире.
Станешь повязывать яркие шали,
Будешь ходить на концерты и встречи,
Зная, что близок вечер прощальный,
Но в расписании не отмечен.

Николай ПОЧТОВАЛОВ

* * *

Разлом. Пустынно и прогоркло.
Дымок. Запутавшийся след.
Земли запёкшаяся корка.
Всё это — отражение лет.
Пространство немо за спиною.
И голоса нам не слышны.
Мы снова только кромка слоя
вины и страха, и... войны...
Стоим безропотно и кротко
у той, невидимой черты...
За ней у жизни век короткий —
вершок коломенской версты...

* * *

Бессонны ночи. На камине
вальяжно тикают часы.
Луна пространство опрокинет,
меняя звуки на басы.
И загудит тепло, протяжно
ночная мгла... Фонарь мигнёт...
И кто-то — непременно важный,
как эпатажный звездочёт, —
начнёт предсказывать дорогу...
И растворится в пустоте...
Я больше верю некрологу,
чем продолженью на кресте.

Хлопчик

Хлопчик малесенькій та худенькій...
Не вспомнить — такая досада...
Но... помню, как на гитаре тренькал
и помню сад детского сада.
Нет того сада давно. Потомки
и не поймут, где цвели сливы...
Так не хватает душе соломки
тут, рядом — на краю обрыва...

Имярек

Я есть никто — февральский отголосок
от «хайль», звучащего на русском языке
ему — на глиняных ногах колоссу...
А палец ждал на спусковом крючке...
И он нажал... подняв вороньи стаи.
Земля, как будто встала на дыбы.
А мы бездумно в никуда вращались —
безмолвные, забытые рабы.
Такой весны и дураки не ждали.
На шеях вдруг расплавились кресты.
У нас и жизнь, и даже смерть украли.
В дыму надежд все помыслы пусты...
Унижен Мир. Но есть ведь Украина!
Бессонны ночи. Проклят окаянный век.
В Кремле сидит безумия причина.
И я уже не человек, я — имярек...

Только снег

Скоро снег... Но ведь — август... И всё-таки — снег...
Только снег... Ничего кроме снега на свете...
Всё в снегу... Вся планета... А как человек?..
У него ведь зачем-то тепло на примете...
Нет, тепла уж не будет, тепла уж не жди.
Никуда не уйти от непрошенной стужи.
Но... успеи, пусть и снег, — ты весну разгляди,
ты услышь изнутри... и не надо снаружи...
Ухвати хоть на миг хоть щепотку тепла.
Ведь ещё предстоит слово дать эпилогу.
Ведь дорога в снегах не туда завела...
Протопчи хоть тропинку к родному порогу.

Не вечный монолог

Качнётся ветка за окном...
Я голос твой опять услышу,
как будто в небе кто-то дышит...
хоть жизнь дежурно — кверху дном...
И тень разлучницы-судьбы
вот, рядом, вот, за поворотом,
где нет осенней позолоты
и жизнь не ставит на дыбы...
Но это было... Голос чист.
Сегодня — хрипл и монотонен.
Я в этом крохотном сезоне
не дерево, а жёлтый лист.
Пронзая беспробудный быт,
я даже ветру не поклонен.

Мой Мир беспечно заоконен.
И жизнь без устали скрипит,
врастая в вечности порог,
не ведая ни дня, ни ночи.
До вечности мы все охочи.
Но... всё ж не вечен монолог...

* * *

Я просто осень у большой реки.
И берег крут... И на краю обрыва
я должен, всем законам вопреки,
ещё хотя бы миг у смерти вырвать.
На кой мне Он, когда у той реки
так хорошо! и вдруг — не будет плохо.
Недаром у обрыва старики
не выдоха покорно ждут, а — вдоха.

Виктор КАГАН

— ТАРАСОВ ЗАВЕТ —

* * *

затвора мечется утóк война брудаста
аптека ночь и шепоток экклезиаста

всё было так и будет так по божьей блажи
натура дура жизнь пустяк дом кистью сажи

от смеха плачь от счастья плачь от боли смейся
колода крап кумач палач кострами взвейся

на чёрном небе декабря чернеет лебедь
и нежит душу упыря хмельная не́жить

а там где радуги надежд в жизнь умирают
обрывки ангельских одежд волхвы стирают

* * *

Второй пройдёт и третий вслед за ним,
а первый в землю ляжет перегноем.
Харон стопарик выпьет вместе с Ноем
за тех, кому был сладок дома дым.

Ковчег по Стиксу, небо хочет пить,
бьют барабаны, копоть лижет трубы,
поёт о том, что может повторить,
насильник и облизывает губы.

Обрывки ветра бьются в пустоту
из-за угла расстрелянного дома
и треплут в грязных пальцах красоту
расхристанные выродки погрома.

Второй февраль, запытанный войной,
ошмотья жизни в ржавых пятнах крови,
срамной кураж, огарочек свечной,
Клааса пепел, птицы над золой ...
В земном аду восходит купиной,
блискавкой сонячной, живою жовтизной
коханья колір в небосхил любові.

* * *

Мір, от себя обалдевший, опять играет в войнушку,
под кровь подставляет кру́жку — силой чужой напиться.
И распевают похабную матерную частушку
обозная блядь и удачи синюшная блудная псица.

Нас зачинали надежды в мудрейшей своей дури.
Мы выбирались на свет, не дыша, но в рубашке,
чтобы в порочного круга выморочной квадратуре
вертеться, пока не ударят колокола́ кондрашки.

Верили в светлое будущее правильные идиоты,
теперь о былом грустящие тихими дурачками,
пока обдирало с жизни слои жестяной позолоты
и подгоняло время то ласкою, то тычками.

Всё, что любили, было вроде заградотряда —
назад не отступишь, значит, вставай и иди в атаку.
От победившей жизни будет тебе награда —
дождём с того света однажды выпасть в свою Итаку,

гладить руки любимой, детей обнимать и плакать,
с друзьями до слёз смеяться, ополоснуть лица.
Главное, не напугать их, не разводить слякоть —
в памяти раствориться, в кошмарах ночных не сниться.

* * *

Иудиных дерев шумит багряный сад,
как памятник душе любви и самосуду.
Предательски любим, спасительно распят,
благодарит Христос две тыщи лет Иуду.

В руке небес дрожат судьбы твоей весы
и ангел или чёрт — чей там в два пальца свист?
Но ты тут ни при чём — для всех пушист и чист
и прячешься в цветах нейтральной полосы.

И что тебе до тех, кто с двух сторон в гоньбе?
Что Авеля душа? Что Каина печать?
Но в миг, когда твой крик велит тебе молчать,
две пули с двух сторон целуются в тебе.

* * *

инкарнация урфина джюса
на опилки изводит солдат
крутит кончик отпавшего у́са
попивая кровавый закат

и по чёрным мешкам груза двести
в немоте догнивают мечты
счастье маме колечко невесте
жалкий срам неживой наготы

день уходит за кромку печали
в немоту безъязыкой ночи
где когда-то хоть совы кричали
а теперь только стонут снычи

только стынет огонь да воро́ны
чёрных кошек черней на пути
запах серы дыханье дракона
зажигалок в ночи конфетти

в почерневшее небо стремится
изумрудного города свет
и души неуёмная птица
повторяет Тарасов завет
2022–2023

Раиса РЕЗНИК

Моя родословная

Старинные почтенные семейства.
Негромки в счастье и сильны в беде.
Наследников учили с малолетства
не забывать ни Бога, ни людей.

А на Подолье солнце светит ярко,
и для еврея светит за окном —
сверкнёт в Томашполе, блеснёт в Песчанке,
в Крутых закатным полыхнёт огнём.

Селенье, под названием Крутые...
Там Этале. Красива, как звезда...
Оставит двух мальцов и дочку Цилю
и молодой угаснет навсегда.

Ещё не просвистел казацкий выверт,
и ничего не ведает пока
ей суженый, Давид Григорьич Гиверц,
не сломленный под пытками ЧК.

В местечках тихо. Дни бегут упрямо.
В права вступил девятисотый год.
В Томашполе, у крамаря Абрама
Жванецкого, дочь Молкале растёт.

В Песчанке ждёт её парнишка тонкий,
любимец-весельчак округи всей,
убитый из петлюровской винтовки
мой дед, почти библейский Моисей.

И заживут безбедно и в согласье,
о том ещё не зная, что как дар
отведены им восемь лет для счастья,
дочь, сыновья, а старшенький — Оскар.

Но время подведёт за всех итоги.
Детей из тех семей сведут пути,
чтоб рядом быть в веселье и в тревоге,
и чтобы мне от них произойти,

жить в новом веке и тысячелетии,
где только об одном судьбу молю:
— Спаси детей! — Спаси моё наследие,
вот эту родословную мою.

28 октября 2021

* * *

Из рассказов мамы, бог мой,
эта жуть, этот бред:
«отец вернулся в 38-м зимой,
жёлт и сед».

О заключении — ни словца.
Дал подписку, не нарушай обета!
Таким и вижу я маминого отца,
не увидавшего меня деда.

Пытками в тюрьме не сломили,
не доконали допросами.
Летом нашли его и убили,
с машины многожды сбросили.

На станции Хащеватая
8 августа 39-го.
Та же банда проклятая.
15 марта 2021

* * *

На листах, по старинке, пишу —
то, что чувствую, то, чем дышу.

Шаг за шагом отмечу на ней —
шелестение нынешних дней.
Куrolесит листва, а трава
заглушает собою слова.

Плавно, в стиле Ушу, не спешу,
звуки здесь на хранение сложу.
Будет радостно бедной душе
оживать на крутом на вираже,

где листва не качает права,
только музыка ветра жива.
4 июня 2023

* * *

Он под маской, невидимка,
притаился и затих.
Пелена тумана, дымка —
никому не слышный стих.

Звук в потрескиванье сонном —
а о чём он? и о ком? —
перепевом, перезвоном,
пере-первый, пере-ком.
10 апреля — 11 мая 2020

* * *

Что же ты, столько лет пролистав,
точно прежде, спешишь к поездам,
не затем, чтоб в купе быть отдельном...
Пой с дождём, что вторую неделю...

Помечтай под колёс перестук,
завтра вдруг, завтра вдруг, завтра вдруг...
Переменится к лучшему
эта жизни излучина...

Подожди, подожди, подожди,
прекратятся косые дожди.
февраль 2004

Марина ТЁМКИНА

* * *

Забирают мальчиков. Смирно стой,
рубаху в штаны и на убой.
Бумажных солдатиков оловянный строй.
Это их последний и решительный бой.
Штабелями лягут в земле сырой.
Радио, болтай. Телик, пой,
как там всем сладко на передовой,
красивая кровь, бинтов нежный гной.
Дети мои злые, генерал слепой,
враг-то не там, он за спиной.
Дедов-психопатов ряд нестроевой,
спектакль с попами и с их Балдой.
Стоит в пикете юный герой
с плакатом НЕТ! бегом домой.
Берут под конвой железной рукой.
На всех языках этот стон у нас вой.
От сирен оглохнешь, больной войной.
23 сентября 2022, Villarcoin

* * *

Снилось, что я родилась на полвека раньше
и с пониманием, что такое полвека.
Сны растут из подкорки, там времени нет.
Снились дети, братики, сестрички галдят,
подтрунивают друг над другом, их язык не понять,
это идиш, польский, белорусский.

Живём в своём доме, часть его постоянный двор,
сарай с дровами, корова, коза, стойло, где лошадь,
сад-огород, колодец, русская печка, женщины-няни
не как мы одеты, пекут хлеб, пар на кухне,
взбивают масло, приносят картошку, яблоки.
Всё в эстетике соцреализма пятидесятых,
смешивается, накладывается детство матери на моё.
Крестьяне с подводами в поддёрвках
типа львы толстые, бурлаки на Волге,
Модя Мусоргский со зверским лицом пропойцы.
Распрягают, к ним нельзя подходить, это народ.
Люди входят в дом. То ли бабушка, то ли мама,
то ли я, мне лет семь, с подносом, на нём
гранёная стопка с водкой, огурец, хлеб с салом,
их зовут в столовую, кормят супом с мясом.
Это скоро исчезнет. Во сне я начинаю плакать.
1905-й, читают газеты, имя Гапон, слово расстрел,
погромы на Украине, мама ещё не родилась,
папа родился. Мы где? Пытаюсь понять
и не знаю. Надо спросить у братьев, где мы,
что такое революция, кто умер, кого убили,
убивают нас? мы евреи? Мужской уверенный голос:
«Не паникуй, нас ещё не убивают». — Женский
невозмутимо отвечает: «Пока нет».
Люди уезжают на рынок, запрягают на рассвете,
не увидим их до следующей недели.
Братья уходят в хедер, сёстры уходят в школу
или не уходят, я бегу за ними в валенках, в тулупе,
закутанная в платок, по сугробам, проваливаюсь,
как картинка в школьном учебнике. Слышу
мамин голос: «Знойный мороз», — поправляю «лютый»,
просыпаюсь в ужасе, не зная, я была там
за белых или за большевиков...

* * *

Памяти АПЦ

Как бы мне сесть в самый медленный поезд,
видеть вагоны на запасных путях,
старые рельсы в окне в обе стороны,
разъезжаются туда и обратно,
и ноты на проводах звуков-стуков,
косяшки на стыках рассыпаны, как горох.
Конкретной музыки дребезг стеклянный,
вздрагивание косоголов, смазанных на ходу,
перелесков, кубиков изб, треугольников крыш,
мелькание без остановки между тем и этим.
Камешки на откосах бегут
с мусором наперегонки,
перебеги-перебеги-поле. Не перебегу.
Едет небо, на нём, как указующий перст
академической живописи, подъёмный кран,
что-то в себе несёт его жест, много значений
для образованных, лыко сплющено в строку.
Суровой ниткой зашьют холстину.
Название города в некрологе Запорожье,
за порогом, на запоре, рожь и предел.

Деменция

1.

— Пошли. — Пошли куда?
— Пошли куда-нибудь
и сделай что-нибудь,
ну, посмотри в окно.
— Нет, там темно. Или:
— Нет, там светло...
— Ну, выйди погулять.
— Нет, там жара и холод,
дождь, ветер, снег, зима, —
хоть помнит про погоду.
Так говорил мой сын в два года:
«Погода», — про улицу, про мир.
— Твой сын? Ты, значит, мать?
— Я этого не знал, — укладываясь спать.
13 мая 2022, Вилларкуа

2.

Он сидит рядом
и, когда не спит, слушает птиц,
говорит мне названия по-французски.

Я вспоминаю книжку-раскраску
«Пернатые». Дрозд и стриж.
Или подсчитывает оттенки зелёного
в траве, в листе, рядом и вдалеке.
Сбивается, считает снова, говорит:
— Для этих оттенков нет названий.

3.

Например, я скажу: милый,
и он не поймёт.

Я скажу: не умирай,
и он не умрёт.

Я скажу: посиди рядом,
пока я пишу,
пока я гляжу и глажу,
и сторожу.

Например, я спрошу, что есть близость,
почему так быстро наша жизнь пронеслась,
как в сказке яйцо крутилось-стремилось,
когда вкрутую, желток, белок, скорлупа.
Такое кино, а если всмятку, то покатилося,
упало, разбилось, и соль просыпалась на пол,
на землю, и будешь бросать лопатой.

15 июня 2023

Григорий ЯБЛОНСКИЙ

Песенка

Я вам песенку спою
и начну её с начала.
Неожиданно во мне
эта песня зазвучала.

Зазвучала...

И звучать
ей не раз ещё придётся.
Эта песенка — из тех,
что не хочешь, а поётся.

И пока она звучит,
не предвидятся угрозы.
Но невольно замолчишь:
подступают к горлу слёзы.
9 августа 2023

Анатолий ЛИБЕРМАН

— ИЗ ЦИКЛА «РЕЧИ НЕВЫСОКОГО» —

Есть в древнеисландской литературе невероятно длинная «песнь» под названием «Речи Высокого»: много не связанных друг с другом строф, непостоянный размер. Высокий — это верховный бог скандинавов. Он делится с людьми мыслями о жизни, молодости, старости, подлости и благородстве. А ещё он даёт советы. Долгие годы пишу и я такой цикл, переименовав Высокого в Невысокого, то есть в самого себя. Ниже приведены отрывки, сочинённые недавно. Все «речи» я выбрал на одну тему.

1.

Вокруг меня одни старики.
Встречаемся, говорим о болезнях,
Что живём предсказаниям вопреки
И какая диета всего полезней.

Старики, конечно, всегда брюзжат,
Да и как тут не стать брюзгою,
Когда мир твой к стенке прижат —
Ни рукой не пошевелить, ни ногою?

Наши дети будут счастливей нас —
Так сказал соцреализма классик.
Восторжествует угнетённый класс
Ванек, Пепе, Петек и Васек.

Ветер насыпает издалека пески,
Старики у моря говорят об удаче.
Прощаю в пустыне Нью-Васюки,
А иван-чай с Петькой на даче.

Черновиков непотребный ворох...
Не то у моря, не то у реки
Встречаются печальные старики
И рассуждают о мире и хворях.

2.

Плохо быть очень старым,
Как плохо всё, что очень.
Живёшь отработанным паром
И ждёшь приближения ночи.

Плохо быть и совсем юным.
Мир кричит отовсюду: «Здравствуй!»
Пробиваешься на пир, как по дюнам, —
Стол накрыт, но соседу яства.

Плохо застрять на середине,
Когда остальные гуртом на марше:
Бес в ребро, в голове седины,
А все вокруг то моложе, то старше.

Странно жизнь у людей «обустроена»:
Все мы в ней одинокие воины.

3.

Смерть только в молодости в двух шагах, а старым
Она мерещится, как дымка, как дымок:
Конец несправедливости и карам,
И на устах неправедных замок.

Я слышал, что свезли такие травы
Из запредельных, заповедных рощ:
Бессмертник, львиный зев... И, если слухи правы,
От их настоя возрастает мощь
И отступает смерть — не на день и не на год,
А навсегда. Бессмертник, львиный зев...
Ни смертной муки, ни житейских тягот —
Какой манящий, но печальный блеф!

Я вечный жид. Я временем раздавлен.
Никто мне в жизни не отец, не мать.
Мой мир и так лежит среди развалин —
За что ж его бессмертьем добивать?

Уйди, бессмертник, сохни на корню,
И, львиный зев, увянь от львиной жажды.
Пока я жив, я всё в себе храню,
Но жизни срок не стану мерить дважды.

4.

Всем миром давили,
Всем миром травили,
И дичь мертва.
А нынче: «Слава», —
Кричит орава.
Орлиный клёкот!
Да будь он проклят,
Любой народ!
Вчера расправа,
Сегодня: «Браво!».
Живи, как крот:
Пир и похмелье
Лишь в подземелье.

5.

Теперь они сражаются за честь,
Кому выступать на его панихиде.
Оказывается, они всегда ценили его
И даже увековечили в каком-то хите.

Не пускали никуда, никогда,
Завидовали ему втихомолку,
Разворовывали по частям
И клали музыку, как зубы, на полку.
Он, оказывается, был велик,
Без него культуре серьёзный вычет,
Пишут предисловия и статьи о нём
И на учёных советах талдычат.

Вы решили, что здесь я зашифровал
Судьбу Данте и Мандельштама.
Нет, это притча о круговращении Земли,
Ибо в веках не меняется драма.
Гениев желательно истреблять,
А потом, успокоившись, отдыхать на курортах.
Закон вековечен и всегда один:
Любить (иногда) могут только мёртвых.

Терапия впрок, если шокова —
Слушайте меня, Невысокого.

* * *

Поэты Золотого века не только посвящали друг другу стихи, но и обменивались стихами. Не возобновить ли нам эту традицию? Недавно я получил письмо от одной своей старой доброй знакомой и решил, что стихи — её сочинение, но оказалось, что нет: она и сама не знает, кто автор. В Интернете удалось найти имя автора, это неизвестная мне Оксана Романенко. Вот это стихотворение и мой ответ:

А утро мы не с кофе начинаем
(Уже давно так делает весь свет):
Когда рассвет мы утренний встречаем,
Открыв глаза, заходим в интернет.
По зову сердца или по привычке,
Но с целью важной. Так скажу вам я:
Мы утро начинаем с переключки!
«Ну, как вы, мои милые друзья?» —
И если есть ответ, то на экране
Заветный, добрый огонёк блестит
И на душе немного легче станет:
Все живы, раз находятся в сети!
Дай Бог, чтоб так и дальше с нами было
И чтобы много-много долгих лет
С утра в ответ нам радость приходила:
Душевное и тёплое: «Привет!», —
Чтоб оставался в списке каждый профиль
(Ведь по-другому, знаете, нельзя!)
И утро начиналось бы не с кофе,
А с фразы: «Как вы, милые друзья?!»

Мой ответ

Всё так: беды не превозмочь.
Как корабли, уходим в ночь,
А утром за остывшим кофе
Читаем вновь о катастрофе:
То рядом с нами, то вдали,
Куда уплыли корабли.
Но где-то зажжены огни:
Мы в тёмном мире не одни!
Пускай не здесь, не за углом,
Но примостился добрый дом,
Не развалившийся в разруху.
Там люди, близкие по духу,
Как мы, и летом и зимой,
Сражаются с всемирной тьмой.
Огонь в их окнах, как попутчик,
Как среди мрака слабый лучик.

И в опостылевшем all right'e
Я говорю: «Не умирайте!»

Тогда и кофе будет впрок,
И радости продлится срок.

Невеликие стихи, но нелишние в наше страшное, смутное время.

Анатолий ЛИБЕРМАН

*Год поэзии 2022. Київ, Друкарський двір Олега Федорова. 2022.
Составитель Виктор Фет. Обложка — Николай Сологуб. 656 с.*

Так давно было то воскресенье,
Вроде помнить его ни к чему.
Есть везенье, а есть невезенье —
Как когда, как кому.

Но когда возвращается лето
В самый светлый из летних дней,
Вижу снова я только это
Воскресенье в царстве теней.

Чьи эти давнишние корявые стихи о 22 июня 1941 года? Мои. Танки на Украине, танки в Белоруссии. Чужие танки на моей когдатошной земле. И снова чужие (а для кого-то «наши») танки на той же украинской земле. Ну, конечно, на чужой земле и малой кровью! Короткая, но победоносная война. Спецоперация. «Я их по счёту не принимал» (это величайший стратег всех времён и народов об обречённых защитниках Киева). 22 июня. 24 февраля.

Оказывается, я не один помню тот день. Пишет автор (видимо, мой ровесник) в конце стихотворения «Майская ночь».

Папа спит, серебрится его седина.
Спит сестричка, устала, ей в школу наутро,
а беда приближается ежеминутно,
мама спит... Через месяц начнётся война
(с. 260; я и дальше буду называть
не фамилии авторов, а только страницы).

Воевали всегда, а европейцы ещё и со вкусом: сто, тридцать, семь, пять лет. Здесь не Ближний Восток: куда спешить? Но это было давно, и глаза уже не застилает пар с галицийских кровавых полей. А закордонный Афган, чужой Вьетнам, да и Чечня с Грузией — далёкие места то ли из вчера, то ли из позавчера.

«Год поэзии 2022» и похож, и не похож на своих предшественников. В заглавии отсутствует слово «русский», хотя все авторы от Украины до США и Новой Зеландии сочиняют стихи на своём родном, русском языке (что же им делать?). Стыдно (пока ещё) не думать и писать по-русски, а жить и молчать в России.

Но главное, конечно, то, что почти все стихи о войне. Она вызвала потрясение: неужели опять? Десятилетиями повторяли люди, как заклинание: «Только бы не было войны!» Эта фраза даже прорвалась в одно стихотворение. Ну, и, конечно, хотят ли русские (русские?) войны? Кто их разберёт! «в прифронтовых полях не сжаты / стоят понурые хлеба / гниют расклёваны буряты / испив до дна судьбу раба // не скобари, не гречкосеи / но иже с ними — под ружьё / сыны побочные рассеи / а пуще пасынки её // (с. 87). «Ах, Ахматы с Иванами, / Что забыли вы здесь? / Быть гостями незваными — / Невеликая честь» (с. 456). Вроде и осталось нам только молиться:

Вразуми российского мужика!
У него жена и ребёнок малый!
Он ещё не дожил до сорока!
Он собаку любит и нежен с мамой!

Он не жаждет крови и слёз врага,
Он приветлив, даже начитан в меру.
Спрячь его! Защити! Отошли в бега!
Не пускай на смерть за «царёву» веру!
(с. 401).

Поодиночке-то многие нежны, приветливы и даже «начитаны», но беда, когда нас нежных, нас, единственных, превращают в обожествлённый, всего хуже, великий «народ». «Сплю и вижу его» (Мусоргский). А как проснёшься, так видишь всех этих приветливых мужиков и баб, готовых расстреливать, пытаться, насиловать и фотографировать себя на фоне такого лирического пейзажа. Кому молиться? Кто вразумит? И ведь все «народы» на одно лицо.

Война вызвала естественную реакцию: гнев, боль, готовность сражаться до конца. Но, пожалуй, самое страшное — это ослепление в буквальном смысле слова, невозможность принять кошмар.

Под чёрным пеплом дом и страна,
Враги, друзья, соседи... Содом.
Господи, я всего лишь жена,
Позволь мне стать соляным столбом.

...

Прости им завтрашние грехи.
Дурная мать, дурная жена,
Я больше не буду писать стихи —
Зачем я такая тебе нужна?

*(с. 425; весь цикл выдержан
на высокой трагической ноте).*

«Я больше не буду писать стихи». Что же тогда и останется?
«Кто в подвале зачах? / Кто под землю несёт / девочку на сносках,
/ раненную в живот? / Кто при свете свечи / Жизнью должен истечь? /
Всё, стишок, замолчи. / Тут кончается речь»

(с. 48) — и того же автора:

Единственный твой сынок,
защитник, помощник, друг,
с вокзала придёт без ног,
обнимет тебя без рук,
наполнит стакан без дна,
без глаз оглядит подвал
и скажет: была война,
и я её проиграл

(с. 46).

Апофеоз войны. Кстати, имя Верещагина промелькнуло в сборнике:

«Смел Меркуцио, мелок Яго, / Блещет Бьянка своим нарядом: / Актуальнее Верещагин — / Череп к черепу ряд за рядом» (с. 334). И, конечно, то и дело возникают страшные библейские ассоциации: «Сегодня повсюду опасно. / Родись для Голгофы, дитя!» (с. 202). Люди вечно ждут: вот кончится бойня и встретимся «в шесть часов вечера после войны» (был фильм с таким названием). Да, конечно, кончится эта война, вернёмся домой без ног, обнимемся без рук и скажем обычное: «Позади — времена: не бывало подлей. / Впереди — лабиринт раскалённый. / Нам не будет покоя на этой земле — / Победителям и побеждённым». Увы! Воцарится полный гордого доверия покой, а пар с украинских полей рассеется. Кто ждёт справедливости в этом мире? Хорошо ещё, если покой и воля.

Взрыв захлебнётся и достигнет дна.
Ночь дулом на рассвет, а в грудь прикладом.
И нет возврата: надо, значит, надо.
И жизнь сухим пайком всегда одна

(с. 114).

В сборнике очень много новых имён (не только из Украины). И эти имена сопряжены с на редкость хорошими стихами.

Приведу несколько строчек, особенно запомнившихся мне. Стихотворение посвящено памяти Г. А. Ш. (я не разгадал монограммы):

... Жаль ненаписанные воспоминания, запутавшиеся в паутине
Беспамятства: об эвакуации, о работе над «синим» Блоком,
О тётках — дягилевских балеринах в Париже и в Аргентине,
О женихе, ограбленном и убитым
В экспедиции на корабле, в каюте,
О блокаде — съели кошек, потом собак любимых,
Об Ахматовой, Лидии Гинзбург — великих антисоветских людях.

...

Прямая спина — но дворянства оборваны нити —
Помада, и неизменное — одиноко, на — как живёте?
И пальцы неухоженные, в артрите

(с. 167).

Да, в ту блокаду съели и кошек, и собак и начали есть друг друга. Все войны на одно звериное лицо: «Та война осиротила маму, / Нынешняя маму забрала» (с. 486). И пишет русский из Украины: «Прости, Господь, беспутный мой народ / И покарай воистину виновных» (с. 569).

В сборнике немало страниц того, что можно назвать чистой лирикой, и в нём есть, конечно, стихи, написанные до 24 февраля 2022 года.

Я — нигде, кроме этого тела. Но я везде.
Я распят на истории, на каждом её кресте.
В веках моих бродят мамонты и мустанги.

Я ещё не рождён, но уже старик.
Голос мой тих, но порой заглушает крик.
Я шаманю в яранге и полыхаю в танке.

Правая рука моя — на Майдане.
Левая — вмёрзла в лёд в Магадане.
Сердце моё в Освенциме из-под пепла зовёт.
А в голове слова — Соломона: «и это пройдёт»
(с. 171).

Этот крик — порождён бесконечной тревогой.
Это крик — из-под ног уходящей земли.
Крик души, что вернулась к родному порогу,
Где пустырь... А вчера незабудки цвели
(с. 341).

Чаши фарфор, умывальника мрамор,
Старые карточки, бабушкин капор,
Письменный стол и линейки гардин,
Стены в обоях и пара картин.

* * *

Шахматный столик и бархат портьер,
Шестидесятых годов интерьер,
Книжные полки — цветные тома:
Джон Голсуорси, Есенин, Дюма...
(с. 382).

Часы стоят. Им некуда идти,
Им нечем жить и незачем вертеться.
У них уже так много позади,
Что эти гири оборвали сердце.

* * *

Часы стоят. Их мир ненарушим.
Они в ладу с судьбою и с собою,
И вряд ли там, внутри, клубок пружин
Ещё способен пробудиться к бою.

* * *

Скользим, пока внутри ещё стучит,
Пока болит, — живём, сползая мимо
Часов, застывших, будто римский щит,
Зачем-то переживший гибель Рима
(с. 433).

Конечно, отдавая в сборник даже более старые стихи, авторы подбирали такие, которые отражают их нынешний гибельный настрой. Окаянные дни, fuga смерти, и часто мелькают орки, злые духи Средней земли, выдуманные Толкиным, а теперь принявшие облик завоевателей.

В переводах много знаменитых имён. Среди них Эмили Дикинсон, Редьярд Киплинг, Поль Верлен, Иван Франко, Роберт Фрост, Уоллес Стивенс и Дилан Томас, а из старых классиков — Шота Руставели и Шекспир (четыре сонета; относительно последних замечу лишь, что Сонет 104 ни при каких обстоятельствах не мог быть обращён к женщине). Есть и менее известные имена.

Более девяноста авторов представлено в «Годе поэзии 2022» и уровень сборника необычайно высок. Я, конечно, не пытался воздать должное всем (и четверть участников не упомянута), а хотел лишь передать общее настроение этого превосходного тома.

Стихотворческая сфера высшей мудрости полна,
Благородна, благодатна и возвышенна она.
По душе достойным людям мелодичных строк волна:
Длинное звучит здесь кратко — тем поэзия сильна
(Строфа 12, [с. 617] «Витязь в тигровой шкуре»
в переводе Константина Гулишавили).

Так и запомним.

Анна ГЕРМАНОВА

Пузыри

Держать нельзя бежать
Отбить нельзя бомбить
Налепят запятых
Хоть выноси святых
Попрёт за ратью рать
Мостить собою гать
В боку с дырой герой
Себе могилу рой
Кадилом и болтом
Кувалдой и крестом
Костей в опоры свай
Ещё подсыпь давай
Забрать забрить забить
Забросить и забыть
Внизу на топком дне
Вы все нужны стране
Щебёнкой и песком
Печёнкой и виском
Трамбуются сыны
В трясику невойны
Она пятьсот шестьсот
В один заглот всосёт
И только пузыри
Полезут изнутри
Полопайтесь скорей
Под шелест матерей

Под хлюпанье в пруду
Вот призовут пойду
Всей правды мы не зна
Не всё так однозна
январь 2023

Строевой расчёт

Повзводно, поротно, на брата, на свата,
налево, направо, на пол-оборота
на первый-второй рассчитайся, ребята,
бегом разберись на двухсотых-трёхсотых,
на каждых десятых, на невиноватых,
на бедных-несчастных, на добрых-хороших,
крестили кувалдой, кормили с лопаты,
лечили на рублик, учили на грошик,
вот этих сломали, вон тех потеряли,
остаток собрали, отправили лесом
под песни про то, как деды воевали,
про вышли к Херсону, а шли на Одессу.
Смогли повторить не совсем симметрично —
гашетка повтора сбоит почему-то.
Хоть Фокса с Горбатым и вынули с кичи,
рвались на Берлин, а накрылись Бахмутом.
Мотай, бортмеханик, назад киноленту,
обратно виднее под пиво с дивана,
кого осеняет в виду Фиолента
косыми крестами Андрей Первозванный.
Сдавай нам, кондуктор, кремлёвские карты,
крути барабан с вертикальной загрузкой,
пошли на шумеров, а вышли в Урарту,
и с тем обнулилась империя русских.
апрель 2023

Перепрошивка

Не спи, шпана замоскворецкая,
 дивись, немытая Россия,
 какой в тебя под марш турецкого
 вошёл безбашенный мессия!
 В счастливом платье поплиновом
 прекрасная Россия будущего
 разбухла под мостом калиновым
 и пятится стозевным чудищем
 в пещеры предков, где в обителях
 комиссий самых чрезвычайных
 бессмертные полки вредителей
 разбрасывали семя каиново.
 Дела дедов мы не свидетели,
 мы не считали рвы расстрельные,
 вот так СЛОНа и не приметили
 за акварелями Карелии.
 Наш код культурно-исторический —
 балет, Гагарин, книга Велеса,
 Высоцкий в коме наркотической
 и Королёв с разбитой челюстью.
 Над островами Соловецкими
 над Спасской и Никольской башнями
 прячут архангелы советские
 Макаров, Стечкин да Калашников.
 Наш код на фазу закороченный,
 к чему ему, да не гребут его
 новочеркасские рабочие
 и полигон в посёлке Бутово.
 От крайне правых до умеренных
 мы в целом Родиной довольные —
 plombир, парады, пионерия,
 психушки галоперидольные.

Спроси, кудрявая, у ясеня,
спроси Гайдая и Рязанова,
ВКонтакте или в Одноклассниках,
нам что, кодироваться заново?
Каких матросовых с мартенами
и вспять повёрнутыми реками,
с хренадцатым партийным пленумом
объявим на сегодня скрепами
и, безъязыкие свидетели
России в терминальном градусе,
войдём в грядущие столетия
в ином процессуальном статусе.
май 2023

Людмила НЕКРАСОВСКАЯ

* * *

Я не подозревала, что война,
Пришедшая в наш дом бедой страшной,
Мне тайну приоткроет: тишина
Поистине бывает драгоценной.
С ней человек немислимо богат:
В ладони небо зачерпнув седьмое,
Он слышит, как секунды шелестят,
Как снег на землю падает зимою.
И в миг, когда сирены не слышны,
Мне хочется забыть кошмар военный.
И я прошу у Бога тишины,
Чтоб в ней расслышать музыку Вселенной...

* * *

Сирена рвёт пространство на куски,
На узкие полосы режет время.
В ней столько жуткой боли и тоски.
В ней страх, что смерть уже летит за теми,
Кого сегодня жертвой изберёт,
И чьи дома обрушатся внезапно.
Сирена нас в укрытие зовёт
И потому она вопит надсадно.
Но светит солнце в небе голубом.
А это с воем не сопоставимо.
И я молюсь, чтоб устоял наш дом,
Чтоб смерть-злодейка пролетела мимо.

* * *

Владимиру Галиченко

За окнами война, а в зале плачет скрипка
И молится за всех, кто защищает нас.
Действительность страшна, а жизнь довольно хлипка,
И нет иных утех в душе моей сейчас.
И хочется забыть ракеты, бомбы, мины,
Забыть всё, от чего душа кровоточит.
И хочется дожить до счастья Украины.
И верится в него, раз музыка звучит.

* * *

Уэллс и ленин встретились в кремле.
Имела встреча важное значенье.
Фантаст россию увидал во мгле,
А вождь твердил о планах освещенья.
Сквозь время не увиделось ему
То, как россия с каждым днём наглее
Спешит не сделать жизнь свою светлее,
А Украину погрузить во тьму.
Уэллс был дальновидней и верней
Предугадал намерения злые:
В духовной мгле находится россия.
А эта мгла любой другой страшней.

* * *

Угощайтесь, отважные птички!
Вот вам — сало, вот — горстка зерна.
Словно флаг Украины — синички
Ожидают меня у окна.

И сугробы отчаянья тают,
И на сердце гораздо теплей:
Эти пташечки не улетают
От войны из Отчизны моей.
Вот и я никуда не поеду,
Хоть немалые силы нужны,
Чтоб без усталости верить в победу
И подкармливать птиц до весны.

* * *

Усни, сынок, под песенку мою,
Усни пока тревога не слышна.
А я тебе тихонечко спою
О дне, когда закончится война.
Тогда вернётся папа твой домой
И от души сумеет нас обнять.
Мы, радуясь тому, что он живой,
Со щёк не будем слезы вытирать.
Бронежилет он сбросит на порог
И скажет: «Мы закончили войну».
Погладит по вихрам тебя: «Сынок,
Теперь начнём отстраивать страну.
Ты станешь мне помощником во всём.
Нам сильными с тобою надо быть,
Чтоб город восстанавливать и дом.
Да так, чтоб в них комфортно было жить».
Усни, сынок, под песенку мою.
Пусть вой сирен не распугает сны.
Мы оба знаем (баюшки-баю!),
Как нелегко любимых ждать с войны...

* * *

— Что ты рисуешь, сынок?

— Я рисую войну.

Видишь стреляющий танк? В нём мой папа сидит.

Я все машины, подбитые им, зачеркну.

Папа мой храбрый. Он нас от врагов защитит.

Это — наш флаг. Папа к танку его прикрепил.

Мама, ты завтра ему мой рисунок пошли.

Я так хочу, чтобы он поскорей победил,

Чтобы прогнал всех врагов с украинской земли,

Чтобы домой возвратился.

— Сынок, папа твой

Самый хороший, и я его очень люблю.

Чтоб поскорее с победой вернулся домой,

Как оберег, твой рисунок ему отошлю...

Только, родной, дорисуй сиротливый наш дом.

Я напишу, что мы очень скучаем и ждём...

Папа сражается, зная: победа нужна,

Чтобы в рисунках детей не гремела война...

Денис ГОЛУБИЦКИЙ

* * *

По этой улице ко мне поднималась бабушка.
Ей приходилось то и дело останавливаться —
сердце уже пошаливало у моей золотой.
А я, сорокалетний ребёнок взбалмошный,
пока ещё лихо взбегаю по улице не крутой.

И я понимаю: какая-то логика явная
есть в том, что снова возвращаюсь к себе,
к своему детству, к своему прамиру, вижу бабушку Миру.
И пусть эта улица называется, например, Янгеля
или Полевая, и опять на ней дали квартиру

еврейскому семейству,
которое, меня ещё несколько не предчувствуя,
живёт в послевоенном, хлопотном, обыденном,
растит детей как все и не как все.
Ко мне подходит бабушка, грешная моя, пречистая,
берёт меня за руку,
и мы отправляемся кататься на колесе.

Вы, конечно, думаете, что я о колесе обозрения,
которое и в прежних парках, и в нынешних
позволяет на жизнь посмотреть свысока.
А на деле, это колесо взросления, колесо прозрения,
но только не озлобления.
И я чувствую, как надёжна, как хрупка,
как незаменима бабушкина рука.

* * *

И когда исполнится ровно год, с точностью до миллисекунд,
мы откроем блокнот на букву «Х», раздел «Хладнокровие»,
а в нём — только горячая кровь,
Красное море, не омывающее никакого берега.
Зимой Красное море становится холодной кровью,
и мы опять вырастем
на две тысячи
двадцать
два
года.
И пусть не разрывается спасательный круг ноля.

Откроем блокнот на букву «В», а в нём разделы «Выдержка»,
«Волнение»...
Море волнуется — раз, Азовское Красное море,
Море волнуется — два, Чёрное Красное море.
взрывов,
всегда заполняют все разделы на букву «В».

И когда исполнится ровно год, с точностью до миллиграмм,
то останется только пять букв.
И если проглотить одну из них, то
Внезапная
Те, кто однажды проснулся от звуков
Оторопь
(Й)
Начала
Ада
сменяется
Вязким
Опытом
(Й)
Нашего
Антитеррора.

И ещё три буквы — М, И, Р,
а если добавить в конце Л —
то бабушку окликаю.

2023

* * *

Тане

Пока мы ёлку украшали,
ерошили и укрощали,
год постепенно истекал
смолою, смелостью, огнями,
плескался радостью меж нами,
слабел, как пламени накал.

Пока рассматривали ёлку,
терзали каждую иголку,
всё норовили оглядеть,
то, наблюдая за итогом,
смогли задуматься о многом
и повзрослеть, и поседеть.

Пока ты ёлку окропляла
гирляндами земного бала,
небесным облаком и той
ручной работой совершенной,
пока трудилась с украшением
витиеватости литой

ветвей искусственных, но честных,
в преддверии минут воскресных,
пока мы освещали дом,
пока мы угол освящали,
сверчки с цикадами трещали,
таясь, как рыбы подо льдом.

Пока мы ёлку ворошили,
пока над нею ворожили,
то обнаружился проём
в стеклянном хрусте,
в грусти, в блеске
и в шевеленьи занавески —
её мы вешали вдвоём.

Пока мы праздновали это
рождение святости и света,
год озирался и немел.
Стихотворение, как призрак,
брело за спинами. И присно
несла зима графит и мел.

* * *

Пишите: Київ (точка) com,
а после — хвастайтесь обновой.
Ведь я воссоздан языком,
который называют «мовой».

Всё дело в том, что перевод
в каком-то смысле невозможен.
Мужской мой род, родной мой род,
никем не будешь уничтожен.

Читайте: Киев. Точка. Сеть.
Из глубины восстанут глыбы.
Язык — единственная снесь
и мовы не отвергнут рыбы.

И бывший мир, и новый мор,
и страшно фауне и флоре.
Но с каждым, с каждым nevermore
сильнее киевское море.
2023

Ариэла Марина МЕЛАМЕД

* * *

о чём ты думаешь с утра о чём
о том что тёртым калачом бичом
уходит день и что ему почём
судьба валетом
всё обернулось нынче поперёк
и где был запад там почти восток
не запасали мы конфеты впрок
кто знал об этом

да нулевой смотри меридиан
он как конвой у городов и стран
там мировой подходит океан
и жлоб с кастетом
настанет время прорастёт трава
другой букварь теперь учи слова
увидишь небо говори сперва
вдогон за светом

да если только сердце не жалеть
а полюбить свою земную твердь
людей любить пока трудней уметь
ну разве летом

* * *

Это просто потоп, не сходите с ума,
Не толкайтесь толпой у причала.
Осознание чтоб окатило до дна —
Мы судьбу продолжаем сначала.

Сколько новых вестей — всё желтей и желтей,
От винта, почитай — до погоста.
Прошлой жизни хана, мир покатится на...
То есть, станет огромного роста.

Просто вертится шарик быстрее и быстрее,
А куда — не мечтай разобраться,
От безумных затей до зверей и детей,
Кто же в лавке останется, братцы...

Если кольцами времени свёрнут моток
И рассвет крыши дальние лижет,
Открывается дверь, догорает восток,
Видишь, небо подходит поближе...

* * *

Трещины на асфальте,
Жёлтый торшер в окне, —
Памяти посигнальте
Тонкой свечой в огне...
Если асфальт слоится,
Если всего — чуть-чуть,
Если приснится птица —
Всё будет как-нибудь.

С вечера и наавтра
Или уже вчера —
Следующего марта
Отозвалась пора.

Точки, тире, предлоги, —
Трещины по пути,
Двигать скорее ноги,
Карту с утра найти,

Где в переулке — вечер,
Где и слова легки,
Где мой весенний ветер,
Дальние огоньки...

* * *

*Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...*
Булат Окуджава

Вы обещайте, обещайте, — я поверю,
Что будет счастье непременно на земле,
И мы дождёмся, наконец, Любовь и Веру,
Ну, а Надежда тут по-прежнему в седле.
Спасибо ей, что ходит рядом постоянно,
Что светит солнце и, чего уж там — луна.
Что ожидаем до сих пор небесной манны.
И надо жить. И ждать другие времена.

Всё два в одном — и тьма, и свет. Зима и лето.
Трава и розы, гиацинты, цикламен...
И вдруг, — предчувствие любви, по всем приметам,
Почти сквозняк — волшебный ветер перемен!
Спасибо небу, что повсюду необъятно
Опять и снова расцветает окоём...
Не описать, не описать, невероятно,
Смотри, у моря, где маяк. И мы вдвоём.

Дина БЕРЕЗОВСКАЯ

* * *

Один среди заросших,
почти могильных плит,
оставлен и заброшен,
мой дом ещё стоит.

Хоть надписи на стенах
осыпались трухой —
с моей тоскою в венах,
и никакой другой.

Оконные провалы
все выбиты почти —
глядит, не узнаваем,
как будто снял очки.

Беспомощно-размыты
неяркие черты —
в плену своей орбиты,
обломок пустоты.

Там некому ответить,
подставить мне плечо,
внутри труха и ветер —
но он стоит ещё.

* * *

Сверчит, не смолкая, вечерняя птаха.
Захлопнув окно впопыхах,
по комнате мечется ветер-неряха
и сор замечает под шкаф.
И ты остаёшься, приросшая к месту,
покуда усталость и дым
не скроют тебя до бровей — как невесту
фамильным шитьём золотым.

За то, что стучит неуёмная створка,
мы держим с тобою ответ,
за то, что творится земная уборка,
и полный соринками свет
прольётся. От матери нам достаётся
оконная рама, портал,
закатного золота серьги и кольца,
наследства тяжёлый металл.

* * *

Стебель небесной соломки
вложен в пергамент двора —
луч осторожный и ломкий,
бьётся в луче мошкара.

Словно гербарий, неслышно,
высушено доживём,
не сокрушаясь, раз вышло
нам оказаться вдвоём,
в сетчатых окнах больницы
гаснуть усталым лицом
и шелестяще стелиться
в ноги седым чабрецом.

Сколько глядеть доведётся
в тёмные окна тайком?
Сколько ещё остаётся
грусти в остатке сухом?

Снова под утро не спится,
и, виноват без вины,
слушает, как за ключицей
мошка ночная звенит,
мой, не готовый проститься,
дальней палаты жилец,
словно прижатый страницей,
колющий пальцы чабрец.

* * *

За ближних, дальних, но сперва
за тех, что не спасти —
довольно подобрать слова
и вслух произнести.

Но неприметен голос твой,
ничем не осиян —
горошек трели горловой
в коробочке семян.

Когда смеркается к пяти
и смутно на душе,
внутри тихонько тарахтит
небесное драже.

И хоть немая эта речь
честней мольбы любой,
ей никого не убережь,
не заслонить собой.

Олег ГОЛОДНЫЙ

Что впереди?

Опустился вечер нам на плечи,
летний ветерок пахнул в лицо.
Загорелись звёзды, словно свечи,
и луна присела на крыльцо.

Был вчера такой же тёплый вечер,
год назад и десять лет назад.
Сколько их легло на наши плечи,
сколько звёзд упало в звездопад.

Сколько промолчали мы с тобою,
сколько лишних слов мы сберегли.
Сколько лет нам суждено судьбою,
сколько лет у нас ещё вдали.

Позади дороги, люди, страны,
дружба, ненависть, любовь и страсть.
Позади остались ураганы,
наш с тобою вечер не украсть.

Чёрные вороны

Чёрные вороны, чёрные вороны,
смерти опричники, падалью вскормлены.
Снова в цене вертухай, доносчики
и километры колючей проволоки.

Пепел над выжженной горем землёю,
и горе родиться под чёрной звездой.
Где каждый рождён не под Б-гом — под властью,
где нету дороги к удаче и счастью.
Чем велика ты, великая нация,
как велика твоя спецоперация?
Что принесла ты соседям? Великая...
диких шакалов орава безликая.
Слёзы и кровь и людские трагедии,
Всё, как всегда, из ГУЛАГа наследия.
Годы уходят, уходят столетия...
Нет, не желаю тебе долголетия.

Колизей

На арене гладиаторы и скифы,
жаждущие крови и тельца.
Ждут добычу в небе вороны и грифы,
а трибуны страшного конца.

Снова варвары Европу рвут на части,
снова поступь кованых сапог.
Колизей в крови, и роковые страсти,
части тел, обрубки рук и ног.

И испуганная Старая Европа,
как всегда, согласная на всё.
В двух шагах почти от собственного гроба,
просит скифам сохранить лицо.

Надежда

Снова дождь стучит в окно избушки,
будто просится себя же переждать.
И листва, как руки у старушки,
мелко крестится, взывая благодать.

Всё промокло... и земля, и небо,
будто осень вторглась в летний календарь.
И тоска осенняя нелепа,
как играющий на скрипочке звонарь.

День за днём идут, а лета нет.
Запоздало, затерялось, унесло.
И пасмурный, безвременный рассвет
поднимается с постели тяжело.

Холоднее стало на планете.
Нет на душе тепла, как было прежде.
Всё вокруг как будто в сером цвете,
Ах, Надя, Надя, Наденька, Надежда.

Всё будет

А когда умолкнет канонада,
и развеет ветер дым и гарь,
на полях останутся солдаты,
превратив поля в сплошной алтарь.

И летают птицы над полями —
фениксы... а может, журавли...
Словно души остаются с нами,
а солдаты просто прилегли.

Будут сниться сны их нам с тобою,
будут наши дети их детьми,
наши судьбы будут их судьбою,
и в ушах всегда — «Не посрами».

Снова всё вокруг заколосится,
зацветут вишнёвые сады,
закруж'ятся плат'ница из ситца,
и прольются речи тамады.

Красный ангел

Пьеро стучит в моё окно
дождём пронзительно-прощальным.
Он в белоснежном кимоно
с лицом Вертинского печальным.

Судьбы жестокой бледный мим,
души ранимой пленник вечный.
Тоской по родине гоним...
по родине бесчеловечной.

Метался, покорял, бежал
за китайчонком Ли куда-то.
Толпы безумный карнавал —
рай кокаинового ада.

Обрящет ищущий всегда,
да неизвестно, что обрящет.
Что ж, жёлтый ангел — не беда...
лишь красный ангел крови жаждет.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

* * *

Вечерний, сизокрылый, благословенный свет...

А. Тарковский

ах арсений свет осенний голубиной почты взмах
ой вы сени мои сени мебель новая в домах
где закат свинцом окован и за окнами как встарь
бродит с вервием пеньковым государев золотарь

ухмыляясь не случайно он в гороховом плаще
в балаклаве made in China легендарен вообще
встречных радует обычных ест крольчатин и свинин
не язычник не опричник просто добрый гражданин

но когда он за трудами не мешай ему не тронь
претворять живое пламя в очистительный огонь
было слово стало дело холодным телом на снегу
позвонки ломая смело обречённому врагу

11 января 2023

* * *

какие там к ляду надежда и вера какие стишки допоздна
когда хладнокровно нагрянет холера а вслед ей завоюет война
кувалда господняя всё безотказней прощальную стопку борщом
запьем ни единый двурогий от казней египетских не защищён

ПОЭЗИЯ

и ты растерялся и я спотыкаюсь привет смертоносный ликбез
печалится лис и скитаются аист негостеприимных небес
ещё по старинке мы квасим и солим латунный клинический свет
но меж си-диезом и ля-бемолем оглохшему разницы нет
15 апреля 2023

* * *

господу всё равно черногорец ты или хорват
для того он и создавал нас ещё не сойдя с креста
воздвигать колизей херсонес анкор ват
и другие пленительные места

святотатствовали кряхтели замешивая бетон
разжигали чтобы согреться костры в ночи
издавали воспетый бардом бурлацкий стон
на горбу таская бесплодные кирпичи

никому мы не снимся больше и никому не лжём
оставляйте гавань сосновые корабли
пили жидкое пиво любили детей и жён
но подобно Марине Ц. исчезли с лица земли

и когда ты во сне хрипя пробуждёнья ждёшь
не молись чтобы снова стало весело и светло
потому что жизнь это моль октябрь затяжной дождь
а ферапонтово северное село
21 апреля 2023

* * *

весенние дни становились длинней
а хрупкие ночи — бесценней
мы жили среди говорящих теней
поющих зверей и растений

смородина зрела и друг баклажан
сияя боками на грядке лежал

белел в отдалении парус тугой
как словоохотливый демон
и даже цветков мизантроп и изгой
считал эту юность эдемом
куда она делась куда унеслась
блаженная словно советская власть

спи время моё незлопамятный лёд
прививка от вечного горя
билет прикуплю на ковёр самолёт
нацелюсь на Мёртвое море
там вобла укутана в плотный тузлук
не ведает встреч и не чаёт разлук

не там ли безглазая речь солона
когда сплетена из вискозы и льна
слезинки чужого ребёнка
стирается рвётся где тонко
и вдруг понимаешь всемогущен аллах
но мало он смыслит в подобных делах
6 мая 2023

* * *

Чтобы майский сиреневый вечер сиреною не завыл,
чтобы не видеть на детских пилюльках литерату зет,
надо бежать, следует скрыться в глубокий тыл,
вырубить радиоточку, не приобретать газет.

Соотечественники, зуб вам даю, что зря
штудиируете вы передовицы «Православной зари»
и «Народного наблюдателя», зря заводите «Жизнь за царя»
на патефоне покойного прадеда. Говори,

ПОЭЗИЯ

простодушная муза, не верящая утюгам
и паяльникам, поначалу ветхий, а там и новый завет
в полутьме перечитывающая по слогам.
Если в жизни и есть тайный смысл, то в смерти обычно нет.

Так и ваш покорный, в юности бывший куда умней,
не жаловавший трофейного сала, ворованных пляжей не
уважавший, рано смекнул, что пора смотаться в царство теней
и ему подфартило. Очнулся в дивной стране.

Схоронил любимого друга в Бат-Яме,
граде русалок. Узнал, что такое плуг и соха.
Слышал в кубинском квартале близ Майами
хриплый утренний крик бойцового петуха.
6 июля 2023

* * *

шум ночного дождя отлетая паром от губ
мгновенно слабеет не докричишься на эту тему
оттого и подавлен вступивший в клуб
бьющихся головой об стену

точно ребята точно именно что горох
о ту самую стенку возле которой щеки белее мела
где типа любви и правды лермонтовский пророк
провозглашал а публика не жалела

и не желала кидалась булыжниками смеясь
у неё свой интерес свои заморочки
дорожающие окорочка СВО на улицах грязь
стильное платье на выпускной для дочки
20 июля 2023

Михаил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Месяцы

Новобранцы-месяцы собирались в год,
кувыркалось в пламени их лихое племя.
Молодые, старые пущены в расход —
жил бы, а приходится умирать на время.

Извивалась, корчилась, кончилась строка.
Разбежались праздники по команде «горько».
Дотяни, душа моя, вон до бугорка,
доживи, пожалуйста, до того пригорка...

На больную голову сеют имена
ледяными струями сводки фронтовые:
у окна стоящие — он... или она...
То ли настоящие, то ли неживые.

За окном февральская, лютая гроза.
Некому поплакаться о своей пропаже.
Что вы там не видели, серые глаза?
Сына в тепловизоре? Сердце в камуфляже?

От «ни в коем случае» до «само собой» —
под землёй убежище, в воздухе тревога.
Ветераны-месяцы уходили в бой:
долгая история...
дальняя дорога...
24 февраля 2023

Маленький Миша

Сортируя моменты жизни — где смех, где грех,
Вижу мир, где маленький Миша — довольная рожа.
Он растёт до неба, как великан-орех.
Он мужает стоя, мужает сидя, мужает лёжа.

Вижу мир: позади — война, впереди — война,
И волна войны любого забрать вольна...
Я себя-пацана не брошу, родной, плыви,
Я-то знаю, моря и реки полны любви...

2023

О Марише

Не вырваться, не развязать узла,
мирок очерчен комнатою гулкой.
Сперва летела, а потом ползла —
шаг в сторону считается прогулкой
для куклы, у которой подзагод
закончится вот-вот, а сила свыше
не тронет за плечо, не подзовёт...
И кукольник забудет о Марише.

Полезли нитки, смяты кружева,
и ситец плох, и вата виновата.
Она ещё пугающе жива,
хоть пьеска оказалась длинновата
для куклы, у которой номерок
хозяйскою рукой с изнанки вышит.
Последний шаг, неловкий кувырок —
и кукольник не вспомнит о Марише.

Но смерть — лишь сон, и старая с клюкой
не будет рада мелкому трофею,
и перейдёт игрушки непокой
из куколки в порхающую фею!
Для бабочки, которой нет и дня,
вселенная другую сказку пишет.
«Наверно, ей теперь не до меня...»
и кукольник заплачет о Марише.

Гомеопатическое

Пишите в стол, пусть даже вы
умны и зрячи,
сложив общительность совы
с проворством клячи.
Гораздо проще нанести
увечье речью,
чем без усталости пасти
боязнь овечью
ещё не сказанного вслух, —
ведь в каждой фразе
слова стремительно из слуг
выходят в князи!
Пишите в стол, не нужен приз
ничьих симпатий
для самой трогающей из
гомеопатий...

* * *

Мальчик-с-пальчик при ядерной кнопке сидит.
Он на третью свою мировую сердит,
хоть давно сочинил её лично.
Мальчик пальчиком дёрнет — и нет городка:
даже самая длинная жизнь коротка,
даже гибель за правду циклична.

Всё никак не задует мечту о весне,
заблудившись в своём летаргическом сне,
ржавый ветер железного века.
Всё никак чёрный день не приходит за мной —
докатился до осени шарик земной,
потерявший орбиту калека.

Уж и мяли, и клали тебя на зубок,
ото всех ты ушёл, колобок-колобок,
сам себе стопудовая скрепа.
Только чёрной ракеты бела полоса,
и родимые где-то живут голоса
в пищеводе бетонного склепа.

Вот и сказке конец, как всегда и везде,
На сентябрьском косом пулемётном дожде
Их ничтожество ставит кавычки.
Мальчик-с-пальчик озяб, он выходит во двор,
где его ожидает зимы приговор,
где краснеют его рукавички...
29 августа 2023

Глубоково...

«Всё было вкусно», — как сказал Адам.
Аз грешен есмь. Воздав земным плодам,
ах, уползём из кухни, дорогая!
На посошок солёный помидор —
и к светлой жизни тёмный коридор.
В той жизни я — другой, и ты — другая;

где крадучись по лунному лучу,
вползёт любовь и дунет на свечу,
где нам опочивать в опочивальне;
где стану я, изгнанник-караим,
любя, фигачить молотом своим
по жаркой, беззащитной наковальне...

И оба, захлебнувшись красотой,
безропотно испустим дух святой.
«Совсем не больно», — как сказала Ева.
И нас с тобою нет ни для кого,
мы канули в своё глубококово...
Христос воскрес, Бог есть любовь forever.
23 апреля 2017

Павел МАРТЫНОВ

* * *

Что же такое поэзия —
словно рукою по лезвию...
Дар называть вещи скрытые,
выбрать слова не забытые.
Не сотрясение воздуха,
а привнесение роз духа
в воздух обыденный, плановый —
словом, увиденным заново.
И — словно сноговорение —
это из слов сотворение
будто случайных, будто простых —
тайныя тайных, святых святых...

* * *

Перед императором — легионов море,
Прописные истины изрыгает пасть:
— Дольче эт декорум про Патриа мори!
(Сладостно, почётно за Родину пасть).

Щеки императора тронуты румянцем,
Голос его зычен, а взор глубок,
Войско отправляется воевать с германцем,
А ему — на виллу, к жене под бок.

Пленных — в Колизей затем, к мечу и сети,
Тем, кто заупрямится — крест и плеть...
Знал бы император, что германцев этих
И его преемники не смогут одолеть.

Прорастут на севере ненависти зёрна
Шлемами пробитыми в сивом ковыле...
Не почётно-сладостно — горько и позорно
Умирать захватчиком на чужой земле.
6 октября 2022

* * *

Америки далёкой житель, себя в деревне
Представил я — что я учитель, о странах древних

Твержу я детям Украины — вот облик Зевса,
Одеждой хризозефантинной он весь оделся —

Из золота, слоновой кости в высоком храме...
Но — жертвы новые на погосте за школой в яме.

А всё ж — всё будет Украина (а не Россия) —
В цветах хризозефантинных небесной сини

И золотой пшеницы в поле, и глины с круга
Гончарного — не будет боли, утихнет выюга.

И будут, не боясь «прилёта», учиться дети,
И знать, что им важней свобода всего на свете,

Им никакая не смеет крыса или скотина
Не дать мечтать, что жизнь — хризозефантинна.
11 февраля 2023

* * *

Приглушёнными, будто из колодца,
Рыданиями полнится страна:

— Когда же эта гадина нажрётся?
— Когда же лопнет, подлая, она?
— Да сколько ещё можно издеваться?
— Неужто Бог подобное простит?

За гадину не стоит волноваться —
У гадины отменный аппетит:
Не лопнет и с оскалом, полным стужи,
Не одного безвинного сожрёт.

Придётся распороть её снаружи
И выпустить измученный народ.
15 августа 2023

* * *

Драконоборец, будь готов:
Зайди с мечом в глубокий ров,
Как приползёт дракон-старик —
Меч, щель нашарив,
Вонзай поглубже, слушай крик
Пронзённой твари.

Когда заметишь: молодой
Дракон грозит тебе бедой —
Ты саблю острую возьми
(Точил не даром!)
И с шеи голову сними
Одним ударом.

Но если видишь ты птенца
Дракона — только из яйца,
Сидит и смотрит без стыда...
Ты умилённо
Взгляни, а дальше, как всегда —
Убей дракона.

Борис СУСЛОВИЧ

— ДРОЖЬ И ВИНА —

Музыка

А. Р.

Что тебе надобно, счастье,
Чтобы остаться со мной?
Двери, раскрытые настежь,
Ветер, сдувающий зной,
Стойте, не двигайтесь: где-то
Сердце теснится в груди,
Там, на пороге рассвета,
Целая жизнь впереди;
Там, где в мелодиях струнных
Бродит хмельной беспредел
Двух не по возрасту юных,
Настежь распахнутых тел.
Утренний сумрак — а рядом
Тающий морок ночной...
Что же ещё тебе надо,
Чтобы остаться со мной?
2006

Утреннее

Что случилось с нашим небом,
Были тучи — стали пятна.
Их растыкал по мольберту
Сумасшедший пейзажист.
Успокойся и не требуй,
Чтобы было всё понятно:
Видно, черновик бессмертья —
Размалёванная жизнь.
2021

* * *

Что ж ты молчишь, как в рот воды набрав...
Тебя, видать, опять лишили прав
Произносить слова. А мыслить — нет?
А ощущать в потёмках первый свет,
Почти придуманный, ушедший в рост
И вдруг явившийся? Как твой вопрос.
2021–2022

Днепр. 14 января 2023

Поберегись, китайская стена,
Пока ещё сирена не слышна,
Пока ещё стоят твои дома,
Пока ещё день не сошёл с ума,
Пока ещё не рухнул твой подъезд,
Пока ещё в квартирах и окрест —
Пока ещё — не спала пелена —
Поберегись, китайская стена...
январь 2023

* * *

На время войны замолчи, поэт.

А. Городницкий

Замолчать ли на день? На неделю?
Да чего мелочиться... На год.
Будь молчальник ты, будь пустомеля —
Жизнь по-всякому мимо пройдёт,
Пронесётся, исчезнет далече
На огромной, как горе, войне,
Где прикрыться оружием нечем:
Даже звуки сгорают в огне.
январь 2023

1853–2023

Империя — сиречь, дурдом.
Ушли на покой санитары.
Теперь они там, за бугром,
Судачат о времени старом.

О нынешнем лучше молчать
В тряпицу, согласно природе.
На рылах — холопства печать.
Не правда ли, герр Нессельроде?

Что скажете, канцлер? Живём.
Обычаи в дурке простые:
Вздыхать о величьи России,
Предчувствуя крымский разгром...
апрель 2023

России

*Теперь я круглый сирота —
по маме и по ней.*

Б. Чичибабин

Страна, предавшая себя,
Летит в тартарары,
Уничтожая и губя
Соседние миры,

Что были прежде, чем она,
Что создали её.
Прощай, злосчастная страна,
Твой облик — забытьё.

Болиголов, чертополох
На божеских путях.
Свой срок ты отбыла не впрок —
Да и уйдёшь не так...
май 2023

Сонет оттуда

Что на выходе? Выпасть в осадок
Несуразных, прилипчивых дней.
Стать одной из случайных закладок
Книги будней. Закрытой. Твоей.

В ней по-прежнему шастает время
По нетронутым белым листам
С заморочками, кляксами теми,
Что казались приметными там.

ПОЭЗИЯ

Жизнь насмарку. До мига — насмарку,
До истёртого старостью дна.
Даже слово сегодня — помарка,
Блажь, которой копейка цена.
Этим вдохам и тесно, и жарко,
В этих выдохах дрожь и вина.
август 2023

Ян ПРОБШТЕЙН

* * *

Нас разъединила вера с привкусом серы,
борьба за светлое будущее во тьме,
любовь к заводным апельсинам,
летающим тарелкам, надежда
на справедливость и слово,
которое было в начале концов.

Ничтожества сумняшеся ничтоже
витийствуют на площадях,
телеэкранах и в сетях,
сидя в высоких телебашнях,
и стены башен высоки,
но Бог с заботою всегдашней
уже смешал нам языки.

* * *

Кто воет о войне, кто воет на луну
и каждому свое, орут как в ту войну,
война, где тыла нет, но есть передовая,
а в остальном вторая мировая,
но приглядишься — война-то моровая:

берут всех на измор — чужих, своих,
чума и мор, просторов ширь глухих,
здесь пожинают бурю, сея страх,
здесь вороны, вороны и воронки,
здесь падают ракеты и обломки,
и мальчишки кровавые в глазах.

* * *

Видали виды мы и поснимали
с постов высоких всех кого не лень
летели голуби и дроны прилетали
и на столицу даже пала тень

стрелецких казней и костров за веру
как сладостно почётно умирать
за родину отечество и серу
далёкого отечества вдыхать.
сентябрь 2023

* * *

Там уравнение судьбы — mc^2 ,
там человек всегда *en masse*,
а не когда ты одинок, как бог,
и так же, как и он, распят —
задёшево отдали жизнь,
украли жизнь у нас, —
бредут все скопом и гуртом:
бредёт скопец, идёт самец,
бежит боец с разверстым ртом
и даже импотент —
воздвигнут после всем один
гранитный монумент
и вечный вновь зажгут огонь,
чтоб ослепить светила,
но ты его дружок не тронь —
там ад, а не могила.
сентябрь 2023

* * *

Все когда-то вышли из народа,
чтоб опять навек уйти в народ,
их встречала радостно у входа
то ль свобода, то ль наоборот.

Нас куда-то молодость бросала,
а потом и в зрелые года
нас кидали — не один кидала,
легион их был и есть всегда.

Были и у нас витии тоже,
раздували мировой пожар...
был один такой крутой, пригожий,
а потом он сдулся, словно шар.

От Москвы до самых до окраин,
от сибнефти и до южных гор
есть один у всей страны хозяин,
и один общак на весь мордор.
сентябрь 2023

* * *

После каждого
землетрясения
они восстанавливали виллы,
акведуки, термы
пока в 79 году новой эры
Геркуланум не накрыло лавой
и не засыпало пеплом Помпеи.
Потом долго вели раскопки
и картина жизни и смерти
стала яснее.

А на горе над Помпеей —
Новая Помпея и новая церковь.
Везувий может проснуться опять
но люди не сдаются.

* * *

Мне сказал симпатичный человек
в Неаполе: вы за океаном
а мы — в Европе
и если взорвут
атомную электростанцию
или бомбу — нас всех
накроет поэтому
мы хотим мира
в Украине сейчас.

Миру мир
или война войне?
август 2023

Марина ТЮРИНА ОБЕРЛАНДЕР

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ГРОЗЕ —

* * *

Дождь
отмокание надежд
на наше контрнаступление
на открыванье спящих вежд
под вспышкой переосмысленья
путей и ценностей
не враг —
ты —
если жизнь других спасаешь
а если нет
низринешь флаг
и грязью совесть забросаешь
мне говорят —
нам нужен мир
я повторю —
ещё как нужен
какой ценой —
когда вампир
лакает кровь в своём недужье
ему на этот мир плевать
плевать на это поколение
ему ведома только власть
и стад народных покоренье
но сила противостоять
уже накоплена

и маки
ждут залпа
чтобы воссиять
на поле будущей атаки

* * *

Вдруг навалилась лютая тоска
по юности
несбывшимся надеждам
закрывшимся
поди
до срока — веждам
друзей
не увидавших маяка
и не дождавших отрезвления от лжи
оплетшей неотвязной паутиной
страну
рисующую счастья миражи
и заморочно ставшею чужбиной
где камни мной оставленных могил
порою бередят ночами душу
а рядом —
перья с опалённых крыл
с небес слетают медленно на сушу
и кот взывает
глядя на луну
в своей голодной
жертвенной печали
но ненависти я недо-пойму
сколь бы об этом мне не на-вещали
двух роди́н не разъята ипостась
хотя одна плюёт огнём в другую

и неньку я повинна захищати
от той
где даром сварена вкрутую

* * *

Д. С.

Предупреждение о грозе
предупреждение о торнадо
на улицу ходить не надо
печаль упрятана в слезе

и туча движется в окно
весь горизонт затянут ею
и я глаза поднять не смею
час третий
за окном темно

там чернота и круговерть
где страх опутывает душу
сливаются вода и суша
и рушится понятие *твердь*

и ливень падает с небес
смывая пёстрые ошмётки —
согласно метеонаводке —
цветов гортензий и древес

в сей день она была точна
и я послушался совета
и ждал незряшного рассвета
усевшись дома у окна

я книгу светлую читал
о жизни светлого поэта
его поверия сквозь лета
своим поверьем почитал

и мнил надеждою
что мы
через ограды и надсады —
потомки пушкинской плеяды —
мир к свету выведем из тьмы

* * *

Слетает с вишен белый цвет
из лепестков кружит позёмка
встаёт сиреневый рассвет
в окне проникновенно ёмко

и ветром рвутся облака
досель застывшие над миром
печаль прозрачна и легка
отождествляется с кумиром

который пальцами руки
ткёт обольщенья паутину
своей природе вопреки
невпечатляемо невинной

Гегя КОГАН

Дорожное настроение. Предчувствие

Еду в отпуск. Воздух полон гулами.
Жить начну как с белого листа.
Я после болезни — рыба снулая,
пойманная в невод неспроста.
Буду наслаждаться переменою
всех своих привычек и основ,
женщиною став обыкновенною
без причуд и даже без стихов,
принимать целительной инъекцией
жизнь без рвущих душу новостей...
Только никуда от них не деться мне —
изо всех топорщатся щелей.
Ветер прошлогодних листьев ворохом
запятнал весеннюю траву,
но и мусор едко пахнет порохом
и больничным бредом наяву.
Болен мир. Где маска кислородная?
Раздышишь без глупости и зла.
Между двух понятий «мы» и «родина»
рваная траншея пролегла.
Здесь чужой воздушною тревогою
ураган над нами пролетел.
Ты следи, водитель, за дорогою:
как там, не начнётся ли обстрел.
23 февраля 2022

* * *

В доме всю неделю прибрано и чисто,
как перед весельем или пред бедой,
и блестит на блюде медное монисто —
сдача от бутылки с тёплой газводой.

Солнце светит в окна — хоть задёрни шторы.
До чего же нынче ранняя весна!
И кому по нраву слушать разговоры,
что за всё придётся заплатить сполна?

Распевают птицы, устали не зная.
Стянем душу в узел, чувства затая,
а вина чужая, а беда чужая, а война чужая
всё равно твоя.

* * *

Не странно ли, что я ещё жива?
Ещё дышу с усилием на вдохе,
и в горле жмутся бледные слова —
отчаянья и ненависти крохи.
Не странно ли, что принимает взгляд,
хотя и затуманенный от соли,
такие же, как были год назад,
намокшие в дожде цветы магнолий,
и то, как наземь падает зола,
лукаво притворяясь лепестками?
Ведь я не здесь! Я в Буче умерла,
там в грунт кровавый вбита сапогами.
Но вновь живу, и новостей сквозняк
то бьёт под дых, то ударяет в спину.
Я и представить не могла, чтоб так
болела в подреберье Украина.

Девочка в подвале

«Я руки пред собой вытягиваю слепо:
гнилая чернота перетянула грудь.
Я помню: надо мной когда-то было небо.
Я верю, что верну его когда-нибудь.
По бледному лицу скользнут, лаская, капли
росы или дождя — мне это всё равно;
все прочие мои желания иссякли,
растаяли, ушли. Осталось лишь одно.
Густая синева иль жидкая — рассвета,
и тучи пред грозой, и перья облаков:
я раньше никогда не думала, что это
и есть, наверно, жизнь. Её извечный зов.
Парить среди листвы, плыть по зеркальным лужам,
и падать на траву, и воздух пить взахлёб,
чтоб май слепил глаза и был слегка простужен,
а ветер остужал разгорячённый лоб.»

Ну, стихло, наконец. Антракт в кровавой драме.
На ночь или на час? Щека от слёз мокра,
но девочка уснёт, прижавшись тесно к маме,
которая не спит, убитая вчера.

* * *

Краплёной картой выпала дорога,
билет бессрочный, дальний перегон.
От станции «Воздушная тревога»
в глубокий тыл уходит эшелон,
в себя втянув, как в адскую воронку,
обломки исковерканных судеб:
свинцовые листочки похоронок,

и вдовьи слёзы, и сиротский хлеб;
бесслёзный плач, беззвучные молитвы,
седые опустевшие глаза,
клички надежд, покуда неубитых,
и детские без смеха голоса.

Стекло вагона в дождевых накрапах
просушит солнце. Небосвод высок.
Гружённый эшелон ползёт на запад,
как в прошлом веке было — на восток.
История — как треснувшие сходни,
вниз рушатся минувшие года.
Нет, только не восток! Нет, не сегодня!
Нет, умоляю, только не туда,
где честь и совесть вервием повиты,
где тесно сплетены сума с тюрьмой,
где гонят поезда прямым транзитом
из нынешнего в год тридцать седьмой.
Я просьбу всеохватную ломаю
в пылающем потоке новостей:
всех не спасти, конечно, понимаю,
но, Боже правый, сбереги детей.

Лилия БОНДАРЕВИЧ-ЧЕРНЕНКО

* * *

Сирены гудели весь вечер,
как пахнет жасмин из окна,
и эта неожиданная встреча,
и странная эта луна.
Устали в земной круговерти —
война в нас болит и болит,
не хочется думать о смерти —
мы слушаем вместе Эдит.
Вся в чёрном, и сумрачны веки.
Былинка. Кто видел — поймёт,
кто слушал — полюбит навеки.
«Воробышек» песню поёт
для праведных всех и для грешных.
Две бездны испуганных глаз,
и голос — надломленно-нежный
поёт о любви нам сейчас.
А нежность не ходит по кругу,
нечаянный счастья портал —
внезапно зачем-то друг другу
Господь Милосердный послал.
Свистят, пролетая ракеты,
на Юге — большая вода,
луна покатила монетой
в копилку с названием «Беда».
Надолго тревога умолкла?
Вон ёжик шуршит у крыльца...

Мы нитками будем из шёлка
«сшивать» — из кусочков — сердца.
Война стала матрицей судеб,
и даже сквозь боль и сквозь страх,
обнявшись с тобой, слушать будем
под дальние взрывы Пиаф...

* * *

Мы по карте за фронтом следим,
ждём оттуда хороших вестей,
ни слезинки врагу не простим!
А в окопах — сезон дождей...

Больно жить, и душа не поёт,
когда знаешь — мы все на войне.
Завтра — что? Чей наступит черёд,
когда дрон висит в окне?..

Ещё дышим, и спим, как не спим,
и печали полна голова,
и всё чаще теперь мы молчим —
в эти дни мало значат слова.

А на осень, ну любо глядеть! —
расписала багрянцем холсты.
Как нелепо — вдруг взять умереть
посреди вот такой красоты!..

Как последний, живёшь каждый день,
только делаешь всё, как всегда —
утром нежно целуешь детей,
кормишь... Детям ведь в школу пора...

Каждый день, как последний, живёшь,
но война не взяла твоего —
пылесосишь, за хлебом идёшь,
варишь борщ и стираешь бельё.

Вот бельё на ветру, вот трава,
высыхает на блузочке шёлк,
а в рубашке — пусты рукава,
как у парня, что с фронта пришёл...

* * *

А какое лицо у этой войны?..
Средь подсолнухов мальчики спят,
под глазами черно у новой вдовы,
колокольни над миром звонят...

И какой мы проходим — девятый? — круг?
Бесконечен смертей караван,
и хохочут иуды под звон кольчуг...
Ты, война, как всегда, не права!..

Если можешь, прошу, не стреляй в людей,
если можешь, то просто молись,
и на поле прадедовском ты не сей
рис для будущих горестных тризн...

Всё стоит на краю у февральских вод
без вещей, без плаща и зонта,
под дождём поседевший от бед Господь —
у последнего Он блокпоста...

Что остаётся нам?..

Слоёный пирог войны,
в котором есть столько жертв,
цинизма, российской лжи —
на завтрак и ужин, обед.

Блефует в картах злодей —
завтра, вчера и сейчас,
и не вмещает смертей
безумный его преферанс.

И что остаётся нам?..
Надеяться, верить и ждать,
печаль запретить, как спам,
мальвы в саду поливать...

Мальвы в саду поливать,
как тысячу лет назад,
и — занавески стирать,
не щурясь, смотреть на закат...

Как женщины всех веков —
молитвы читать у икон,
надеясь, что слышит Бог,
детей целовать перед сном.

Ракеты летят, летят...
Как хочется всем нам жить —
покрасив седую прядь,
крыжовник в тазу варить,

любимого ждать с войны,
сорочку из льна ему шить
среди ночной тишины,
и — крепче ещё любить!

Как хочется всем нам жить,
варенье в тазу варить,
и пить с ним зимой чаи,
когда все вернутся с войны!

Эмилия ПЕСОЧИНА

Младенец

Не расставаясь с рюкзачком,
Мария шла по туче зыбкой.
Слетала слабым мотыльком
С губы дрожащая улыбка,
Ссыпáлась звёздною пылью
На близлежащую туманность.
Прикрыв ладошкой лицо,
Мария в небо поднималась.

Под ней гремело, как в грозу,
Но беспощаднее, жаднее...
И люди падали внизу,
И снег подтаивал, краснея.

По звёздам, коим несть числа,
Мария лучиками взгляда
Металась и всё выше шла,
Прочь от свирепой канонады.
Одолевая этажи
Потёмок, в неба гулкий раструб
Шептала: «Господи, Ты жив?
Ты где? Как до Тебя добраться?»

Рвала ракета темноту
И била в умерший живот ей.
Бог, задыхаясь на лету,
Кричал: «Мария! Вот Я! Вот Я!
Держись, родная! Я иду!»

И прочь отбрасывал удары.
А глубоко, в земном аду,
С ума сходили все радары,
Пытаясь Бога взять в кольцо.
И зло, проигрывая, выло.

«Мария, что с Твоим лицом?»
«Прошито пулею навывлет.
А так всё ничего. Прости,
Что беспокою». Замолчала.

Господь стоял, держа в горсти
Вселенной гибель и начало.
Потом услышал тихий вздох:
«Мой Бог, Святое Троиединство,
Там за спиною, рюкзачок
С младенцем. Он вчера родился.
Убит осколком. Мать жива.
Висит душа на нитке тонкой.
Быть может, Ты найдёшь слова
И сможешь воскресить ребёнка?»

Всходило солнце поутру
И умирало лютый холод.
Небритый и смурной хирург
Смертельный извлекал осколок.
И звякнул, в таз упав, металл.
Хирург в разрез иглою тыкал.
Ушил. Вздохнул. На стул упал.
А пацанёнок вдруг захныкал.

Ещё не веря в чудеса,
Мать докторов благодарила.
Господь сидел на небесах
И щёку заживлял Марии.

Свет в квадрате

1.

У меня в голове только чёрный квадрат окна,
Потому что весь свет заслонила собой война.
У меня в голове больше нету ни птиц, ни роз,
Потому что разбомбленный мир в мои мысли врос.

У меня в голове только чёрный вопрос: зачем
Полон крови истерзанных орками жён ручей?
Плоть младенцев разорванных в танковой колее —
русский ирод спустил свои своры на Вифлеем.

У меня за душой ни луча, только вой сплошной.
Все стихи разнесло на осколки взрывной волной,
И метафор копилка, как брошенный дом, пуста.
Я способна лишь робко, смиренно молить Христа.

2.

Может, наши мольбы общим воплем взлетят к Нему,
И отменит Он скрежет зубовный, и плач, и тьму...
Возведёт убиенных в Превечный Пречудный Кров,
Запретит ненавидеть, поскольку Бог есть Любовь.

Сыне Божий, прости нас, помилуй и исцели,
Силу дай, чтоб изгнать ворожину с родной земли.
Засвети нам лампы надежды, пролей елей
В обожжённые длани лишённых зерна полей.

Мы грешны, это ясно, но, Господи, не карай
И врата в Твоё Царство заблудшим не затворяй.
Сбереги Украину, даруй на спасенье шанс!
Погляди, как прекрасна по сути её душа!

3.

Наше храброе войско дерётся с чужой страной,
Мерзкой, пьяной, распутной, зловонной, гнилой, больной...
И по весям российским предвестники новых бед
Разбредаются молча под ирода чёрный бред.

Расплавляется сталь, разрушавшая мир ночной.
Расправляется жизнь с проржавевшей насквозь войной.
Расступается тьма перед жёлтым цветком зари.
У меня по душе рассыпаются янтари.

Отче наш, что и ныне, и присно на Небеси,
Украину свободную, вольную воскреси,
Даруй многая лета и крылья раскрой над ней!
Ты нам, Ненечка, доля, и счастье, и свет в окне...

Через ночь

Звёзды-бомбы летят.
Ворог точит взрыв-нож.
Мать проносит дитя
В животе через ночь.

Штык ракеты бьёт в свет.
Опадает в смерть крик.
Пламя ест людей вне
И не может внутри.

В мёртвом дыме всегда
Выживает душа.
Прилетает удар —
И до неба лишь шаг.

И до завтра — никак,
А до Бога лишь вдох.
Ведь Господня рука
Отпускала жизнь в долг.

Выстрел время скосил.
Разгулялись каты.
Царь Небесный, спаси!
Просят пёс и коты.

Дома мамин уют.
Пианино. Чердак.
Хрипло мины поют,
И хохочет беда.

Пламя вьётся кругом.
Толку нету бежать.
Распадается дом.
А ведь скоро рожать.

Смысла нет смотреть вверх.
Боже наш, Ты Весь здесь!
Отче, Сын, Человек,
Брызни каплю чудес!

Солнца белый налив.
Небо. Утро. Трава.
Затушили. Нашли.
Откопали. Жива.

Сергей ПЛЫШЕВСКИЙ

* * *

Всё труднее заставить себя молчать:
Тянет спрыгнуть, забиться, сбежать в тайгу;
Грёзы юности так на губах горчат,
Что обиды липнут к полоскам губ;

Это мы — врачеватели тяжких войн,
Это наши понятия: братья все,
Это должен впитать навсегда любой
Сочинитель гимнов, молитв, эссе.

Это нам объяснялки шприцуют в мозг
Из экранов, наушников и газет,
Это мы, наглотавшись смертельных доз,
Не способны спокойно нажать «reset»;

И сидим, успокаивая сердца,
Наверху им виднее, а мы при чём?
Так покорно на бойню идёт овца,
Неотступно следуя за палачом...

* * *

Какой там бог... За сытостью дневной
 Клубами дым и тучи атмосферы —
 Ползёт зима юродствовать со мной
 И результат предсказывает серый,
 Безликий, не контрастный, в полуштрих
 Вписавший всю раздвоенность сюжета,
 Где древоточец буднично сверлит
 Резную статью старинного буфета,
 А там, на кудрях львиной головы
 Засел шарнир пружины тайной дверцы:
 Откроешь — привезённый из Москвы
 Стоит коньяк, пользительный для сердца
 Того, кто усомнился в правоте
 Нелепых догм, пропахших нафталином,
 Кто вопреки порядкам захотел
 Сам замесить ваятельную глину;
 Благословен в языческую ночь
 Будь всякий жест, растраченный на чары,
 И даже тот, кто выследил в окно,
 Как ты вращаешь этот круг гончарный,
 Со скрипом втулки, трением ремня,
 Давя поочерёдно на педали,
 Превозмогая отсветы огня,
 Равно приемля: радость ли, беда ли;
 На круг, на круг, на цикл вселенских встреч,
 На долгий путь приплюснутой орбиты,
 Где догорают истины в костре,
 А те, недогоревшие, забыты
 Ничтожными стараниями масс,
 Что не смогли зажечь святое пламя
 В решётчатых окошках ссудных касс;
 Бог ни при чём, и нет его над нами...

* * *

Гроза придёт под вечер, а пока
Небесный свод накапливает влажность
И формирует горы-облака,
И громоздит из них многоэтажность;

Но вот промчится ветреный порыв
И разом стихнет птиц многоголосье,
В небесных толщах тайные шары
Сгибают атмосферные колосья.

И первых капель крупный перестук
Падёт на волны шифера на скатах
И, перейдя запретную черту,
Симфония обрушится стаккато.

Да поплывут по руслам новых рек
Заботы дня, который нас утюжил,
До всхлипов под ногами на дворе
И пузырьков на лужицах и лужах;

Бабахнет гром и молния прольёт
Мертвецкий свет на лабиринты улиц,
И стихнет буря — свежее быльё
В глазах в окно взирающей бабули.

* * *

Привези беяшей. Только вряд ли пропустит таможня.
Ну, тогда Расскажи обитателю вольных кают,
Чтоб прочувствовал я, узнавая клетчаткой подкожной,
Как в торговых местах до сих пор беляши продают.

Достают из нутра околоченной жестью повозки,
Где в фанеру зашит сберегающий жар пенопласт,
Где качнётся конструкция этой смешной двухколёски,
И танцующим паром тебя ненароком обдаст.

Краснощёкая тётя в застиранном фартуке в пятнах
Шелестящей бумажкой обхватит помятый беляш,
Ты наклонишься встречно, чтоб жир не облил, вероятно,
И семнадцать копеек за дивное счастье отдашь.

Надкусив, доберёшься до липкого шарика фарша
И, от привкуса лука слегка истекая слюной,
В декорациях детства крестов и прудов Патриарших
Закачаешься радостно, словно спасённый больной.

Беляшей не вози. Прилетай и расскажешь по новой,
Как живётся в стране независимых поводырей.
На три пальца в стаканы набулькаем виски ржаного
И закусим омарами синих канадских морей.

* * *

Для того, чтобы — что? Помянули в веках?
Написали заметку и вспомнили люди?
И потомки, не смыслящие в пауках,
Подávalи их на историческом блюде?

Чтобы тот, кто смолчал и позволил беде
Разрастись до масштаба вселенских потоков,
Беспрепятственно холил послушных детей,
Не твоими детьми населяя Европу.

Ну, тогда наберись хрипоты, и молчи,
Доедай кресс-салат и корпи в огороде,
И заботься о том, чтобы эти харчи
Не исчезли навеки в военной природе;

Чтобы уши ласкала бравурная речь,
Что ты лучший среди мирового пространства,
Слушай музыку, жарко топи свою печь
И любуйся палитрой лесного убранства;

А подавший свой голос в общественный мрак
Растворится, как пар над казённым сортиром —
Нерасчётливый самовлюблённый дурак,
Возомнивший себя проповедником мира.

Артеми́й ЛЕВКО́Й

Почти вилланелла

Памяти Г. А. Попова (Пряника)

Мне провели на сердце СВО,
Россию вырезав без всякого наркоза,
Вот строчки шов, и больше — ничего.

Уж не смутит покоя моего
Звонком ГБшника давнишняя заноза:
Мне провели на сердце СВО.

Но поздно выкорчёвывать того,
Кто жрёт невинную, как чага жрёт берёзу:
То дерево давно уже мертво.

И ты, остряк, пробач то существо,
От чьей слепой руки достиг апофеоза:
У существа на мозге СВО.

Знать, не приду на выцветший В.О.
Я следом умирать от чаек лакримозы,
Что сердце рвёт, как голос самого.

И потому неважно от чего:
От пули ли, цирроза ль, паровоза.
Лишь эту нить оставь, и больше — ничего.
Мне провели на сердце СВО.
апрель 2023, Оксфорд

Памяти деда, В. Л. Черевко

* * *

Уж два года прошло, как ты стал звездой
На плечах генерала по кличке Боже,
Ось, блестит лютый месяц немолодой —
То ли серп на кокарде, то ль шрам на роже.

I.

В огороде под Киевом — вновь война,
Русский мир саранчою ползёт по карте,
Крови дядькиной алая бузина
По полям разлилась, будто Днепр в марте.

По-над берегом строй стоит ив плакучих
В этом богом забытом ч/б апреле,
Только слышно, как в рощицах подле Бучи
Вместо птиц автоматы выводят трели;

Как гремят вместо майской грозы разрывы
«Джавелинов» и «Смерчей» на Азовстали,
Как молчат, склонившись под «Градом», ивы
О всех тех, кто досрочно созвездьем стали.

II.

Вот скажи мне, как быть тут живым и юным
Да кропать эти вирши в часы досуга?
Как мириться мне с этим гнилым июнем
После Сум, Ирпеня и Кременчуга?

Это бред, что перо, мол, меча сильнее:
Слово было в начале, а в рифме — пуля,
Но мне девять граммов свинца милее
Золотого молчанья и звёзд июля.

И нехай ухмыляются малoverы,
Дескать, «всё ведь, братишка, идёт по ГОСТу»,
А меж тем на Днепровщине «Искандеры»
Что ни день превращают дома в погосты.

III.

От сентябрьской жатвы кровь стынет в жилах:
Яровые в поле взошли крестами,
Сея мины вместо семян озимых,
Косит жница-карга зелены рядами.

Слово с привкусом мёртвого винограда,
Как сухая «Массандра», язык связало...
В тишине дежурного листопада
Осень стелет свой саван рукой усталой.

Но с отчаяньем позднего звездопада
Покидая пригороды Херсона,
Все мосты спалив и хлебнувши яда,
Генерал срывает с себя погоны.

IV.

Сколько стоит жизнь в нефтяной валюте,
Знают брит с индусом, сплетаясь в гешефте.
И покуда в Европе — зима, в Бахмуте
Будет кровь с оттенком кремлёвской нефти.

А почём свобода в валюте алой,
Знает брат мой, обнявшись с родной землёю.
Его снег рушником укрывает талый,
И распутица кормит своей кутьёю.

* * *

Целый год уж прошёл, как настал февраль,
Генерала представил я к некрологу.
Впрочем, это теперь не твоя печаль.
Да и слава богу.

февраль 2022-февраль 2023
Киото-Петербург-Оксфорд

Владислав ЛОЗА

Из Бодлера

он всё будет: пожитки считать,
его сторис никак не излечат,
и, поскольку сиротство калечат,
воровскую херню задвигать.

в основном из-за белиберды
много пил я в эпоху сомненья.
он позорного слепок правленья,
что мои подтирало следы.

я его насмотрелся тогда:
с ним грядущее прочерком выло,
и печально нас эхо любило,
и зеркален был воздух всегда.

но расшатываются леса,
и лучится иное в повторе —
слышишь тики в моём разговоре,
это я закрываю глаза.

и возникшие дети блюдут
эту строгого зренья науку,
и целуют грядущего скуку,
и расщелину прошлого шьют.

недопитым оставлен коньяк
в нашем детстве, так странно осевшем,
в парке, будто с тех пор посвежевшем.
вот такой с этим сердцем пустяк.
август — сентябрь 2022

Scherzo

Только миллионы лет.

Г. Иванов

I

то, чего нельзя прославить,
для начала нужно видеть,
отвернувшись — не предать.

драматически обставить.
поэтически ненавидеть,
философски оправдать.

II

я помню музикийский мёд,
жестокой ласточкою влит
в свободы сумеречный год,
сей каменеющий отит.

и гёльдерлина переход
через Дунай встречая,
мой заикающийся рот
вдруг тень оставшегося от
милости-к-падшим искривит,

неразличимей, чем Аид,
слышнее, чем молчанье.
20–27 октября 2022

Почти элегия

Ю.Т.

существование тем весомее,
чем более оно статично.
в его сиротствующем сонме
и затеряться неприлично.

два месяца я пил, на третий
стал потихоньку замедляться,
поскольку боль пустых столетий
отказывается затупляться.

я стал способен лишь на злобное
сухое против ветра блеянье
на жалкое и бесподобное
обиженное поколение.

и Тютчева давно забросил,
несносен даже Мандельштам,
он от судеб защиты просит
и верит звёздным гарпунам.

когда призывали всеблагие,
а все уже давно нагие,
и ты, последний конвоир
последних слов, одевших мир.

я здесь немного на постой,
коринфской пылью, марсианской
твоею хроникой любимой,
название я позабыл.
я всё равно паду на той
всевропеейской, всеславянской,
и пуховик увижу синий
из-за обрушившихся крыл.
14 декабря 2022

Борис КАМЯНОВ

— ИЗ ЦИКЛА «РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ» —

Бог и хан

Поднялось азиатское ханство
На руинах погибшей страны.
Разгулялось ордынское хамство
В предвкушении новой войны.

Хан у них посвирепей Мамаю,
По сортирам он мочит врагов.
Ненасытную саблю сжимая,
Он весь мир обескровить готов.

Размахнулась десница дитины —
Получай-ка, бандеровец-враг! —
И оттяпана треть Украины
На глазах либеральных зевак.

Закавказцы в испуге трепещут,
Прибалтийцы поджали хвосты...
А ордынцы ему рукоплещут,
Как варёные яйца, круты.

...Я родился в российской столице
И оставил её навсегда.
Долго родина, злобная птица,
Выживала птенца из гнезда.

Но сегодня, поднявшись высоко,
Не смакую тогдашних обид,
Я смотрю на неё издалёка,
И сыновнее сердце болит:

Русь падёт. Не допустит Всевышний,
Чтоб над миром вознёсся пахан.
Кто-то в этой компании лишний —
Либо Бог, либо хан.
2017

Еврейские соловьи

Включай зомбоящик скорее,
Издай восхищённое «ах!»:
Придворные свищут евреи
В своих соловьиных садах.

Летают они по экрану,
Бандитам «осанну» поют,
От чистого сердца пахану
Присягу на верность дают.

Глухи их сердца к укоризне,
А уши не слышат хулу.
Готовы отдать свои жизни
На службе державному злу.

Поёт упоённо: «Зиг хайль!» —
С воронами наш соловей.
И смотрит безглаголиво Израиль
На мерзких своих сыновей.
2017

Кнопка

В череде этих гибельных буден
Разгулялся российский пахан.
Эффективен ли менеджер Путин?
Эффективней ли Кобы Вован?

Эффективней ли он Пола Пота?
Эффективней ли Гитлера он?
Даже сравнивать мне неохота —
Так ничтожен он, их эпигон.

Повторяя слова их, как попка,
Путин мелок, но, как ни крути,
На столе его — красная кнопка,
И способен он всех превзойти.

Но я верю, что Бог с ним сочтётся:
Кнопку демон нажмёт чумовой,
И та самая бомба взорвётся
Над безумной его головой...
25 марта 2022

Путин у гроба Жириновского

Я видел, как крестился сатана
У гроба своего любимца, беса.
Развязанная сатаной война
Была ему тогда без интереса.

И, наблюдая трупы этих двух
Кровавых монстров, я в смятенье духа
Вдруг осознал, что изо всех порнух
Похабней нет, чем эта вот порнуха.

Я — иудей, и у меня к кресту
Почтенья нету, уж не обессудьте.
Но было мне в тот миг невоготу
Смотреть на наготу лукавой сути.

Минуту постоял живой мертвец,
Не отводя от неживого взгляда,
А после развернулся наконец
И двинулся домой, к воротам ада.
11 апреля 2022

Мечтатель

*Всё перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.*

О. Мандельштам

Он в кресле. Перед ним — окно.
Февраль в России сер и мутен.
Сидит, набросив кимоно,
И в мир глядит мечтатель Путин.

Он прозревает там, в ночи,
Великий континент российский,
Где установят палачи
Порядок новый, евразийский.

Париж трепещет и Мадрид,
И в муках корчатся укропы...
Подмойся, мать твою едрит,
Развратный декаданс Европы!

Вся спесь твоя для нас — херня.
Ложись под жениха, невеста!
Россия наша за три дня
Пройдёт от Бреста и до Бреста!

Пиндосы с саксами дрожат,
Бормочет Ватикан молитвы,
И грифы сытые кружат
Повсюду над полями битвы.

Народ ликует: браво, бис!
Народ всеяден, словно боров,
В стране лакеев и убийц,
В стране воров и мародёров.

Мечтатель возглавляет рать.
Он — император. Громче, трубы!
...Я не устану повторять:
Россия, Путин, душегубы.
2022

Ольга ЗВЕРЕВА

* * *

Давай о доме мы поговорим,
О том, как небо застилает дым,
И как от дыма небо зеленее,
Чем море, что столетие тому
Мы видели в каком-нибудь Крыму,
И как о нём почти не сожалеем.

Пусть небо зеленее — ну так что ж,
Когда ты всё равно в дыму живёшь,
Люби его полутона и формы:
Вот это заяц, а вот это — танк.
А небо зеленеет просто так,
Не отражая дом наш обречённый.

* * *

Если дул северный ветер,
В окнах гудел сквозняк,
Заглушая ночных соседей.
И краска в подъезде
Была болотно-зелёной —
Цвет постзимней тоски...

...А вдруг на досмотре спросят,
Что за странный камень везёшь,
Серый с облупленной краской?
...Почему пограничник
Берёт его аккуратно,
Даёт бумажный пакет,
Желает лёгкой дороги?...

...В спортзале каждую ночь
Вокруг солдатских кроватей
Люди возводят стены:
Болотно-зелёную,
Синюю в трещинку.
В свежей побелке? —
Это старуха
Хранит под подушкой свой дом.

* * *

Офонаревших улиц час девят
Вадим Волков и Харьков 90-х

Здесь дорога темна. Город мой. (Спи, бетонный мой друг).
Фонареет луна, мерно дышит нарезанный лук
на покинутой кухне. Так тихо дыхание его,
что уже не испугнёт, не расстроит уже никого.

Масштабируем дальше: дорога идёт сквозь квартал.
Помнишь, раньше ты здесь оживлённые окна считал.
Так считай же в обратном порядке: кто жив тут ещё? —
Хочешь, перекрести, хочешь, сплюнь молча через плечо
присутуленной липы. Лишь сплюнь и навеки забудь
тех, кто раньше ушёл и кого за окно не вернуть.

Засыпай же, мой друг, гений міста и господин
забулдыжной дороги, где ты застываешь один.

Обряд инициации

Кто ж знал,
Что, чтобы пройти в ботанический сад
И вдохнуть запах магнолий,
Надо убить
Бездомную кошку,
Заезжавшегося ребёнка,
Разрушить подъезд
С приподъездной старухой
И сутулой женщиной,
Вышивающей по подушке.

Вдоль твоего пути полетят
Лепестки роз,
И магнолий,
И яблонь
«Слава победителю».

Кто ж знал,
Что эта слава
Так быстро завянет.

* * *

Эта ночь — варенье из инжира,
Бурая, лишь с косточками звёзд.
Все морского лета пассажиры
Пятый день не думают всерьёз.
Между новостей из интернета,
Между похорон и похорон
Поплывёт в катамаране где-то
Выспавшийся отпускной Харон.
Позабыв про мёртвых плач и ругань,
Как река, стирая всё, шипит змеей,
Он детей катает здесь по кругу —
Между бурым небом и землёй.

Ева АХТАЕВА

Холст бытия

На холсте бытия всё смешалось —
Мир глобально пошёл вразнос.
Кисть Пикассо подразгулялась,
И гармония — под откос.

Сколько «Герник» ещё родится?..
В лужах крови — сплетенье тел.
В крике Мунка застыли лица,
Каждый суший — попал в прицел.

Всё ощерилось в диком гневе,
И поднялся на брата брат.
Край цветущий — какой Малевич
В мёртво-чёрный загнал квадрат?

Где подсолнухи от Ван Гога
Ослепляли высь синевы,
Нечисть Босха мостит дорогу
В нескончаемый ад войны.

Разум спит, распустил чудовищ —
Время жатвы смертей и слёз.
Мир возводит потери вдовьи
В верещагинский «Апофеоз».
2022

Украинские мадонны

Бьются бурей гонимые волны
(Не про море мой сказ — про людей)
В берег дальний, страданием полны, —
Волны жён, матерей и детей.

Вал всё выше встаёт, накрывая
Земли Дании, Польши, Литвы...
В центре Вильнюса или Тракая
Их невольно заметите вы.

Речь певучая, яркая внешность,
По плечам водопады волос.
Но в бездонных очах неизбежность —
И ночей одиноких, и слёз...

В чём повинны они перед Богом,
Потерявшие семьи и кров?..
Одолевшие страха дорогу
Лишь в надежде на нашу любовь.

Привлекают красотой, стилем модным,
Но судьба и душа — пополам.
Украинские чудо-мадонны,
Во спасение данные нам...
2022–2023

Второе лето войны

Я живу на войне. Жуткий вой надо мною ракетный...
Что? За тысячу вёрст? Нет — летят прямо в сердце моё!
Чьей-то бабушки крик — вся в крови... на земле... неодета...
Расклевало ей раны стальное ракет вороньё.

По её щекам — кровь, по моим — неутешные слёзы.
Я не знаю, как жить, если вижу, что метят в неё...
Всё точней и точней день за днём оружейные «грозы».
Всё прицельнее бьёт человеческой расы зверьё.

Разорвав небеса, «Искандер» себе жертву наметит.
Спит беспечно дитя, мать поёт ему: баю-баю...
Я — и сплю, и пою... А над нами убийственный «ветер»...
Канонада слышней... Ещё залп — и нас точно убьют!
2023

* * *

*Дай бог, чтобы моя страна
Меня не пнула сапожищем.
Евгений Евтушенко*

Какая «чудо» перспектива открыта мне в родной стране,
Пока я радугой наивно рисую в небе «Нет войне!».
Пока стираю «Z» настырно из азбуки моей родной,
Латая в сердце бомбо-дыры, разверстые моей страной.
Какой приём мне там устроят за крик христовый: «Не убий!» —
Вода и хлеб, а к ним — «покой», лишь я и память — визави.
Тюремная судьба изгоя — тем, кто взывает: «Миру — мир!».
И прямо с неба голубого безгласо шепчет мой кумир:
«Дай бог, чтобы моя страна меня не пнула сапожищем».
Дай бог и то, чтобы она, от пропаганды вдрызг пьяна,
Не впрыгнула вся в голенища...
август 2022

Жатва

В парках Вильнюса — осени жатва,
Под ногами ковёр урожая.
Ветру буйному листьев не жалко —
Бабы-ветви ещё нарожают.
Он беснуется, грубо срывая,
Всё, что нежно цвело и звенело —
Вниз пикирует рыжая стая.
Дворник бодро берётся за дело —
Под обкраденными деревьями
Грузом двести чернеют пакеты...
Словно смерти крылом, накрывает
Тенью подлой войны... всю планету...
2022

Андрей ГРИЦМАН

* * *

Остаётся только молчать.
Или говорить ни о чём.
На больничном бланке печать —
Окончательная — врачом.

Словословием не помочь.
Захлебнулся русский язык.
Чуден Днепр и тихую ночь
Убивает воющий взрыв.

Не глагол, не падеж, не род.
Зов сирен, да разрыв навзрыд.
Перелёт, недалёт, перелёт.
Дрон судьбы над тобой парит.

Потому теперь я молчу.
Есть предел. Душа, как сосуд,
Сообщается с тем, кому
Уготован неправедный суд.

Были, сплыли: глад и чума,
Децимации, печи и мор.
Но теперь доведут до ума
В тёмной яме. Такой разговор!

Потому бессловесно пора
уходить за глухую черту.
Там, где нас до поры не сыскать.
Не зовите — не услышать.
Там — туман, как иприт поутру.

Посещение музея

Наконец-то и время пришло посетить этот зал.
Он открыт иногда только на 32-е.
В центре зеркало времени светится, словно слеза.
Нужно всё обойти, посмотреть, пока не закроют.

Там на стенах портреты зияют призывно без глаз.
Опустевшие рамы мерцают в музейном под свете.
Кто-то выбыл бессрочно, кто-то недосказал,
Чей-то дальний призыв повис без ответа.

По углам каменеют фигуры без глав
В зале мёртвых витрин и мраморных статуй.
Это тихий спецхран недописанных глав,
Круг теней, словно судеб, живущих без даты.

В этом месте всё создано, чтобы проклясть,
Но любые слова произносятся втуне.
Здесь накоплена вечная горькая страсть.
Чёрный шелест портьер на 22-е июня.

На полотнах темнеющих — праздник побед.
Под стеклом горкой соли слезинка ребёнка.
Завтра снова и снова мы выпьем за здоровье в обед.
Но получим к утру ещё одну похоронку.

Зал проклятия памяти, времени гул.
Проступают на стенах все списки забытых.
Под конец до закрытия я в этот зал заглянул,
Где никто не забыт и ничто не забыто.

* * *

Матросская тишина.
Тишина в больничных дворах.
Тополя и крапива, репейник,
древние вязы.
В эту пору летит сквозь эпохи таинственный пух
На брусчатку, в окно и на лист,
покрывая отдельные фразы.

Уплывает, как облако, в бездну страна.
В гробовой тишине — клёкот, гуд,
Новодевичий больше не слышен.
И седой Чаадаев сидит за столом у окна
И грустит по друзьям,
И письмо позабытое пишет.

Вилла Боргезе

Это место, где время остановилось.
Пахнет хвоей, платаны немногословны.
Дышит прекрасным склепом, а не глухой могилой.
Мысль ящерицей скользит, слава Богу, мимо
по камню, выжженному солнцем,
тронутому старой кровью.
Наконец я спокоен. Всё со мной, и более,
дышу настоящим лучшего, что осталось.

Этот отвар крепче, если настоян на боли,
но на вкус не скажешь — много ли, мало.
И когда отплываешь — навсегда остаётся
брат Бернини, друг ненаглядный, сестра Мария
и небосклон непередаваемо синий,
вода из глубин бесконечно льётся, словно звучит
давно позабытое, но родное имя.

Что мы знаем о будущем?

Что мы знаем о будущем?
Только то, что — было.
В детстве сулили райские кущи,
и на доске написана мелом
глупость. Но на великом, могучем.

Надежда осталась в темнеющем прошлом.
Любовь спит на заколоченной даче.
Что же касается веры в калошах,
Зои Карениной, девы с веслом —
так они вечно торчат на раздаче.

Снизу пожиже — завет военкома.
Чистят стволы и бухают всенощно.
Вижу — толпятся они у парома.
Словно в атаку снова и снова.
Там, где Харон дежурит бессрочно.

Мы — в ожидании на пересадке,
переселенцы в поисках дома.
СМИ обещают на Пасху посадки.
Книга истлела в дачной беседке.
Град на холме — в облаке смога.

Виктор МАРТЫНЕНКО

* * *

Послушай, упрекать меня не надо.
Я не сумел принести благую весть.
Пора нам перечесть гомериаду —
Там столько горя, что вовек не счесть.
Там всё о нас, о наших днях проклятых.
Вновь крови жаждут демоны войны.
И горе на плечах твоих покатых,
И горечи глаза твои полны.
Ты помнишь фразу о ладонях страха,
Которую я записал в тетрадь.
Над Гектором рыдает Андромаха,
И нам её рыданий не унять.
Я эту фразу повторял стократно,
Забыть хотел, пытался, не сумел.
Вновь сёстры Андромахи в черных платах,
И лица их опять бледны, как мел.

* * *

Порхают бабочки во времени том странном,
и птицы средь белеющих домов
вьют гнезда свои птичьи неустанно
и учат петь восторженных птенцов.
А бабочки порхают крылоцветно,
сады листвой чуть слышно шелестят,
и обдувает полдень знойным ветром
безмолвных улиц серенький наряд.

Порхают бабочки, и сочно абрикосы
срываются и падают к ногам.
И всё в том мире яблочно и просто,
И нет войны, и всюду детский гам...

* * *

Помолись о неведомых днях
И о тех, кто идёт вслед за нами.
Этот мир тротилом пропах,
И тротилом пропахла память.
Но опять зацветут васильки,
Синим цветом рассыпавшись в жите.
Засмотритесь в течение реки
И о ком-нибудь помолитесь.
Вновь стрекочет кузнечик в закат,
И звенит тишина вековая.
Здесь вчера стрекотал автомат,
Здесь кого-то вчера убивали.
Бродит цапля опять в камышах,
Рядом утка утят учит плавать.
Куст калины тротилом пропах
И тротилом пропитана память.

* * *

Опять нелётная погода
в моём заброшенном краю.
Влачат уныло пешеходы
в туманном мире жизнь свою.
Вот снова нервно ходит кто-то
среди мерцающих огней,
но не летают самолёты —
не улететь из скорбных дней.

Не улететь из лихолетья,
из злобно-кровожадных лет.
Здесь даже ветер пахнет смертью
и улететь надежды нет.

* * *

Всю ночь бормотала сирень за окном
своим ароматом протяжным,
под утро чуть слышно вошла в спящий дом
походкою многоэтажной.
Наполнив квартиру дыханьем своим,
сроднилась с хрустальным молчаньем.
Вдыхай осторожно сиреневый дым —
легко отравиться печалью.
И станут бессонными ночи твои,
и будешь скорбить о потерях.
Сиреневый мир столько грусти таит,
и сам притаился за дверью.
Сирены взывают всю ночь за стеной.
Сирень моя пахнет войной.

* * *

Не грусти, друг-товарищ, сквозь печаль улыбнись —
И в военном угаре продолжается жизнь.
Плачут женщины наши — лица вспухли от слёз.
Верь: в разрушенном храме вновь воскреснет Христос.
Птицы пеньем прольются в расцветающий сад,
И медовым гуденьем пчелы в нём загудят.
Там, где пули свистели, засвистят соловьи,
И весенним распевом заручьются ручьи.
Мы погибших помянем старым терпким вином
И отстроим все вместе наш разрушенный дом.

* * *

Бессонница. Гомер. Грохочут поезда.
 Считать не сосчитать железную лавину.
 И светится в ночи далёкая звезда,
 И льётся свет её над милой Украиной.
 Вновь «Илиады» том раскрою я в ночи
 И стану в нём блуждать бессонно до рассвета.
 Насупившись, Гомер вздыхает и молчит,
 Лишь слышно, как земля от боли стонет где-то.
 Не спится, не уснуть. Страницы шелестят.
 Нам снова надо плыть, дабы с врагом сразиться.
 Я слышу, как в ночи наш расцветает сад
 И шелестит листвой, и шелестят страницы.
 Уставшая земля вновь рвётся зеленеть,
 Ей снова песни петь и плакать, и смеяться.
 Вновь расцветает жизнь, и отступает смерть.
 Страницы шелестят, дрожат устало пальцы.

* * *

Не проси пощады у орды
 и не плачь — не тронут её слезы.
 В небе зреет зарево беды,
 вызревают грозы.
 В звонких рощах смолкли соловьи,
 ухает сова, желтея взглядом.
 Катятся кровавые бои,
 разрывают плоть земли снаряды,
 и гремит протяжно в небе гром,
 Снова, как во времени прадавнем,
 бьётся с криком чайка над Днепром,
 и в Путивле плачет Ярославна.

Ханох ДАШЕВСКИЙ

* * *

Нет ничего печальнее любви,
Когда она приходит слишком поздно.
Забудь меня и, как цветок, живи:
С луной играй под крышей неба звёздной.

А я уйду. И унесу с собой
Твои глаза в предутреннем тумане.
И будет этот сумрак голубой
Напоминать о незакрытой ране.

Сойдутся дождевые облака,
И в день ненастья, в грустный день осенний
Увижу я тебя издалека,
Но не смогу обнять твои колени.

* * *

Покажи мне мираж на границе песков,
Покажи очертания сказочных гор,
Чьи вершины парят в небесах без опор
И несут синеватый туман облаков.

Там, где ровный и тихий колеблется свет,
Настоящее гаснет, и прошлого нет.
Там пространство мечты, там иные миры
Открываются в тайне волшебной игры.

Там порог, за которым — глубины глубин,
Но войти в эти двери не может любой —
В золотое сияние звёздных долин,
В голубой океан, где не слышен прибой.

Там, как тайна из тайн, на мерцающем дне
Притаилась янтарною каплей слеза,
И над вечным простором, в алмазном окне,
Изумруды горят, и цветёт бирюза.

Это чудо чудес — твой единственный взгляд,
Где восходит рассвет, и не виден закат,
Где струится вино из серебряных чаш...
Это мир, где становится явью мираж.

* * *

О, темнота, скрывающая день,
В тоске склоняюсь к твоему подножью!
Растоптана измятая сирень,
И ящеры ползут по бездорожью.

Под маскою безжизненной луны
Раскинулись кровавые погосты,
А в небесах, пусты и холодны,
Мерцают звёзд опаловые гроздьи.

Не будет больше радостных вестей,
Не будет свадеб, и не будет песен.
Стал целый мир долиною костей,
Где образ смерти бродит, бестелесен.

Из ямы не восстанет ни один,
Не вытащит из липкой грязи ногу,
И только вопль из сумрачных глубин
Достигнет слуха, поднимаясь к Богу.

Вопьётся в сердце и сведёт с ума,
И ужасом оденет, как покровом,
И будет долгой в этом месте тьма,
И лишь она на зов ответит зовом.

И только в день, когда настанет срок,
Когда Земля свой гиблый путь изменит,
Свершится то, о чём сказал пророк,
И эти кости снова плоть оденет.

Тогда вернутся наши братья к нам
В свой древний край, навеки возрождённый,
К садам цветущим, к вспаханым полям,
К святой Горе, увенчанной короной.

И ты придёшь туда, где я живу
И беспрестанно о тебе тоскую,
И я, тебя увидев наяву,
Твои ступни босые поцелую.

* * *

Тот счастлив, кто научится прощать,
Когда огонь обиды сердце гложет,
И, пожирая плоть за пядью пядь,
Питает месть и догореть не может.

И даже если невиновен я,
Мне это пламя не очистит душу,
Но будет жечь и жалить, как змея,
И жгучим ядом выльется наружу.

И ненависть гнездо себе совьёт
В груди у нас, и не утихнет злоба,
Пока, сгорая, каждый не поймёт,
Что в том пожаре мы сгорает оба.

И если я понять тебя не мог,
И если ранил больно и напрасно,
Не осуждай меня! Ведь только Бог,
Владея правдой, судит беспристрастно.

И всё же есть ещё один судья:
Твои глаза, где свет затмили тени.
И беспощаден этот суд — и я
Встаю перед тобою на колени!

Сергей ШАБАЛИН

* * *

Эта аллея — как тоннель,
в конце которого нет света.
Я различаю в тишине
былых прохожих силуэты

среди прогорклой темноты
и луж неодолимо чёрных...
а в лужах ранние кресты
и былъ общественных уборных.

Мне тени прошлого простят,
под мёртвым небом бронзовея,
что я, предав любимый ад,
покину общую аллею.

В дыму несбывшихся систем,
их постиндустриальном тлене,
я вырулю к заветной «М»
(исчезну в метрополитене).

Как долгов эскалатор вниз
к скульптурам выложенных станций,
где поезда летят и дни,
а на часах почти двенадцать,

где в камне строгие слова,
где буквы грозные отринув,
я через век, быть может, два,
всплыву наверх, как субмарина...

Письмо самому себе

Наш спор наивен, мой друг, отправь
письмо самому себе.
Потом поймёшь, что в обход всех прав,
мы пешки в чужой борьбе.
Смотри, как трупы бросают в ров,
кому их жизни важны.
А нефть, сынок, твоих дедов кровь,
слоновая кость страны...

Попробуй выскользнуть из оков,
замедлив вал роковой,
осилив полчища дураков
на бочке пороховой,
ту бочку вдребезги разнесёт
история, а потом:
мятеж, вокзал, почта, пулёмёт...
а рядом с цирком дурдом.

Главврач и первый стратег страны
с болезнью её знаком.
От ипохондрии он больным
прописывает окоп,
путёвку в ад под вопль «наверх»,
ведь это его борьба.
Не верь ему и отправь конверт
без штемпеля и герба.

Потушит время любой огонь,
размост крики ура,
толпа на вилы вздыбит того,
кто властвовал ей вчера.
Прости, сынок, отца за ликбез,
за правду не обессудь...
Дождись письма с печатью ли, без,
и адрес свой не забудь.

* * *

Не дождавшись письма и ответа,
я опять в характерном чаду
нелогичного прошлого века,
где-то в семьдесят пятом году.

Пахнет хвоей под тушинской крышей,
одиоко-оранжев костёр,
почему не звонишь и не пишешь,
может, вирус имэйл мой стер?

Где ты, с кем и о чём говоришь ты,
в Сингапур укатила, в Бахрейн?
В Украине сжигаешь покрышки
или в Индии стала своей...

Опекун твой, без скромности лишней,
протянув неофиту тетрадь,
«Хари», — скажет участливо... — «Кришна»,
значит, самое время бежать

автостопом к китайской границе,
в оренбургские степи, в ковыль...
и плацкартой в Москву возвратиться,
чтобы стать с суетою на «вы».

Позабудутся ранние песни
и стихи (это тоже тщета).
Станут странствия неинтересны,
и копилка восторгов пуста.

Что придумать тебе в оправданье,
интернет есть в кафе за углом.
Неужели и мы до признанья
сей последней черты доживём?..

* * *

В переулке вспыхивают фары,
выявляя сигаретный дым.
Неужели наступает старость?
думал, буду вечно молодым.

Торможу такси, насупив брови,
время вроде есть, дерзай, моги.
Но число прожитых лет коробит,
разъедает душу и мозги.

Пролетит лет восемь или десять
и придёт итоговый раздел.
Как любой другой на этом свете,
думаю о том, что не успел.

Не успел домыслить Фейербаха,
совершить в Перу переворот,
написать роман, разбить «Ямаху»,
провести в сарай водопровод.

На стекле коричневые пятна
майских луж, весенняя гроза.
Время, разумеется, абстрактно,
но конкретны жизни тормоза.

Объективны лошади мотора
и педали газовая плеть.
И сама дорога, на которой
нам, увы, положено успеть...

Михаил ГРИНБЕРГ

Две речки

Первая речка, Чёрная речка,
К каменной тумбе прибита дощечка.

Двое стрелялись однажды зимой,
Год был в столетии тридцать седьмой.

Низкое небо свинцового цвета,
С чёрным гербом отъезжает карета.

Вторая речка, волчья речка,
Не донесётся ни словечка,

Здесь не услышишь ничего.
Век опоздал на век всего.

Старые раны, избитые темы.
Давится ль Молох осколком поэмы?
1978

Фронтовая баллада

Шёл вестовой к генералу с пакетом,
У переправы в бомбёжку попал.
Четверо пленных не знали об этом,
Их лейтенант под конвоем пригнал.

Только закончилась злая бомбёжка,
Пушки, ощерясь за лесом вдали,
Лупят, молотят, кромсают в окрошку
Руки и ноги, и комья земли.

В бой вдалеке от своих несподручно,
И, вестового схватив наугад,
Сдал лейтенант ему пленных поштучно
И за конвоем умчался назад.

Быстро прикинул зелёный мальчишка,
Даром что мало пришлось воевать —
Будет ему стопроцентная крышка,
Если пакет на часок задержать.

Немцев довёл до ближайшей ложбины,
Всех их на землю ничком уложил,
Прямо в горячие потные спины
Шмайсер трофейный, спеша, разрядил.

Службы всевидящей зоркое око,
Из блиндажа тылового глядя,
Разобралось, и не так уж жестоко —
Только в штрафбат, там убьют погодя.

Или в рубашке родился бесстрашный,
Или недаром священник кропил,
Или случайно, но был в рукопашной
Ранен и выжил, и тем искупил.

Жизнь продолжала полёт свой мгновенный,
Канули годы в извечную тьму,
Только четвёрка расстрелянных пленных
Так никогда и не снилась ему.

Как-нибудь утром, а может, под вечер,
Выйдет за ним старушонка с косою,
Руки солдату положит на плечи,
Пленных тех самых ведя за собой.

Вышла заминка под занавес действия,
Каждый ответит один не за всех,
И никакое чужое злодейство
Не искупит совершённый им грех.
1982–83

Dante. Inferno. Canto 1
(Отрывок)

Доро́ги жизни нашей посредине
Я ощутил в какой-то тёмной чаще,
Что ясный путь прямой утерян ныне.

Как, с тяжестью признаюсь леденящей,
Был лес лесист и в силе наибольшей.
И кто задумается, страх опять обрящет!

Такой, что смерть лишь ненамного горше.
Чтоб добрым поделиться, что нашёл я,
О всем увиденном скажу побольше.

Я не смогу сказать, как же вошёл я.
Такой сковал меня сон моментальный,
Что от дороги верной отошёл я.

Когда достиг подножия фронтальной
Горы, что ту долину замыкала,
И страх поднялся в сердце покаянном,

Я вверх взглянул, где склоны покрывало
Уже лучами дальнее светило,
Что в путь прямой других всех направляло.

Тут страх как будто что-то притушило.
Он в сердца озере моём жил ночью,
Которая прошла и пощадила.

Как запыхавшийся пловец, на прочный
Берег из опасных волн едва взойдя,
Глядит на море, обернувшись срочно,

Так и душа моя, поспешно уходя,
Всё ж оглянулась на проход, который
Живым не одолеть, единожды пройдя.
февраль 2023

* * *

Смиримся с прихотью судьбы.
Её неведомые воды,
Не отвечая на мольбы,
Смывают целые народы,

А выживших уносят прочь
Сквозь строй слабеющих пристрастий
В беззвёздную глухую ночь,
Где ветры холодят запястья,

Где слово тонет в тишине,
Разъятые стихают звуки,
И даже точные науки
Уже не точные вполне.

И только смутная тоска,
Высоких сфер посланник бедный,
Гость бесполезный и бесследный,
Сулит рассвет через века.

10 августа 2023

* * *

Неясный гул сменяет день вчерашний,
Слабеет Леты цепкая петля...
Как вожденно примет тело пашни
Внезапный дождь, целующий поля!

Заветное, пылая и дробясь,
Из немоты всплывает к свету слово,
И образы ожившие былого
Сплетаются в мерцающую вязь.
1982

Берта ФРАШ

*Год поэзии 2022. Київ, Друкарський двір Олега Федорова. 2022.
Составитель Виктор Фет. Обложка — Николай Сологуб. 656 с.*

Под интеллигентным, сдержанным оформлением объединились переживающие и сочувствующие души. «Сегодня мы все украинцы» (стр. 141, Анатолий Либерман, США), «Віднині ми всі — УКРАЇНСЬКИЙ НАРОД!» (стр. 346, Андрей Теплов, Украина).

О сборниках поэзии было всегда нелегко поведать. Но об этом — особенно! Пронзительный! И трогательные стихи, и познавательные статьи, и замечательные переводы, которые радуют содержанием, гармонией мысли и чувств. Всех невозможно упомянуть, для этого понадобилось бы просто переписать книгу. И цитирование, как известно, сугубо индивидуально или более соответствует канве статьи, в которой лишь мозаика субъективного отбора.

Во время страшной, коварной войны на русском языке в Киеве издана книга: красиво, качественно (без опечаток!). 29 декабря 2022 года сборник сдан в печать, читаю в конце. Уже 21 февраля 2023 года книга была мне отправлена (штамп украинской почты) и через 3 дня была в Германии! Нет, это не мелочи, когда идёт война, а страна продолжает работать. И книги, и зерно, и многое другое производится и поставляется в срок (если этому умышленно не препятствуют). С волнением раскрыла пакет с украинским почтовым штампом.

«Год поэзии 2022» объединил около 90 авторов разных поколений из разных стран, которые продолжают писать по-русски за пределами распадающейся империи. Мы гордимся тем, что эта книга выходит в Киеве. О чём бы мы не писали, сердца и стихи

тех, кто не может молчать — на стороне сражающейся Украины» — присоединяюсь к словам составителя Виктора Фета.

К этому присоединилась радость, когда в списке авторов, в содержании увидела имена поэтов Украины. И знакомые имена поэтов США, Канады, Новой Зеландии, Израиля, Германии, Франции, Норвегии. Это не сиюминутный всплеск эмоций, это благодарность за предоставленную возможность быть в такой компании и ощущение солидарности с замечательными поэтами Украины!

Как же тяжело сегодня в кривом зазеркалье войны.
Только стон, только скрежет и свист, только взрывы слышны.
А слова, распадаясь на крики, и всхлипы, и вздохи,
Где беспомощны, где неуместны, где плохи.
Жди! Поэтика выйдет из плена, для жизни восстанет,
Когда дикий металл уже намертво в жерле застрянет,
Когда в пыль превратится чужая, безумная небыль,
Когда души погибших высоко поднимутся в небо.

(Зоя Полевая, США).

Не могу вспомнить, где и когда в поэтическом сборнике было больше обращений к Богу, чем в этом. Поэты ведут постоянный диалог с Всевышним (например, *стр.* 399 — «СМС-переписка с Богом», Людмила Лурье). Просили ли милосердия у Него идущие в печи Освенцима? Как Он вообще допустил такое? И вот сейчас. Корни зла те же самые — зависть. Банальность зла (Ханна Арендт). И как об этом рассказать в стихах? Оказалось возможным для поэтов, живущих в разных странах.

Кончается снова февральская ночь,
И красен рассвет в Фермопилах,
Молитесь же с теми, кто может помочь,
Молитесь за тех, кто не в силах.

(Виктор Фет, США).

Когда всю свирепствует война,
На ней сосредотачиваешь мысли,
Которые всей тяжестью нависли —
О долге, чести, смерти ... И о смысле.
(Сергей Кодес, США).

Русский язык авторов Украины богатый, свободный, многогранный, беспощадный. Очень редкое употребление украинских слов соответствует эмоциональной, политической ситуации отчего поэтический рассказ становится колоритным. Поэзия украинских авторов — это летопись зла на фоне добра:

Стала ржавою жалость... От крови, пожалуй...
От могилок на вырост оглохли слова.
А возмездие Божье в пути задержалось,
Или ангел отмщенья сейчас нарасхват.
Память сильно разбухла от горя и гнева.
В ней взрывают миры, бьют по счастью бедой.
А в колодцах живая вода покраснела,
и нельзя исцелиться погибшей водой. ...
(Эмилия Песочина, Украина — Германия).

Это страшное место бездомных и брошенных кукол.
Это место, откуда весною уехало счастье.
Здесь восьмой ада круг. Данте, глянь, ужаснись — Мариуполь!
Дьявол трахал тут Смерть и она отдавалась со страстью. ...
(Максим Коровниченко, Украина).

Птица, лети, бросай на землю перо,
сильными крыльями небо меси, как глину.
Сверху падали бомбы. А люди пели в метро
«Червону калину».

Пели — спина к спине, плечо к плечу.
Свет электрический тѣк по лицам, как масло.
Ветер над городом пытался задуть свечу.
А свеча не гасла. ...

Птица, лети, собирай в небесах серебро —

Падали бомбы. Люди пели в метро.
И были непобедимы.
(Михаил Юдовский, Украина — Германия).

...русский мир
едва привстав с колен
и для надёжности крестами обмотавшись
пойдёт войной на не принявших плен
возжаждав крови преданных и павших

Но мы другие
мы — другой народ
и в жажде жизни мы теперь едины
нас не сломить
и нас не побороть
мы — украинцы
мы — непобедимы
(Марина Тюрина Оберландер, США).

Каждый дом нам родной, каждый камень знаком,
даже воздух — для лёгких отрада.
Здесь Булгаков, укрытый мешками с песком
От обстрелов и чуждого взгляда.

Здесь Андреевский купол увенчан крестом,
Словно окаменевшее знамя.
Мы поднимем стаканы за вечный Подол,
И, помедлив, за тех, кто не с нами.
(Анатолий Лемыш, Украина).

Я любила Пушкина и Бродского,
Киев, Питер и Париж в придачу,
Окуджаву, Галича, Высоцкого
и гитары звон. А как иначе? ...
Мир несётся в пропасть, Богом брошенный,
новый круг в аду прислуга чертит.
Как же вас спасти, мои хорошие?
Где найти слова сильнее смерти?
(Ирина Карпинос, Украина).

Поэт запечатлел страшную картину войны — городскую акцию скорби. Это показали по многим каналам немецкого телевидения.

Во Львове пустые коляски...
на площади главной стоят
вдали от безумнейшей пляски.
В них детки грудные... не спят.
Их жизни уже отлетели
туда, где мерцающий свет,
и след замечают метели,
где поле непрожитых лет.
(Андрей Теплов, Украина).

Умертвить, угробить, прогнать, сломать,
затравить, захватить, с землёй сровнять,
надругаться, изъять и стереть с земли —
разве ужас этот представить могли?

(Ребекка Левитант, США).

Каждый день мечен бедами, Господи,
Облака на востоке, как дым —
То ли школа горит, то ли госпиталь,
То ли книги Сковороды...

(Виталий Амурский, Франция).

Взор усталый к небу подымая,
ты найдёшь на краешке звезды
уничтоженный седьмого мая
дом Григория Сковороды.

(Виктор Фет, США).

Слабенький стук раздаётся из ближней хаты.
Двери распахнуты. Молча глядят солдаты.
Стенка избы испохаблена буквой зет.
Бог наблюдает с упавших на пол иконок,
как из подвала выходит седой ребёнок,
словно на вымысел щурясь на божий свет.

(Давид Поташиников, США).

У поэзии поклонников значительно меньше, чем у других жанров литературы. Этот киевский сборник увлекает искренностью переживаний и забываешь, что они высказаны, выстраданы в стихотворной форме. Безусловно, в этом и заслуга составителя. Конечно, есть в сборнике стихи не только о войне и Боге. Воспринимая содержание как хронику жизни, а именно таким и является «Год поэзии 2022», присутствие времён года, стремление к счастью, рассуждения о смысле жизни — неотъемлемая и существенная составляющая поэзии..

По учению, жизнь — это нить
бесконечная... Не умирает...
Ну а, может, задумав сокрыть
свою тайну, нарочно играет

и хитрит, чтобы смертью ничьей,
даже ранней, себя не порочить?
Где же он, животворный ручей,
что стрекоча, нетленность пророчит?

Омовением вечное длит
и дарует великое счастье —
в мире бренном себя ощутить
мироздания незыблемой частью.

(Раиса Резник, США).

Необыкновенно простые и одновременно пронзительные
слова о любви:

Снова осень.
Засыпь мои мысли, листва!
Ветер вьётся в лучах, с пустотою играя,
мир заках — в унисон вместе с ним умирая,
словно рыба, хватаю живые слова.

(Сергей Курбатов, Украина).

Когда-то я любил тебя безумно.
Промчались годы.
Я люблю тебя ещё сильнее. ...

Моя любимая, как долго мы идём
Лесами дикими, пустынями, чужбиной.
Годами мы с тобой идём друг к другу.
К той Пустоте, что всё объединяет.

(Сергей Яровой, США).

Валентин Емелин (Норвегия) завершает раздел поэзии. Он отразил ритм ужасов советского времени: «Чаган. Ядерный приквел. Всем жертвам военного и мирного атома». В примечании немало интересного (стр. 552–553, «С 1949 по 1989 год на Семипалатинском ядерном полигоне было произведено не менее 468 ядерных испытаний...»).

О четвёртом выпуске «Дня русской зарубежной поэзии 2022» (Франкфурт, Германия; составители Виктор Фет и Владимир Батшев, художник — Юрий Диденко) и о сборнике стихотворений и пьес Виктора Фета «Вскипает лава» рассказал Анатолий Либерман (США) в разделе критики, очерков, воспоминаний. Как всегда, очень интересно!

Интервью Дмитрия Бобышева Артёму Комарову — познавательно и увлекательно (например, какие функции выполняет поэзия, об Анне Ахматовой...). «Поэзия — это поющая истина» (стр. 354):

Люди — всего лишь миры, не более...
У любого мозг — полярный ледник.
Сердце — солнце. Океаны болями
и наслаждениями плавают в них.
Вот им оно надобно, бесполезное,
но почему-то позарез и вдруг:
это баловство со словом, — поэзия,
млекопитающая, как грудь.

Весь раздел разнообразен, интересен!

В другом, IN MEMORIAM, представлено творчество тех, кто ушёл. Например, поэт Василий Дробот (1942–2020) перевёл на русский язык знаменитые произведения украинских писателей. Читатель может познакомиться с тихой образной музыкой стихотворений Дробота:

У самой ночи на пороге,
Уже от берега в отрыв
Сидит гора, босые ноги
В живую воду опустив. ...

А на плечах —
огромный город.
А возле ног из года в год —
Течёт река, минуя гору,
И вдаль уносит небосвод.

Есть и раздел разнообразных переводов, которые действительно радуют содержанием и мастерством: с английского, с французского, украинского, грузинского, иврита. Поэты, которых перевели на русский, продолжили свою творческую жизнь, обогатили любителей поэзии. Сам выбор поэтов для переводов уже не оказался потраченным временем. Например, Роберт Уайтхед, Дилан Томас, Эдна Винсент Миллей, Редьярд Киплинг, Эмили Дикинсон, Уильям Батлер Йейтс, Уильям Шекспир, Уоллес Стивенс, Йегуда Амихай, Роберт Фрост.

Признаюсь, неожиданным, незнакомым для меня оказался перевод из цикла «Еврейские мелодии» Ивана Франко (1856–1916), выполненный Ханохом Дашевским. В советское время, на уроках литературы в школе об этой стороне творчества классика украинской литературы не говорили. (Как, впрочем, и о том, что «еврейский след» можно обнаружить в музыке Дмитрия Шостаковича).

В этом сборнике есть голоса тех, кто вынужден был покинуть СССР, Украинскую ССР. Правдивые обстоятельства, необходимые слова не просто дополнение к поэтическому ландшафту. Эмиграция — иногда горькая судьба. Конечно, есть и счастливые примеры. Те, кто покидал именно СССР, пережили подобное:

Мы уезжали в никуда,
 Сжимало горло нам до рвоты.
 Нас увозили поезда,
 Нас улетали самолёты.
 А за спиной презренья взгляд
 И тихий шёпот, как шипенье,
 И бегунок — путёвка в ад...
 Почувствовал я вдруг, что жив,
 Что жизнь свободна и прекрасна.
 Что открываю новый мир,
 Что начинаю жизнь сначала,
 По ветру паруса раскрыв,
 Плыву я к новому причалу.
 (Слава Гауфберг, США).

Игорь Михалевич-Каплан рассказывает о языке детства, о запрещённом языке многих эмигрантов — об идише: «Мой дорогой идиш». Изменилась ли Украина с тех пор, можно ли свободно жить людям разных национальностей, учиться, работать по способностям — мне это неизвестно. Но в этом, одном сборнике уже оказалось возможным.

Не считать себя лучше других, окружающих, не завидовать — это и есть элемент счастья. «Мы были счастливы, от кого-чего же нас надо было “освобождать”?» Именно так ощущали себя до нападения беженцы с Украины. И немало их быстро вернулись, в буквальном смысле, к пепелищам, вою ракет и сирены, к голодному-холодному выживанию в подвалах, туда, где их окружает знакомый язык. И некоторые из них, возможно, будут при свечке писать стихи потому, что не могут иначе постичь переживаемое.

Когда вовсю свирепствует война,
Невольно замечтаешься о мире,
О безмятежной и безбрежной шири,
О том, что, может быть, вернёшься к лире —
Вдруг не разбомблена?

(Сергей Кодес, США).

В этом сборнике нет ничего вполсилы. «Год поэзии 2022» успешно реализовал желание словом описать невозможное. И как много удалось сказать!

*Связь времён 12–13. Альманах, ежегодник. 2022–2023.
Сан-Хосе, Калифорния, США, 2023. Редактор Раиса Резник. 560 стр.*

Новый выпуск альманаха подтвердил суть своего названия: СВЯЗЬ ВРЕМЁН. Настоящее и прошлое, постижение времени и себя в нём. Разнообразие жанров способствует увлекательному и познавательному чтению. Эмоциональные моменты, интересные встречи, замечательные стихи о ВРЕМЕНИ, о нашем отношении к нему и между собой. Миниатюрные рассказы оказались в этом выпуске гармоничным дополнением к поэзии, ещё один взгляд на время. О радости творчества, о печали потерь неизбежных и сотворённых насилием. Война. Её изошрённость подлости, зла. Восприятие войны.

Невозможность всех упомянуть или процитировать, оставляет надежду скорее заинтересовать читателей обратиться к оригиналу. Это и будет добрым итогом моей дерзкой попытки передать глубину впечатления от нового выпуска альманаха с большим спектром содержания: поэзия, юбилейные публикации, круглый стол «Связи времён», рассказы, интервью и многое другое. Отсутствие вступления оставляет читателя наедине со своим восприятием.

«Новая реальность» (В. Фет): в альманахе немало стихотворений, в которых отразились разные аспекты войны. Проникновенные слова поэтов Украины и стран, где пишут на русском языке.

...

это осень темноты прощальной
обниманий ненасытных рать
отголоски нежности подвальной
манекену безголовому под стать

в темноте привычный вой сирены
в арке неба тлея смерть летит
это осень — с запахом сирени
«и звезда с звездой говорит»
(Игорь Божко, Одесса, Украина).

Нет сейчас беды страшней и круче,
Чем вдруг ставшей явной в свете дня —
Я о той, что совершили в Буче
Путинская солдатня. ...

Час расплаты, конечно, настанет, —
Лучше раньше подумать о нём.
За бронёй можно скрыться, за сталью,
Но и сталь пробивают огнём. ...

Каждый день мечен бедами, Господи,
Облака на востоке, как дым —
То ли школа горит, то ли госпиталь,
То ли книги Сковороды...
(Виталий Амурский, Франция).

Мой дом плывёт вдали от ваших родин,
Не прикасаясь к вашим берегам
от верности отечествам свободен,
Любви к богам. ...

В однажды проклятой стране,
Где влаги не найдёшь,
Взрастили ложь на целине,
Развесистую ложь. ...

...

В мою нерусскую Америку
Прольётся музыка живая,
Когда народ другого берега
«Козацьку волю» заспіває.

(Наталья Резник, США).

В стихах Дмитрия Близнюка (Харьков), отсутствует рифма. Но это и не сразу замечаешь, благодаря содержанию и ритму. В разнообразии тем, труднее определить, о чём не размышляет поэт. Наверное, понятно, почему я остановилась на этих словах:

представь, что почувствуешь в этот день,
когда закончится война
и мы победим.
вот и живи этим чувством.
пропитайся им, как бензином.
иди к этому дню наперекор и вопреки.
свет свободных людей
обваливающегося тоннеля
войны.

(Дмитрий Близнюк, Украина).

когда с последним залпом хаймарса война завершится,
земля всё так же будет стоять на трёх ковбоях,
«танец маленьких лебедей» объявят в российской столице,
вместо байрактара в воздух поднимется мирный боинг
(Геннадий Кацов, США).

Времена года глазами, душой, но разве это не одно и то же,
убеждаешься в этом перечитывая стихи. Разные. Проникновен-
ные. О войне рядом. Нельзя ни смириться, ни привыкнуть!

...
В Октя... Ноя... Дека... Каком-то «...Ре»
Жаль: в гроб Войну, как Зиму, не положишь.
... февраль меня целует на заре,
Разъев двадцать четвёртой датой кожу...

...
Мы бежали вперёд. Обездоленно, стадно, отчаянно...
Где бездомны закаты, но небеса не кровят.
Кто-то вслед окрестил нас иудами и негодяями,
Только разве иуды мечтают вернуться назад?

...
Нам ад не страшен, мы уже в аду,
Казалось бы — полшага до могилы.
Ты выживи, и я к тебе приду —
С печалью вспоминать, как это было...
(Мила Машнова, Харьков, Украина).

С удовольствием повторяю, что в этом выпуске альманаха
есть немало интересных публикаций о просто о жизни и лите-
ратуре. Лейтмотив войны в Украине возвращает к реальности,
волнующей всех.

Интересны и информативны юбилейные публикации, интервью, очерки и воспоминания, In Memoriam. И поэтические переводы на русский язык соответствуют общей тональности.

Раиса Резник беседует с Игорем Михалевичем-Капланом. Естественно, что на неожиданные вопросы следуют интересные ответы. Например, «насколько важен для художника успех, ощущение себя любимцем, объектом похвал, восторга и восхищения?» Рассказы Игоря Михалевича-Каплана уже начинаются с его ответов — увлекательно!

О жанре интервью, об искусстве выбирать «самый точный (часто — “больной”) вопрос», пишет Евсей Цейтлин в статье о Белле Езерской (1929–2021): «...сам по себе жанр интервью кажется многим коллегам по литературному цеху легковесным, сиюминутным. Наивное представление...» (стр. 235–237). Не только, но и благодаря этому жанру, происходит соприкосновение с прошлым и настоящим, с тайнами, легендами, реальностью.

О том, что связь времён — не только красивая фраза, много примеров. Ощутимо и в следующем. В 1996 году состоялась беседа Ирины Тосунян с Надеждой Давыдовной Вольпиной (1900, Могилёв — 1998, Москва), переводчицей, поэтессой и возлюбленной Сергея Есенина. Читатель имеет возможность «увидеть» эту женщину, «услышать» голос, мнение об окружавших её Мандельштаме, Хлебникове, Маяковском, Пастернаке, Борисе Лапине. В альманахе опубликованы стихотворения её единственного сына — Александра Сергеевича Есенина-Вольпина (1924–2016, США), поэта, диссидента.

Печаль и искренность статей рубрики In Memoriam — познавательные истории жизни: Александра Немировского «Памяти Александра Амчиславского» (1958–2022), Дмитрия Бобышева о Майкле Ван Валлегене (1938–2022), Александра Баршая о Рине Левинзон (1939–2022).

Знаменитый одессит Валерий Хаит, капитан одесской команды КВН (1966–1971), главный редактор одесского юмористического журнала «Фонтан», пишет замечательные стихи («...стареют камни, звезды, города, / Стареют мысли. Впрочем, не всегда...»). Он предоставил альманаху подборку рассказов русскоязычной украинской писательницы Марианны Гончаровой. В течении двадцати лет Валерий Хаит был редактором её книг. Она умерла в сентябре 2022 года, ей не было 65-ти лет. Я повторю слова Хаита: « ...есть книги, читать которые интересно. А есть ещё другие книги. Читая их, плачешь. И не потому, что жалко кого-то, а вот вроде бы просто так. От пронзительной трогательности..., от перехватывающего дыхание восторга... Как будто падаешь в небо. И плачешь, не в силах выдержать столько эмоций одновременно...». Всё именно так я и ощутила, проплакала.

Волнующие рассказы, «другие», совсем небольшие миниатюры, связанные со временем, нашей памятью Елены Дубровиной (США), Ларисы Володимеровой (Голландия).

Восприятие эмоций субъективно. Стихотворение (по-моему) должно волновать. Холодный блеск, возможно, хорош для бриллиантов. Да и они подлежат оценке по цветам и преломлению света. Альманах «Связь времён» радуется содержанием и формой. Неисчерпаемый разговор о времени невозможен без слов.

...

Из слов сплетая сеть времён,
их корни живы и поныне,
пока мы видим чуждый сон
сквозь пелену закрытых век,
в долинах вавилонских рек,
в бескрайней гипсовой пустыне.

...

История есть мёртвая вода.
Там, где душа от слова отлетела,
уже не будет лучше никогда.
(Виктор Фет, США).

...

Слово стало источником боли.
И даже боль — точка раздора...
(Елена Биляк, США).

Ночные глазастые совы
навеяли сказку о том,
что в мире главенствует Слово,
вслепую шагая притом.

К такой эфемерной основе
прибиты, на том и стоим:
под небом господствует слово
(по-совьи — слепой пилигрим).
(Раиса Резник, США).

Обложка альманаха (художник Елена Гутман) в этот раз ещё лучше соответствует содержанию. Эмоционально насыщенные реальностью стихотворения, проза, интервью альманаха продолжают беседу с читателем.

Благодарю и поздравляю редактора, Раису Резник, всех участников!

Когда вокруг и прыг и скок,
и ложь, и смерть, хула,
когда ты сдачи дать не смог —
не мелочь, а кулак.

Когда вокруг и пьют, и лгут,
 и предают удар,
 когда дерьмо и там, и тут,
 ступать тогда куда?
 Но вот однажды вступишь в лес,
 в обычный, городской,
 и на тебя как дань с небес
 прощание с тоской.
 Встречай осенний кавардак —
 сегодня надо жить.
 А под дождём поёт чердак
 и вторят этажи,
 ты позабудь про ту страну,
 откуда убежал,
 и позабудь про ту войну,
 осколки где визжат.
 Пусть невозможно позабыть
 страдания и смерть,
 и просто хочется завять,
 услыша ложь и смех.
 Плевать! Октава октября
 под солнцем зазвенит.
 Тебя за пальцы теребят,
 и голос бьёт в зенит.
 И замыслы мои просты
 и помыслы чисты,
 и желтоклювые дрозды
 навстречу рвут кусты.

Между реальностью и сном
 ты пропадёшь, поэт...

Но стёкла рвутся, как весной,
 срывая шпингалет.
 (Владимир Батшеев, Германия).

Танго в Буче

Я видел танго в разрушенной Буче,
в том страшном апреле — без света, без смеха,
когда вечера холодны и тягучи,
и рвутся снаряды, и слышно их эхо.

Я видел, он к ней подошёл и молвил:
«Я паску привез, а что ещё надо?»
В ответ не сказала она ни слова —
не надо ей хлеба средь этого ада.

И он повторял, что поможет чем может:
возьми одеяла, вот чай из малины.
Она лишь пожала плечами: ну кто же
вернётся сюда, чтобы жить на руинах.

Она улыбнулась: «Смотри, на обломках
тут бегают две одичавшие кошки.
Я грею их ночью, и в этих потёмках
я с ними сама согреваюсь немножко...»

«Ну как мне рассеять твои печали?
Как мне разорвать этот сумрак колючий?..»
«Станцуй со мной танго под Bella Ciao,
станцуем здесь, в обесточенной Буче!»

(Влад Молодид, Киев.

Перевод с укр. Виты Штивельман, Канада).

Саша НЕМИРОВСКИЙ

* * *

Не говори мне ничего ни про слова,
ни про ветер,
который их разносит над пустыней.
Молчи. Сливай
воду на руки, бормочи молитву.
Но сперва,
оттереть
их от равнодушия до сини
попробуй.
Выросшие в сытости,
не понимают, ни битву,
ни разрушенную ей землю.
На взорванную утробу
жилья не глядят сквозь слёзы.
Приемлют
размытости
очертаний рытвин,
не ищут в них разбросанные
контуры тел.

Я там не был, но я там есть,
потому что у меня вот тут и вот тут болит.
В том месте — полость.
Удел,
в котором и живёт душа,
где она не молчит.

Когда монолит
мрака опять собой закрывает восток,
слова разума —
всё глуше.
Они — ветер над пустыней.
Не закапывай голову в песок.
Война
и твой висок
найдёт, и тогда равнодушие
уже стыда не имеет.

Эмиграция

Ну, перейдёшь Рубикон?
Вскарабкаешься по осыпающемуся в воду
крутому берегу,
встанешь, обернёшься — туман над рекой.
Над местностью,
где «не верь никому»
в самой земле выбито.
Кровит кожа в ссадинах,
сдвинута
перспектива взгляда.
Сызмальства
такой ли мерещилась тебе свобода?
С детского садика?
С пионер-отряда?
Вырвался.
Лишь цепь языка не отпускает.
За годы
истончилась с краю,

натянута к ужасу вящему
до предела, но держит.
По-прежнему не отодрать ржавчину
русской речи.
Так и кружить
по бесконечности с лаптями наперевес
через плечи.
Говорить на чёрством языке
всячину.
Писать непрочитанное,
выискивать смысл в строке
тот, что слов между.
Зато, нарочито,
не выказывать интерес
ко лжи.
Зато не жить
надеждой.

Каховка

Я бы лучше писал, я бы философствовал:
как время берет своё,
как мудрость золотит душу.
Как шпана, что посвистом
разговаривала во дворе,
выросла и теперь музыку слушает.
Как гнильё
событий, каким я, постарев,
был свидетель,
определило историю,
отменив по дороге память.
Но я могу лишь о войне.

Об украденных детях,
и как в одном поколении уже ничего не исправить.

Извне

потопа жилища видны, как камни.

Переступая по крышам
можно добраться до́суха.

Плохо

лишь, что взгляд, поднимаясь выше,
над зданиями,
не находит рамки
у этой картины. А моя задержка дыхания
не находит вдоха.

Обезьянка, наверное, билась в прутья
клетки, когда тонула.

А слон кричал, вытягивая дуло
хобота выше, выше.

Зоопарк не минула
судьба подводной лодки.

Ту не подняли, чтоб утопить орудья,
а здесь — животные людям
оказались лишние.

Армия ли не выпустила,
или как это было,
что тех, за кого в ответе,
не спасли, хотя и хватало времени?

Пленных жителей предали смерти,
обрекли на корм рыбам.

Сволочной режим гнилой империи
всегда убивает детей, зверей и своих рабов
в преддверии
краха, перед остановкой пульса.

Спасайся, кто может. Живи, плыви!
Пока густ
предрассветной тьмы покров,
я бы хотел о любви,
но получилось лишь об её отсутствии.

Празднуя труса, переключая новости,
но уже обожжены глаза,
и крепость памяти
не выпускает боль.
В грудной полости
есть только ненависть.
Её не вылечить, а лишь беречь да ранить.
Вода, терзая,
отступает, оставляя соль.
11 июня 2023

Ильдар АХМЕТСАФИН

* * *

Май —
Шкет патлатый,
Весельчак.
С щеглом в душе,
Лучом веснушки.
Буксует солнце в облаках,
А у него —
Вся жизнь на мушке!

По тротуару,
По тропе —
К мечтам да крашеным девчатам —
Несёт-несёт его мопед!
Дымит сирень
И одуванчик.

* * *

На сотни вёрст — глухая осень
Помедли, чтоб не заблудиться!
Пусть всё куда-то там уносит,
А этот полдень будет длиться.

Здесь — в тишине — свисток синицы
Звенит, что с паутинки блёстка!
И в солнце-зеркало глядится
Так похудевшая берёзка...

* * *

Как мучает и мнёт, и давит осень.
Казалось бы — и солнце, что оса
Ползущая, и дуб на фоне сосен,
И белочка с улыбкою хвоста!
А вот чего-то будто не хватает.
И сказано не всё, и нечего сказать.

* * *

Вечером ранним
Осени поздней —
Будто на грани —
Странно. Тревожно.

Ржавчиной сосен,
Солнцем над пашней
Завтрашний отсвет
Или вчерашний?

* * *

...снег выпадет.
Галки с перепугу
Сорвутся,
Закрутят такое сальто —
Над пустырём,
Точно чёрная вьюга!

...выпадет
Душу растравит.
Расправит.

* * *

Я помню, бабушка молилась,
Шептала всё беззубым ртом,
Чтоб нам добра на жизнь хватило,
Хватило счастья на потом!

Они защитным слоем влиты,
Как в панцирь, в радуги дугу...
И до сих пор её молитвы
Меня от худа берегут!

* * *

Какие стали беззащитны
Фигурки наших старичков!
Морщинки мелко-мелко вышиты,
И долгий взгляд из-под очков.

Как поглядишь со стороны —
Невольно их припомнишь прежними!
Красивых, крепких, озорных
В далёкую эпоху Брежнева.

* * *

С тоскою тоньше волоска,
Тобою вложенной в грудь эту,
Я снова коротаю лето
В гремучем золоте песка.

О, как мне дорог каждый шорох
Твоей узорчатой подошвы,
Соломенного солнца ворох,
Зажжённый, словно понарошку.

По камышовым берегам —
Чаруют запахи кувшинок.
Любовь к Тебе, как бумеранг.
Я — пластилин Твой и суглинок.

И чайки брошенная тень
Мне шею, руки, ноги, пятки
Щекочет вот который день
Твоею пулькой из рогатки.

Меж оловянных облаков,
Когда уже повечереет,
Твой, Боже, вижу локоток,
Жуя горчиночку пырея.

Инна РЫВКИНА

Королевство кривых зеркал

Вы видите очертания
королевства кривых зеркал?
Там правда — всегда в заклании,
на виду только лжи оскал...

Там зло развернуло крылья,
крича на лету: «Я — добро!»
Рёв бомб несёт эскадрилья,
а ящик твердит свой вздор...

Привык в кривом королевстве —
с рожденья внушает лишь ложь,
И верят: враньё — уместно,
кто друг, а кто враг — не поймёшь...

Детей собрали под флаги,
кричат: «Мы за мир! Мы за мир!»
И в мир посылают «Грады»,
и чей на убийце мундир?..

Ревёт стадион в экстазе,
полощутся три полосы...
И взгляды все пустоглазы,
и в зеркале нет войны...
20 марта 2022

В окне самолёта

В окне самолёта — земные морщины,
Топорщат хребты свои гривы-седины,
И горы, как волны, застывшие в камне,
Лишь дымкой закрыт горизонт первозданный...

Огромна земля, не скупится на краски,
Раскрашена щедро, как детская сказка...
Не видно изъянов с такой верхотуры, —
Рисуй безупречную эту натуру...

Изгиб побережья, оттенки морские
От нежной лазури до сумрачной сини,
Вкрапления белые парусных лодок,
И резвые шлейфы от юрких моторок...

Машинки и домики, красные крыши,
И люди живут в тишине и престиже,
Здесь боги играют в весёлые игры,
Попутного ветра включая регистры.

И полнится парус, тугой и надёжный,
И всё, что захочется, станет возможным...
Ни войн, ни тревог нету в сердце до донца,
Такое бывает, взгляни за оконце!

Гляжу я на землю, и небо, и море —
Зачем гибнут люди, зачем столько горя...
И сказка была б на земле не напрасно, —
Простор и свобода! И я к ним причастна...

Но вот подлетаем, земля наплывает...
Секунда! — и сказка, увы, ускользает...
17 июля 2023

Сочетание

Наташе Золотовой

Как сочетать в душе — несочетаемое...
Как проживать душой — непринимаемое...

Летят ракеты, сея чёрный страх и смерть...
Цветут каштаны, чтобы сердце обогреть...
А человек — с одной душой, всего одной!
Как уместить в неё всю жизнь — со всей войной...

Приветить сердцем мимолётную красу,
Взрастить строку, как виноградную лозу,
Запомнить радость, отложив всё на потом,
И слышать вой сирен за сумрачным окном...
6 июня 2023

Я проснусь...

Я проснусь на рассвете спустя много вёсен и лет,
Облегчённо воскликну: «О Боже, о Боже всевышний!
Мне сегодня приснилась война, но ведь слóва-то нет!
Нету войн! Отчего промелькнул этот сон, словно вспышка?»

Только это случится, конечно, уже не со мной,
Это будет другой человек, из прекрасной эпохи...
Удивится, подумает: «Что-то не то с головой...
На Меркурий слетаю, устал от земной суматохи..»

А душа будет помнить и будет сигнал посылать,
И останется в генах ничем не стираемый ужас...
Не исчезнет бесследно трагедии прошлой печать,
Отголосками дальними в памяти чьей-то волнуясь...
21 ноября 2022

Давид СЕГЛЕВИЧ

* * *

Я помню их ещё детьми,
Я с ними бегал во дворах.
Я помню их ещё людьми
С огнем божественным в глазах.

Галдя на общем языке,
В Москве, Саратове, Перми,
Шагали мы рука в руке...
Я помню их ещё людьми.

Как изменился облик их
За эти три десятка лет!
Былых приятелей моих
Уже давно в помине нет.

Огонь божественный погас,
Их странный вид мне чужд и дик.
Нет больше губ, нет больше глаз,
Мне непонятен их язык.

Но я же помню их людьми!
Что там случилось, черт возьми?
июнь 2023

Скалистые горы

Дождь сочится на мокрые горы,
На зелёные клочья лугов,
Постепенно смывая узоры
До июля лежащих снегов.

Монолитны, как символы веры,
Нарядились вершины на бал.
Неужели мои Кордильеры
Отрицают мой древний Урал?

Эти горы не требуют визу,
Я приехал сюда, как домой.
Как родных, их приветствую снизу...
А Урал... Он давно уж не мой.

Там живет непонятное племя
Между ветхими пилами гор.
Хорошо поработало время
И воздвигло меж нами забор.

Незнакомы и речи, и лица,
А что было, то было давно.
Что за этим забором творится,
Мне, пожалуй, уже всё равно.
июнь 2016, Банф — Джаспер

Школьным друзьям

*Есть одно общее свойство,
которое превращает население
России в некое целое.
Это свойство — антисемитизм.*

Юрий Нагибин

Привет вам, школьные друзья!
Как наши чувства были слиты!
Вы не такие. Нет, нельзя
Вас записать в антисемиты.

Прошло уже полсотни лет,
А мы почти не изменились...
Услышав подленький навет,
Вы неподдельно изумились
Тому, что стал я недалёк
И что веду себя прескверно:
— Наш старый друг! Да как он мог?
Что ж, объевреился, наверно...

Ещё дружок ко мне приник,
Над цепью лет душою рея:
— Да ты же не еврей, старик!
Ты не походишь на еврея!

Русак неголубых кровей
В трясине русского болота
Простой ярлык «Он не еврей»
Мне нацепил как знак почёта.
2013

Из цикла «Перекличка»

*Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять...*
Осип Мандельштам

Глагольны рифмы, что ни говори,
Да вроде бы и мысли неглубоки,
А я переживаю, как свои,
Сто лет назад написанные строки.

Банальных истин сроду бы не знать,
Любить конфеты и ложиться в девять,
И ностальгическую грусть в душе лелеять,
И что-то очень детское читать...
2004

Андрей КОСТЮЧЕНКО

* * *

И по следам предъявленной хулы
Идёшь, не поднимая головы
Своим ли, строевым ли шагом...

И обращённые к тебе стволы
Деревьев, словно мудрые волхвы,
Не заставляют принимать присягу.

Как ветреный безумный либерал,
Ты на дороге той, что выбирал
Не сам и не придирчивой душою,

Где линии судьбы или плеча
В любви, что неизбежно горяча,
Стираются, и раны долго ноют.

Ответь же на поставленный вопрос:
Зачем и что ты в этот мир принёс?
И был ли хоть кому-то где-то нужен?

Сними очки, всю раскрой глаза:
Ты видишь — надвигается гроза
И гром гремит: жена готовит ужин!

18 июля 2023

* * *

Научись смотреть в темноту, замедляя шаг,
Научись нырять в глубину, и не сгоряча
Загляни в лицо и пойми, это друг или враг,
Научись не ныть, не ждать, не рубить с плеча.

Научись под звёздами в поле найти одну,
Ту, что светит ярче других и рядом лежит.
Научись, не вдаваясь в подробности, ждать весну,
На асфальте цветным мелком рисовать миражи.
22 декабря 2022

* * *

Дай знать, что ты меня любишь или не дай,
В том доме, куда идёт полночь или беда,
В том городе, где не осталось земных оков,
Где я улыбнусь при встрече — и был таков.

Дай знать, что любить согласна меня всегда,
Хотя не приходишь вовремя никуда...
И если я встречусь не в этой жизни, а в той,
Не вздумай забыть заплатить за любви простой.

На стыке твоих желаний, моих потерь
Держи для меня всегда потайную дверь,
На поле моих желаний, твоих страстей
Ложатся козырные карты любых мастей.

А в городе пахнет дымом и суетой,
Дай знать, что ты меня любишь и крикни «Стой!»
И сделай мне шаг навстречу, пока живой.
Но слышится звук сирены, сирены вой...
12–14 августа 2022

* * *

Ложка в моём стакане
уходит на глубину,
Пробуя перемешать
остатки той сладкой жизни,
Где никаких намёков
не было на войну,
Где найти своё место
мог ты в любой отчизне.

Ложка в моём стакане
сделана из серебра,
Из серебра подстаканник
в старом, как мир, вагоне.
Тихо стучат колёса,
слабо мерцает бра,
И чужая любовь
ждёт тебя на чужом перроне.
9 января 2021

* * *

На расстоянии вытянутой руки
Сидит любимая девушка.
Море серебрится
От её взгляда.
И, кажется, нет
Никого рядом
На расстоянии вытянутой руки.

На расстоянии вытянутой руки
Падает человек,
Нарушая порядок.
Но снова нет
Никого рядом
На расстоянии вытянутой руки.

На расстоянии вытянутой руки
Плачет женщина.
Одиночество съедает её
Изнутри.
И это тоже происходит
На расстоянии вытянутой руки.

На расстоянии вытянутой руки
Пролетает синица,
Ей на ладони моей
Не сидится.
Вот она мне и снится
На расстоянии вытянутой руки.

На расстоянии вытянутой руки
Я вдруг взлетаю
И пропадаю.
Удираю от вашей унылой тоски,
Но всё равно оставаясь
На расстоянии вытянутой руки.
август 1988

Андрей ГУЩИН

РОЖОШКЕРТ
(Отрывок из поэмы)

Глаза закрою — вертолёт,
И выпитого не исправить.
И чёрной немочью киота
Уже икону не оправить.
Свеча пасхальная сторела,
До тла, до пепла сероглазого.
Мольбы цветные ставлю в вазу —
Так Богородица велела.

Рассвет одобрен пустельгой,
Над величавыми Помпеями
Везувий высится нагой,
Как русский варвар над ромеями.
Брожу по выцветшим долам —
Неопалимая идиллия!
К жилью тропинка привела —
Патрицианской сонной вилле...

На электрической триере
Я плыл в святую Гераклею,
Но карты мира врут без меры,
Печальны тёмные аллеи.
А Бунин цену знал напастям,
Когда сходил на берег дикий,
Где Пастернаком сладострастным
Смотрел Орфей на Эвридику.

На Ганимед посмотришь всеу:
Что египтяне находили
В колоссах кислых Рапануи,
А мы в синапе и кандили?
Они повывелись изрядно,
И убыль редкостной породе.
Овидием сижу на грядке,
Горацием на огороде.

Бряцающий кимвал заутрени,
Монахи стали по порядку,
Как кабачки на летней грядке,
И говорят псалмы заученно.
Мерцают синие лампы,
И каплет сок свечей тягучий.
Ни утешенья, ни награды,
Лишь дальний свет звезды падучей.

Термальная вода кипит,
Железный чайник Бог поставил,
Говерла спит, как замполит,
И заросла не по уставу.
Клубятся тучи, ходят низко
Над рощами и перелесками.
Стоят смереки обелисками
Над мерседесами немецкими.

Рассвет над Верке. Ходят низко,
Как табуны, большие тучи.
Спускает менеджер получку
На молодую одалиску.
Она подвесками из олова
Звенит, монисто потрясает.
А солнце миро льёт на головы
И отирает волосами.

На Контрактовой без контрактов,
И на Почтовой нет почтампта.
Одни лабазы с провиантом,
Аргументация без фактов.
Я там живал, пивал, едал,
Но, не нашед успокоенья,
Бывал таков, таков бывал
Без грусть-тоски, без сожаленья.

Тёплый вечер, середка лета,
Лунный свет проникает в душу.
А соседка — того, с приветом,
Герметичность портьер нарушена.
Но затмение тут не главное,
Сумасшествие тоже мнимое.
А любовь твоя и подавно —
С лунным светом вполне сравнима.

Ветерок бежит за дамбу,
За лимонные лиманы,
Руки в рваные карманы,
Боги любят дифирамбы,
Лес заладил аллилуйю,
Все цветы и пчелы в сборе,
Парус реет на просторе,
Гром гремит напропалую.

Боги любят фимиамы,
Белые цветы, пеаны,
Рокот лиры, звон фиалов,
Разговор про идеалы.
Фукуяма смело спорит
С Геродотом об истории:
Росказни, а не рассказы,
Повторенья, плеоназмы...

Плакучих ив дрожащий голос,
Как будто зорьку мавка кличет,
И сыч кричит и ветер зычит,
И лес торчит седой, как волос.
Чернобыльские дали розовы,
Ветвисты, как рога олени.
Сюда Аввакумы, Морозовы
Ссылаемы на поселенье.

У реки видок неважный,
Облака — большие дети.
Рожошкерт босой и влажный,
Пляжники попались в сети.
Проклинают всё на свете
Злые автомобилисты.
И барахтается ветер
В косах ивовых расхристанных.

Десад осыпает нас сливами синими
Под музыку Моцарта или Россини.
Закат напоздаёт, свинцов и кудлат,
И яблоки падают музыке в такт.
И время, как слесарь, уходит в запой.
(Раздавлены сливы тяжёлой стопой),
И льётся в низины дешёвая бражка.
И рвётся на пузе у лета тельняшка.

Детсад цветущий, море мошкары,
И горе путнику, забредшему в бурьяны.
Игра по-крупному, но правила игры
Не помнят ни крупье, ни полупьяный
Матрос. Его баркас давно ушёл,
А он остался в розовых притонах
Пить горькую. Он прикипел душой
К кривоколенным улочкам зелёным.

К кривоколенным улочкам зелёным
Он прикипел. Никто не отдерёт.
И запахи советского вагона
Преследуют его который год.
Который год ему уже за сорок,
Но это ничего, переживёт.
Ведь Покрова — небесный светлый полог
Над Рожошкертом тайно распростёрт.

Эдельвейс — цветок холодный,
Рожошкерт и кот голодный.
Я, как этот кот, удачлив,
Тушь течёт, и туча плачет.
Сок прольётся, сок небесный.
Манна горняя святая
Упадёт, как снег, на место.
Упадёт, но не растает.

Останься там, где золото полей,
Где золото земли под каблуками.
Царица нив и сонных журавлей
Тебя обнимет белыми руками.
И, как лоза, стремящаяся ввысь,
Ты вырастешь из старого пальтишка —
Из прежней жизни. Что такое жизнь,
Как не прочитанная в детстве книжка?
2023

Анна ГАЛЬБЕРШТАДТ

Такая история

Обычное необычное историческое время
корабль кренится
или вовсе идёт ко дну.
Такое уже было.
В доме моего прадеда в Вильно
в Первую Мировую стояли немецкие офицеры.
На старой фотографии
присланной одноклассницей
на пятиэтажном здании на Кальварийской
вывеска — Офицерский клуб Halberstadt.
По словам бабушки,
которой я не знала,
немецкие офицеры тогда
вели себя очень цивилизованно.
Брат деда, инженер, жил в Германии
и был женат на немке.
Они нередко гостили у литовских родственников.
А потом немецкие офицеры
и некоторые местные жители
перестали себя вести цивилизованно.
И в 41-м бабушку, её мать, и старшего сына
убили в Каунасе.
Во время Второй Мировой войны
которую отец провёл на фронте
ему повезло.
Он был ранен дважды
но выжил.

Когда в шестьдесят семь у него
 стало останавливаться сердце
 и он лежал в ожидании операции
 в госпитале Астория Дженерал^{*}
 с пульсом в двадцать ударов в минуту
 что не очень совместимо с жизнью
 а машина с пейсмейкером^{**} застряла
 в снежном буране
 отец сказал мне: «Мои родители оба
 погибли в пятьдесят семь. Чем же я лучше?»
 Вот и сейчас, когда, казалось
 бы, пандемия и стала тем испытанием
 которое выпало на нашу долю
 оказалось, что нам придётся увидеть
 кадры такой разрухи в Европе
 остатки которой мне пришлось увидеть в детстве.
 В старом городе Вильнюса
 где я выросла
 ещё десятилетиями после войны
 стояли развалины домов
 стены без окон.
 Одна из них обрушилась через мгновения
 после того, как мы с папой
 зашли в книжный магазин напротив
 на узкой улочке
 и свет померк в середине дня.
 И вот снова — беженцы бегут из Украины,
 едут, идут пешком
 кричат, закрывают голову и детей руками,
 молят бога, проклиная тех,
 кто это придумал.

^{*} Астория Дженерал — медицинское учреждение в Нью-Йорке.

^{**} Пейсмейкер — электрокардиостимулятор (англ. pacemaker).

Тех, кто, казалось, вёл себя цивилизованно.
А потом перестал.
18 марта 2022

* * *

На украинском слово война — війна
женского рода
и даже звучит нежно.
На литовском война — karas
воевать — kariauti
слово мужского рода
резкое
как карр вороний
как певичгоге
Рояль, в который попала ракета в Одессе
на нём Франц Лист
там играл концерты
наверное, тоже издал страшный
предсмертный аккорд
перед тем, как совсем замолк.
24 июля 2023

* * *

Война сделала что-то с памятью
расколола прошлое надвое.
Обесценила довоенные переживания
всё, что было важным или интересным
даже забавным
стало каким-то неактуальным,
пока насилуют, пытаются и убивают.
Скорее — второстепенным, как будто
тебе ведро на голову надели.

Влад ТОЛМАЧЁВ

* * *

Я гуляю с собакой, и вдруг поводок невесом.
Мы шагаем и дышим, и смотрим вокруг в унисон.

Сторонится машин она и не рычит на других,
И не роется в мокром и в слипшихся листьях гнилых.

Ноль внимания на белок, обходит засохший помёт.
Я её похвалю, но она ничего не поймёт.

Мне сегодня особенно как-то светло и легко.
В синей кринке рассвета блестит облаков молоко.

Не гоняюсь за глупостью и не бросаюсь на мир.
Не копаюсь в грязи я и не притираюсь до дыр.

Я одно с моим Господом, и никому невдомёк:
Бесконечен и лёгок сегодня его поводок.

Похвали же меня — я, наверное, что-то пойму.
Ты единственный знаешь, как страшно парить одному.

Метро

...покой и воля.

А. С. Пушкин

Снег — перья подушки.
Сны — роза ветров.
В руках у старушки
В далёком метро.

Потрескались губы,
Разбита слеза.
Голубят и губят
Стальные глаза.

Шипы прикрывая
Шершавым платком.
Шутя называет
Своим стариком.

На станциях воют,
Но лёгкой рукой
Она дарит волю,
Приносит покой.

Оттают ресницы.
Я клеть отворю
И красною птицей
Подброшу зарю.

Искрится пороша
В полозьях метро.
Я выроню ношу.
Поймаю перо.

Толедо

В Толедо, в Толедо
Дожди — арбалеты.
Китайский дракон,
И автобусов ленты.

На улице Леви
Рассыпана манна.
Бульжники мягкие,
Как марципаны.

Щербатые площади,
Речь без разбора.
Корнями мечети,
Стволами соборы.

Дракона прикрыто
Мобильное веко,
И есть пять минут,
И постигнут Эль Греко.

Толедо, Толедо.
Дожить бы до лета.
Кичовый закат,
Безмятежность рассвета.

Тушить ветром свечи,
Ложиться спать рано,
Лизать твои плечи
Из марципана.

* * *

Надежда, ты пока ещё жива.
Проснувшись под простреленным забором
Ты мчишь по тёмным узким коридорам,
Расплёскивая стёртые слова.

Ты уzkользаешь из ненужных рук,
Из Марианской впадины альбома.
Улыбкою до боли незнакомой,
Везением наметившимся вдруг.

Я не могу повесить зеркала
Пока в них отражение печали.
Пока твои виски не отстучали
Осколками забытого тепла.

* * *

Караваджо ссорится с хозяйкой —
Он с утра завешивает окна
И рисует Деву и младенца
С куртизанки и её ребёнка.

Караваджо надоед хозяйке —
Он в стене проделывает дыры.
Ему нужен необычный ракурс
Света для полотен совершенных.

Мне не покровительствует Папа,
Не убить двух джентльменов в драке,
Не скрываться в солнечном Палермо.
С куртизанкой не прижить ребёнка.

Я с утра завешиваю окна
И в стене проделываю дыры,
И кривые вывожу полотна,
И перечу пристальной хозяйке.

Мартин МЕЛОДЬЕВ

Украденный дед

1.

Украина, год 1902-й,
между англо-бурской и русско-японской войной.
По центральной улице Кременца
заблудилась и спит овца.

Этот город, горой прикрывавший грудь —
побратим Сан-Марино; один из двух,
завернувший монголам оглобли вспять,
не мешающий овцам спать.

Царство вскорости рухнет, ну а пока
в церкви сорок второго Якутского, брат, полка —
офицерно. У дамы в руках букет,
и в крестильной купели — дед.

2.

Господин подпоручик из юнкеров,
молодецкая кость, голубая кровь,
выходящий в отставку, сложив добро,
у Еврейского кладбища ходит-бро...

Делать в городе нечего все равно:
бывший польский лицей под замком давно,
магдебургское право легло на дно,
от насельников Лавры в глазах темно.

...Продолжительно смотрит на письма
подпоручик, рвя барбарис.
Тут же сын его, дед Борис,
совершенно не в курсе отцовских тягот,
колушается в красных гирляндах ягод.

3.

Хорошо и Бердянской бредя косой,
наблюдать над лиманом встающий свет:
вечерами — арбуз, по утрам — рассол...
Императорских корпусов кадет,
это кто в гимнастерке, один как перст,
называется военспец?

Сквозь решётки акаций, как будто знал,
что другие решётки за ним придут —
«Дон Сезар, — говорите вы, — де Базан»,
с Маританой гулять идут.
...Огоньками буксиров сигналит рейд,
ночь сомнительна и нежна.
Моей бабке Марии семнадцать лет...
Ну какого им всем рожна?!

«Ау!» — зову деда. Но деда нет.
Потому, украденный дед.
2013

Ночной концерт

Казалось бы, художнический долг
запечатлеть страну, в которой даже
тамбовский волк без мафии не волк,
а моська в светло-сером экипаже.

Армейские казармы, КПЗ,
канарский рай, турецкий марш гетеры.
Казалось бы, ну что они тебе,
этюды на лирические темы?

*«Когда в кругу убийственных забот
нам всё мерзит — и жизнь, как камней груда,
лежит на нас, — вдруг, знает Бог откуда,
нам на душу отрадное дохнёт...»*

(Тютчев)

Сыграй мне, дождь! серебряный тапёр,
аккордов ряд, разбитых и неточных,
на потемневшем пластике лотков:
табачных, винно-водочных;
цветочных.

Сыграй мне дом,
где вырос я и где
накрыт сегодня, как во время оно,
стол, за которым все мои друзья;
цейлонский чай и золото лимона...
О дождь! Я не хочу быть остряком.
Ни сочинять «персидские» мотивы.
...Сыграй мне в одиночестве квартиры
этюд на тему «Осень на Морском».

Её лицо смотрело, как Луна
на Млечный Путь, а ночь была темна,
и это было так непоправимо:
...марина... это было так давно.

Двным-давно, и станции той нет.
План Гоэлро провален, и в Кашире,
когда-то наша, — молодость в эфире
витает, не попав на Интернет,
над городком, где к шапочкам-шарфам
идут:
берёз коричневые листья,
стеклянных сосен дымные соцветья
и чуть морозом тронутый шафран...

Я к Вам пишу... Вдали араукария
гоняет над газоном мошкару,
крутя ветвями, как початок догов
размахивать бы мог, когда бы мог он
размахивать хвостами на ветру.

Чего же боле... Парадокс секвой:
могучий ствол и женственная крона,
нависшая над самою кормой
недавно арендованного дома,
как макраме. Когда бы дом был мой,
я указал бы также номер дома.

Кому повем? Сын герцога в тюрьме.
Ему там дали чашку, ложку, кружку
и адвоката. Лучше б дали мне:
по крайней мере, выпили б кларету.
Мой генерал! Как не тужить корнету?
Барух-ата, ...налейте водки мне.

1998

Дмитрий ГАРАНИН

* * *

Когда почти один народ
Восстанет на почти что брата
Сольются в смертный хоровод
Мордва гуцулы и буряты

Когда покроет едкий чад
Почти шестую долю света
И будет целить в брата брат
Швыряя бомбы и ракеты

Увидим снова наяву
Кого-то русский рубит режет
Чтоб оставалась на плаву
Его страна идя на стрежень

И отдадим себе отчёт
Как в страшном сне в поту холодном
Поймём откуда всё течёт
Где набиралось год от года

Где долго зрел фатальный план
Где было принято решение
Где форму приобрёл дурман
И дьявол выбрался из тени

Всё то гнездилось в голове
Того кто всю заполнил сцену
Чтоб быть навечно во главе
Кто переизбран стопроцентно
18 февраля 2022

Слушай поэтов!

Издали волны цунами плотные
не видны,
но по инстинкту бегут животные
от воды.

И не предвидеть землетрясения
нам никак,
только разбудит в кромешной темени
вой собак.

Пусть рубиконы пока не пройдены,
мир в окне,
если поэты поют о Родине —
быть войне!
21 апреля 2022

* * *

Хорошо родиться после большой войны,
когда спят в тени истощённые силы зла,
и прожить, не зная принуждения и вины,
наслаждаясь тем, что победа всем принесла,

строить жизнь на просторе, что освобождён
от препятствий, снесённых большой волной,
Убедиться, что плод выращенный — не сон.
Обозреть города, восставшие за тобой...

Мы затишья избранные сыны —
в громовой сонате вторая треть.
Хорошо родиться после большой войны
и не спеша до следующей умереть.
21 января 2023

* * *

Одержимых культом смерти людей заберёт Аид.
Их сыновей перетрёт в порошок война.
О глупцах, принесённых в жертву, сердце не заболит.
Что поверили в ересь — в этом лишь их вина.

Мёртвой хватке привычной настанет тогда конец,
что веками давила с престольной твердыни вниз.
И в возможностей окна, как в море, нырнёт ловец.
Поколение взойдёт незапятнанных, свежих лиц.

На осколках империи, каждой из этих земель,
зародится необщее, вымахает своё.
Каждый сможет хозяином стать, лишь в себя поверь,
на свободе от центра наладить своё житьё.
6 марта 2023

* * *

Хорошие русские стучатся с подводной лодки
Те которые не успели на берег сбежать
С вязнувшей в иле глубинном атомоходки
С нижнего её тюремного этажа

А государства моря озабоченно наблюдают
Опасаются что ядеркой напоследок пальнут
Пробивая дно по дороге неверной к раю
Чтобы сдохли все кто подарков их не берут

И ни стуков уже не слышать ни моторного гула
Позатихли спецы кто смотрел на планету в визир
По каналам доносят спецслужбы она утонула
Но пока всё не может вздохнуть с облегчением мир
22 июня 2023

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

Freedom Train*

По полям и лесам,
 в горах,
 на зелёный свет
паровоз летит на парах, —
 пух-пух-пух,
 пах-пах-пах;
и гудок висит в небесах, —
 ух-ух-ух,
 ах-ах-ах;
и колеса о рельсы стучат —
 чух-чух-чух,
 тах-та-тах.

А на красный свет
ловят чёрных ребят из окрест.
У тамтама тревожный звук, —
это негры на Север
 держат свой путь.

* «Поезд свободы» (Freedom Train) — метафора в американском фольклоре, относящаяся к так называемой «Подземной железной дороге» (The Underground Railroad). На самом деле это была не железная дорога, а нелегальная система, разработанная abolitionистами для помощи рабам, бежавшим с Юга на Север Соединённых Штатов и в Канаду.

На плантациях тяжкий труд,
днём и ночью невольников псы стерегут.
А вокруг лишь беда да испуг, —
держит в страхе рабов белый Юг:
 на рынке мускулам нет цены,
 зубы проданы тоже,
 вместе с чёрной кожей.

Но вот,
 вдалеке,
 чёрный дым из трубы,
как индейский сигнал
 с высокой горы —
от хозяев бегут бунтари.

Зов свободы издалека:
 да-да-да,
 ту-ту-ту,
 да-да-да,
 чу-чу-чу.

И летят мечты
 в северные края,
чтобы их не догнала злая рука.
Слышите, звуки песни издалека?

Это голос неба: «Аф-ри-ка!»,
Это голос джунглей: «Аф-ри-ка!»,
Это голос мамы: «Где сынок мой, маленький?»

Вспоминают негры
 зелёную страну:
меж холмами реки медленно текут,
где озера синими глазами жгут,
где в саванне звери дикие живут.

Там, где тени прошлого —
 чёрная земля,
за свободу молятся,
 будто ждут дождя,
на просторы просятся
 воля и судьба.

Это голос родины: «Аф-ри-ка!»,
 Это голос джунглей: «Помни нас, оставленных!»,
 Это голос мамы: «Спи, детёныш, маленький».

Помни слово: «Аф-
ри-
ка!», —
Это вечных странствий песня,
если ты не стал невольником судьбы.

Музыка в Нью-Йорке

Музыка рождалась в лёгких города
и дышала кислородом звуков улиц:
проносились мимо голоса прохожих,
шаркали автобусы на перекрёстках,
баритоном горло полоскал фонтан.
На высотном доме в нотном баре
было свито музыкальное гнездо.
Там, под крышей, разыгралась драма
вентилятора на потолке стеклянном.
Вертолётными вибрируя винтами,
он хотел закинуть в небо с фонарями
светомузык лётных бешеную стаю.

Движения колеблющихся звуков
по белым стенам каплями стекали
на музыкальный ключ экрана,
где дирижировал маэстро.
Седые инструменты ожидали
мелодию на оркестровой сцене,
ловили взглядом руки дирижёра,
в полёте чувства соло исполняли.

Странно выглядел музыкант —
будто лунатик на смычковом канате,
обходил стулья и столики,
выпрашивая повышенное внимание,
как салат или бутылку пива
на жертвенное заклание.
Впрочем, здесь было столько дыма
и сигареты светились, как фары машины.
А огромные кружки
на подносе у рослого официанта
постукивали в такт переливающейся пене,
гранёными боками барабана.

Официант знал своё дело —
он был в красном берете,
и каблуки на полу
продолжали мелодию,
которая нужна была барабану.
Но мешала мелочь и ключи в его карманах,
и этим воспользовался саксофон,
создавая ещё один фон
под бормотание подвыпившего клиента,
чтобы вступила флейта.

За столиком одиноко сидела дама
с золотыми длинными волосами,
в жёлтой соломенной шляпке.
С трудом и грустью
отпускает день,
прощаясь с ним вечерне,
и принимает ночь
на долгий разговор о том,
что кажется извечным:
о тени за стеклом
и запоздалой встрече.
Ей не забыть мелодию на флейте.
Не мысль её томит, не жажда откровенья,
а тайное желание покоя.
Придут и сядут в полукруг
друзья её неверной юности —
счастливые и ветреные годы.

Флейта уступила место скрипке
с зелёных холмов Украины,
песням про диких гусей в чистом поле,
скорбным плачам на казацких могилах,
причитаниям слепых бандуристов
в белых расшитых рубашках
на пыльных дорогах с поводьями.

Пела красная скрипка
о горах, знакомых до боли,
о нарастанье любовной тревоги.
Путь-тропинка бежит по селу.
Полонины ревниво ждут тёплого вечера,
словно объятья любовники.
По долине в тумане плетутся домишки,
плывут над садами деревянные крыши,
пахнет дымом, дождём, камышом.

Зажигает маэстро звуки рояля,
 пальцы ткнут мелодий канву,
 и выходит чёрный певец
 с белозубой улыбкой джаза.
 Под голос его гортанный —
 хриплый и с дерзким надрывом —
 раскачиваются тамтамы:
 сначала из африканского далёка,
 а потом уже здешним эскизом сизым.
 Всё в движении:
 бег диких зверей под вой саксофона
 и мягкая поступь охотника из-под валторны,
 холмы джазовых джунглей,
 и озера, как барабаны,
 на полотне которых
 играют клювами пеликаны.
 Ритуальные танцы масок,
 почитание зова предков,
 нехитрые сельские праздники,
 посвящение в мужчин или женщин,
 пляски с мольбами об урожае,
 пляски с мольбами, дождю угождая,
 пляски с мольбами, как детей рожая, —
 о любви, о еде, о доме.

Женщина в жёлтой шляпке
 и с рюмкой вина за столиком
 хлопала в золотые ладошки
 чёрному джазовому певцу.

В тёмном углу за столиком
 женщина в жёлтой шляпке,
 сложив ладони корабликом,
 станет странствовать в шлюпке.

Сто тысяч нот, как волны океана,
подвластны паруснику в голубом,
цвета стихий — воды и неба.
Там тени всех, уплывших в никуда,
отверженных землёй — полузабытых душ.
В маленькой церкви на её родине играл орган.
В маленькой церкви на её родине играл органист.
В маленькой церкви на её родине играли гимны.
В нищих кварталах европейских столиц
музыканты играют с вдохновенными лицами:
в парижском метро — гитарист,
на римской площади — саксофонист,
в лондонском сквере — скрипач.
Музыка живёт в городах детства,
и люди подчиняются её капризам.
Она стучит дождями в карнизы,
ездит, как беспечная гонщица,
на красных сидениях автомобилей.
Киоскёры, словно свежие новости,
продают мелодию в лотерею,
маляр красит крышу ею.
Она приходит утром и уходит вечером,
развлекаясь ночами в тавернах.
Мы сидим за столиками
над прозрачной крышей высотного дома,
под стеклянными звёздами небоскрёба.
Мы улыбаемся, узнаём и не узнаём друг друга:
женщина с золотыми волосами в кратере неба,
маэстро, запускающий светомузыку в небо,
чёрный певец с белозубой улыбкой, как луна на небе.
Но я ищу отражение шляпки на жёлтом паркете.

Музыка города пела над этажами,
на улицах, полных огней надежды,
о диких деревьях, скачущих по аллеям,
о том, как купались
 в серебряном море асфальта автомобили,
о ночных сторожах, заблудившихся псах,
про церковные шпили.
Играла музыка в нью-йоркском воздухе
 пророчеством оркестра
об одиночестве, любви
и вечном гимне органной жизни.

Нина КОСМАН

— ТРИ БРАХИКОЛОНА —

* * *

Бог —
в чуть:
тих
будь.

Рок
в путь:
лет
муть.

Ляг
в суть:
чтоб
гнуть.

Так
будь:
чуть
вкруть.

* * *

Чуй.
Чай.
Чей?
Мой.

Жуй.
Знай.
Зрей.
Вой.

Будь.
Бди.
Рай
рой.

Знай.
Зри.
Чей?
Свой.

* * *

Весь —
бег:
век
бед.

Весь —
лук:
век
мук.

Весь —
Бог:
век —
шок.

Весь —
сам:
взлёт —
в храм.

— ИЗ РАННИХ СТИХОВ —

* * *

Чёрная киска щетинится бодро,
В себе чуя властность джунглийских глаз.
Всю магию шерсти, всю музыку горла
Она выгибает гостям на указ.

Киски такие: хоть и спят на коленях,
Видят во сне себя в гордости тигра,
В мантии льва, о! царя над оленем,
царя во вселенной, хотя и в квартире.

* * *

То, что не требовало слов
Выцвело, дождалось;
Крайней ресницей мог
Потрогать тебя, жалость.

Всё лишь слова мучные.
За дверью мечтает кот.
Буду и я отныне
Глазеть на порог.

Долго в консервной банке
Зев орхидеин смят.
Так глядят спозаранок
На мёртвых котят.

Жалость в себе тушить
Водой из консервной банки.
Вот это и значит жить:
Глядеть на ранки.

Леся ТЫШКОВСКАЯ

В парке Багатель

Перестать пережёвывать прожитый год,
отказаться от чёрствого хлеба упрёков
за тома неосвоенных с детства уроков,
за тогда-не-тобою надкушенный плод.

Расширяя пространство, зажатое в щель,
оказаться в нуле, переполненном светом.
В день, похищенный мартом у лета,
пережить тишины непривычную трель

в Багатели, жасмином ужалившим след
проходящих дорожками предназначений...
Сколько птичье-цветочного в нас отвлеченья
на павлинов хвастливо-хвостатый привет?

От нарциссов, присвоивших солнечный взгляд,
от деревьев, взорвавшихся розовым буйством,
заразиться цветенья невинным искусом,
сотворённым — не тем, что вручную творят.

Окунуться в *сегодня*, отбросить *вчера*,
раздвигая бесшумно границы привычек,
на виду — невидимкой — в ветвистых кавычках
обретая мгновенье покоя — себя.

21 марта 2019

Киеву

Этот город...

Разве может оставить его в одночасье
тот, кто в ласковый воздух вмурован, почти-заключённый?
Даже если Золотые ворота разберут на запчасти
и шансон вездесущий заглушит колокольные звоны.

Ты стоишь у ворот, сознавая, что это — прощанье.
Чуть откроется утро и вздрогнет вздремнувший засов,
Ты шагнёшь за черту, но, лишённый родных очертаний,
под накопленной памятью упадёшь через пару шагов.

Сколько обморок длится, насколько отказ исцеляет?
Ветер выдует землю, а солнце иссушит тоску.
И с душой похудевшей, за каждую ветку цепляясь,
побредёшь по дороге, а может, тебя понесут...

Лишь бы путь не видать,
за которым — всегда безвозвратность.
Лучше сразу: открываешь глаза — и чужая земля.
Лучше пыльные сны, чем усталость...
А впрочем, не надо...
Ты ещё в этом городе. Разве можно...
А разве нельзя?

1992

В её объятиях

Асе

1.

Предметы меня окружают, а я — как в засаде —
в себя уползаю и там уменьшаюсь до точки.
Мгновенье — готово убежище в добром детсаде,
где можно селиться, представившись собственной дочкой.

Там — сон и порядок. Игрушки уложены в ящик.
Им незачем соревноваться в больших магазинах.
Там нет интернета и доступа к древу, где пращур
от знания вкусил и утратил покой и невинность.

Там вещь не должна притворяться полезной находкой.
Окончил игру — и на место — всего и забота.
А здесь атакуют изменчивой метеосводкой,
чумой, забастовкой, разводом, потерей работы...

И я окопалась. Над миром — снаряды рекламы
и взрыв новостей про теракты, войну, неполадки.
Глаза закрываю на прущие танки экранов
и глажу дитё, примостившись на хрупкой кровати.

2.

Посмотрю кругом — отражений столько,
что лица своего в толпе не узнаю.
Размахнусь — не стоит добавлять осколков:
и глазам больнее, и душа босая.

От обилья лиц своих на фэбэ воротит.
Фрагментарное счастье не складывается в картинку.
Жаль, что время нельзя посадить напротив,
предложить чаю, попросить: застынь-ка.

Фотовспышкой льстивой обратить в друга,
попросить подыскать подходящее имя,
чтобы встречный смог подобрать по слуху,
с каждой нотой делая всё любимей.

Бижутерией стрелок пустоту прикроя,
циферблат не одарит ни секундой праздной.
Подойдёт дочь:
— Мам, поиграй со мною,
помоги в картинку сложить пазлы.

Молитва

Господи, помоги не считать потери —
ни детей убитых, ни домов-инвалидов.
Если посмотришь сверху, будто и впрямь потерян,
а заструишься из глаз — выплачутся обиды.

Господи, проникай в тех, в ком свет захочет
притянуть хоть лучик твоего сиянья.
Посвети на тех, в ком темно, как ночью.
На пути в их дамаски повторись посланьем.

Отведи их руку знаменем-осечкой.
Стань кустом горящим — не жильём последним.
Пусть ракета вернётся бумерангом млечным,
НЕ УБИЙ несущим, простым, заповедным.

Пусть из детских улыбок осколки вынут
и сирены не будят по ночам невинных.
И продлится столетье человеческим сыном.
И тебе не придётся заново — нас — из глины.

Пусть солдат вернётся из плена прежним
и не зрит повсюду полей минных,
и зацепится взглядом, как за надежду,
за траву, прорастающую сквозь руины.
октябрь 2022

ПАЛАД

Элегия мортале

с неделю дождь
проулок схож с рекой —
за летний драйв июль взимает плату
сын с таллина вернулся никакой
и приволок утопленника в хату

все домочадцы
выплеснуты в сад
неблаговонью — как блевок на сани
а тятя строг
лишь курит невпопад
и шевелит налимьими усами

циклон к циклону пригнан как шлица
тих бункерок запасливо «вещея»:
мсье фаберже камляет у яйца
в яйце — игла кремлёвского кашея

ночной зефир шахедовски-крылат
тьма шириной с фарватер мутной леты
облонский дом — ипатьевскому — брат
в нём всё спеклось в кровавые брикеты
2023

* * *

Надёжен кров, и уцелели стёкла.
Бойцу — покойный отдых, пусть и мал.
Погода по-сентябрьскому взмокла.
Так, будто ей команду кто подал.
Напротив за окном уселась птица,
уоставив на меня свой тёплый глаз.
Друзья, мне с лаской вздумалось о вас.
влюблённому бессрочно в ваши лица.

Довольствуясь то сладкою, то горькой
похлёбкой будней, маетесь в тылу.
Пусть я, как за стеклянной переборкой, —
душевно близок вашему теплу.

За ваш уют и быт готов отдать я
всё, чем богат,
извергнуться вовне.
Однажды вы, надев костюмы, платья,
воздать сойдётесь памятью и мне.

Не смей тогда и беглой тучке жижу
пролить на день
и даже всхмурить бровь.
Из Зазеркалья всех я вас увижу.
Благословлю на радость и любовь.
2022

* * *

липких да липовых полн ароматов
спелый июль
как языческий храм
ты хороша
и браслетец гранатов —
в пару кулону да впору серьгам
ты отвернула лицо от поэта
ты обсмеяла мой вытертый фрак
знаю тебе я изрядно не это
и уж конечно не то и не так

лисьево шоркайся в складках вуалей
как барабаш в полуночной избе
где уж прознать беспардонной тебе
что не затем-то я васисуалий
дабы подол лобызать и пороги
ласку вымаливать
клянчить уют

шанс олимпийские боги немногим
вот как тебе — ни за драхму — дают
прахом не пасть к отложениям донным
в вечность вписаться червонной строкой

ты ещё кликнешь бряцая кулоном
но не окликнусь тебе —
не такой
2023

* * *

Под звуки Генделя с Россини
и Дебюсси (который Клод)
вы — уезжанты из России —
страны рабов, страны господ,
оставьте обнински и ейски,
тмутаракань, столичный мир...
За вами обер-полицейский
частит, стреляя из мортир,
бравადой этой небольшою
свой оправдать пытаюсь век.

Пустое! — с гиблою душою
тут каждый третий человек.

В сусеках — слёзы,
лица — в воске.
В ушах — шипом — дурная весть:
с собою даже полберёзки
сквозь створ таможни не пронести.

И тенью прошлого (откудов?),
пообветшавший от начал,
промежду вас полковник Хлудов
глядит по-рыбы на причал.

В челнок иваны да олеги
сгружают утварь, чад и жён.
Честной народ в извечном беге,
а прочий — скотством поражён.

И верно, пнут меня, спроси я
сквозь царедворцев жидкий фронт:
— С кем остаёшься ты, Россия,
утратив лучший генофонд?!
2023

* * *

Магнолией ночь ядовита —
вновь хочется жить, а судьба ль...
Да звёзды — как звёзды Давида —
струят немоту и печаль.

Отлунный обрубок лоснища.
Сплошь воздух колюч, что репей.
Не пой, полуношная птица.
А чтоб умолчаться, — не пей.

Не пей да не пой. Ибо длинно,
павлинистый хвост распуша,
поёт сто двадцатая мина
непрощеной кодой стиша.
2023

Ирина РЫПКА

* * *

мы завели в начале войны кота
дочка сказала жизнь без кота не та
снова шахеды
света нет и тепла
котик мурлычет что он там понима

спрятаться в ванной
спрятаться между стен
котик мурлычет изображает дзен
не разбирает воя тревог в ночи
словно бояться нет никаких причин

было легко
но это всё было до
ждём когда мир вернётся в момент плато
бабочки в животе в голове сверчки
кто-то сжимает сердце моё в тиски
2023

белый снег

ты меня никуда никуда никогда вообще
не пускай от себя без себя в серый дождь
в изумрудный ковчег
если тает в апреле и каплет на сердце тук-тук
ты держи меня крепче возлюбленный брат мой и друг

потому что любовь это крошечка в голодомор
потому что привязанность это звенящий топор
в оцинкованном льду размочённый его черенок
разрубил пуповину и выдохнул весь этот смог
наваждения или боязни увязнуть в быту
мы не связаны связаны я от тебя не уйду
потому что когда из замеса разъяты совсем
поскреби по сусекам и будет тебе белый снег
2020

* * *

выходи погулять дорогая
выходи погулять дорогой
видишь вечер у нас догорает
а у нас ещё день голубой

где граница размыта и тонка
точно венка на женской руке
богоматерь стояла с ребёнком
в сизой дымке сходящей к реке

я придумала поезд дорогу
и картину с родимым пятном
под удар восходящего гонга
в неприкаянном сердце моём

распахни васильковое поле
обними меня слышишь скорей
облетают смотри с колоколен
колокольчики бед и скорбей
2019

* * *

Я Сибирь свою убересть не смог.

Вадим Месяц

Я Сибирь свою убересть не смог.
Над Сибирью чад, над страной смог.
Боевой бурят, боевой тувин
не вернулись домой со своих помин.

А когда-то тайга расходилась вглубь.
Я мог плавать в ней, иногда тонуть.
Под ногами ковром расстился мех.
Я Сибирь свою схоронил от всех.

И теперь лишь в памяти до бела
раскаляется прошлое, как зола.
Карагасы уходят гуськом в закат,
никаких резерваций, они спешат.

Алыгджер, Гутара, Нерха, Нерой,
кто останется в этой глуши с тобой?
Вольный дух Саян, да лесных озёр?
Человек — не горный тебе козёл.

Человек здесь подавлен и обречён,
в никуда плывёт его чёрный чёлн.
И качает хвоей над ним тайга:
«ты зачем придумал себе врага?»
2022

* * *

давай я не буду сегодня ханжой и завтра не буду ханжой
коль быть предначертано милой женой и нежной женой
но что-то во мне отболело вчера наверное голос и слух
я женщина значит всегда из ребра а может быть сразу из двух
из противоречий из пламенных да из режущих колющих нет
от нас не останется даже следа хотя вот возможно буфет
и шкаф и разлогая эта кровать и гордый каштан за окном
любимый а было бы время рожать но время всегда на потом
2022

Марина ГЕНЧИКМАХЕР

* * *

Игорю Михалевичу-Каплану

I.

Цыплёнку его скорлупа — отчий дом.
Этакий уютный овальный домик
Без дверей и без окон, —
Полна горница привычного питательного счастья.

Трудно сказать,
Почему и когда
Аморфный желток
Превращается в жёлтую
Вечно пищащую птицу,
Сердце которой охвачено нестерпимым жжением:
Острым желанием разломать и покинуть
Привычные стены.

А потом — свежая зелень,
Жуки и жужелицы, жара,
Бесконечное жужжание
Мельтешащей вокруг жизни.
И лишь когда безбашенная хозяйка
Забудет сыпануть зерно в кормушку,
Или не знающий жалости коршун
Заслонит парящих жаворонков,
Просыпается нечто вроде ностальгии о прошлом.
Но даже цыплёнок знает,
Что настоящая стоящая жизнь — вне скорлупы.

II.

*Все мы гении. Но если вы будете судить рыбу
по её способности взбираться на дерево, она
проживёт всю жизнь, считая себя душой.*

Альберт Эйнштейн

Он за десятку пообещал мне удачу.

Синяя птица счастья
Отразилась в его зрачках,
И запела манящие песни
О моём предстоящем «завтра».
Медленно и осторожно
Он подбирал слова
На почти забытом им русском,
Пробуя каждое слово на вкус
Или достоверность.
Но мне не хотелось слушать о моём «завтра»,
Мне хотелось слушать о его «вчера».
Он назвался потомком князя Юсупова,
А нынче гадал на ярмарке.
Впрочем, я тоже гадала,
Врёт он или не врёт,
Князь его умерший батюшка
Или простой прощельяга.

Чужбина — она уравнивает,
Приводит к единой черте нищеты и надежды.
Лос-Анжелес девяностых
Заговорил по-русски,
Как и Париж в двадцатые.
В Париже в такси сели бывшие графы,
А тут их водил мой брат,
Бывший, увы, инженер и менеджер.

По ночам брату снился Днепр,
Поутру уносила река из несущихся вдаль машин.
Этот гудящий, блестящий поток
Струился вдоль наших окон,
Стремясь к автотрассам,
Потом растекался по улицам разноцветными ручейками.
Вокруг потерпевших крушение
Кружились водовороты,
И не было этому потоку
Ни конца, ни края.

Дни текли таким же бесконечным потоком —
Свозь ладони в песок, —
В каменистый жадный песок Лос-Анжелеса.
Но на ладонях брата
Оставались золотые крупинки
Оставленных пассажирами чаевых.

Прежняя жизнь вспоминалась
Как нечто совсем ирреальное,
А потом и вовсе не вспоминалась.
Мы рыбёшками,
Выброшенными на берег,
Учились дышать
Не растворённым в воде кислородом.
Мы ползли по песку
На подламывающихся плавниках.

Если князя Юсупова
Жизнь заставляет крутить баранку,
Он кормится чаевыми;
Если рыбу тут судят
По её умению взбираться на деревья...
Что ж, придётся осваивать лазанье
И по этим чёртовым пальмам!

III.

Этот город, пропахший сиренью и ласковым солнцем...
Я, наверно, в него никогда уже не вернусь.
Солнце в Лосе хуже ковида:
Перегревшись в мареве зноя
Даже пышные розы не пахнут.

Но и дамы, по счастью, не пахнут
Смесью «Красной Москвы» и дешёвого дезодоранта.

IV.

Что они, эмигранты,
Прижившиеся в Европе,
Чувствовали и думали,
Когда началась война?

Иные, удачливые,
Уже запустили свои цепкие корни
В жирную почву парижских предместий;
Круассаны, кафе, Нотр-Дам,
Грассирование прелестниц
В модных совсем не русских туалетах.

Иным Россия давно перестала сниться:
Не снится же разбитая скорлупа
Давно вылупившемуся из яйца цыплёнку.

Тем паче, что и прежняя жизнь
Там уже не та;
Даже осколков бывшего великолепия
Не сыщешь и не склеишь...

V.

Гарсон, — вина!
— S'il vous pla t, monsieur:
Изысканнейший букет,
Вино урожая двадцатого года!

Франция славится старыми винами,
Юными парижанками,
И расторопной прислугой.
А букет вина и правда изысканный,
Изысканный, как роскошная причёска
Сидящей напротив тевтонца
Красотки Манон.

— Глупышка, чего ты боишься?
Солдат не обидит послушную девочку.
Взгляни-ка лучше сюда!
На фотографии — моя Гретхен.
Её локоны так же роскошны, как и твои,
Но они — золотятся.

Глаза наследника Зигфрида
Заволакивает печаль.
Нежная дымка печали,
Полупрозрачная и лёгкая,
Словно утренний туман над Сеной.

Жарко, июль,
Каштаны уже отцвели.
Немецкая речь,
Смешавшись с французской,
Тает в лёгком шелесте
Пятипалых поникших листьев.

— S'il vous pla t, monsieur, —
Повторяет официант,
И взгляд его,
Полный собачей преданности,
Замирает на нежном личике
Испуганной девушки —
— Mademoiselle?

Не пройдёт и пяти лет,
И пышные локоны бедняжки Манон
Полетят по ветру,
Обритые ловкой рукою того же гарсона.
А вокруг будет улюлюкать и смеяться
Торжествующая толпа.
Но это ещё далеко.

Так далеко, как заросший
Каштанами Киев,
К которому, лязгая, уже подползают
Первые немецкие танки.

VI.

Что мне до тихого шелеста
Приднепровских каштанов?
Между мною и ими
Города и горы.
Между мною и ими —
Громадные пространства
Бурлящей океанской воды.

Я давно о них не вспоминала.

Но когда над забытой тобою скорлупкой
Бывшего отчего дома
Нависает сапог
Очередного беспощадного Чингизида
Все аналогии тут же теряют смысл,
Жалкие жалюзи здравого смысла
Сметает шквалом отчаяния и боли;
Жертвы, жуть, жалость,
Жадный поиск мельчайших надежд
Живейшая сопричастность:

Эти сирены воют
Над моей улицей;
Эти ракеты
Летят над моим домом.
Они убивают
Моих друзей,
Они убивают моё детство.

Странная штука, однако —
Любовь к отеческим гробам...

Борис БРАЙЛОВСКИЙ

* * *

Поэты пишут о любимых,
как о берёзах, о рябинах,
и сравнивают их с каплейю.
А я тебя сравнил бы с елью,
которую ласкает ветер,
и твои руки — словно ветви.

Мне так в них хочется закутаться,
и обогреться, и запутаться,
и под иголок нежный хруст
испить янтарь из милых уст.

* * *

Вы видели осенний лес
в погожий день, в часы заката?
Вверху — голубизна небес,
внизу — мир сказок и загадок.

Деревья в тишине лесной
стоят торжественно-печально,
ещё не снят наряд прощальный,
но не шумят уже листвою.

А вот и ёжик семенит,
в кустах пытается укрыться,
вот серый заяц. Вот бежит
с добычей рыжая лисица.
Всё происходит наяву,
я удивляюсь, я живу!

* * *

Оранжево окрашен запад,
в вечерней мгле уже восток,
такая красота! А запах...
Бесшумно, за листком листок
кружась, планирует с верхушки
гиганта-дуба на опушке.

Смотрю вокруг — палитра красок,
оттенков всех не сосчитать
от фиолетовых до красных...
Как так творить?! Как так писать?!
И сердце радуется, и глаз —
даёт природа мастер-класс!

Уходит день, уходят краски,
лес погружается во тьму.
Я ухожу из этой сказки,
чувств охвативших не пойму.
Я удивлён и восхищён,
а может, просто в жизнь влюблён.

До новых встреч, страна чудес!
Луна с улыбкой — как с плаката.
Вам нравится осенний лес
в погожий день, в часы заката?

* * *

В тиши больничного покоя
опять сегодня снилась ты.
Лежу один — почти покойник —
а ты приносишь мне цветы.

Букет гвоздик краснее крови,
стоишь. Ни слова не сказав,
кладёшь ты их у изголовья.
Тоской полны твои глаза.

Тоскою и душевной болью
ты вся полна, а в горле ком.
Ну успокойся, что с тобою?
О ком тоскуешь? Боль о ком?
О том что не было и было,
о том, чего могло не быть,
кого забыть не позабыла
и отлюбить не отлюбила,
хоть так хотела отлюбить.

Проснулся. Тихо. Солнца блики
легли на пол и на кровать.
На подоконнике гвоздики.
Где сон, где явь — не разобрать.

* * *

Обманчива весенняя жара...
Всего мгновение — и вновь прохлады
в погоде, в отношениях, во взглядах —
такая нестабильная пора.

Пригрело солнце нежно и тепло,
и кажется, что жизнь пошла иначе,
забилося сердце после зимней спячки,
но налетел прохладный ветерок.

Откуда и зачем он прилетел?
Вмиг освежая голову и душу,
настойчиво вас не желая слушать,
своё вам насвистел, нашелестел...

И глаз сомкнуть не сможешь до утра,
Почувствовав весны прикосновение.
Не уходи, остановись, мгновенье!
Обманчива весенняя жара...

Ирина САПИР

Софит Одесса. Февраль 2022

Закрой уши, Дюк, закрой глаза,
закутайся в тогу.
Тот же, что и 80 лет назад,
запах тревоги

въедается в побледневшие стены. Сгорбившись, фонари
теряют осанку.
Дороги мертвы. Жилой дом горит.
Ползут танки,

выныривая из прошлого на всех углах
через порталы,
ползут, вмешивая гарь, смуту, и страх
в снег талый.

Молча поверх натянутой тетивы границ
пролетают стаи.
В мысли стучатся имена с ветхих страниц:
Авель, Каин...

Родственник, друг, невеста — всё летит
теперь к чёрту.
Пробивается сквозь вязкий туман софит
сине — жёлтый.

Кажется по венам течёт не кровь, а ртуть.
Где вы, Люди?!
Господи, пощади, пусть кто-нибудь
меня разбудит.

Март 2022 года Украина

Летают воробьи над грудой баррикад.
Схвачен туго
кольцом тревоги день. Ломают ветки Март.
Он испуган.

Он мечется. Пути не ведая, бежит
вдоль обочин,
то натыкаясь на обломки и «ежи»,
то на клочья

устоев и доктрин. Он прячется в кювет,
в снеге талом,
когда в густой эфир впивается ракет
хищных жало.

Он бьётся о дома, как будто бы незряч,
что-то шепчет.
Оторопевший Март, хороший мой, поплачь,
будет легче.

Ты только продержишься. Сквозь вязкий дым тани
ввысь подснежник.
Закончится война. Но вряд ли этот мир
будет прежним.

Оправдание После февраля 2022...

Об осени, текущей по листовым венам,
о найденной в моей чёлке проседи —
я снова пишу стихи на другие темы,
испытывая при этом угрызения совести.

Происходящее там завешивает мои окна, как шторы,
через которые я гляжу на реалии здешние.
Каждое слово НЕ об этом пронизывает укором,
потому что там все идёт по-прежнему.

Там продолжают долбить, измельчая в крошку,
судьбы, уже и так на осколки разбитые.
Там мечтают о тишине и отсутствии бомбёжки,
а не о новых тувельках или колечке с нефритами;

голоса срываются от криков, плача и страха,
оставаясь при этом для многих неслышными;
на асфальт ниспадает грохот, словно топор на плаху,
и сирены разливаются ртутью над крышами.

Там не решаются строить планы на завтра,
ищут спасения между стенами несущими,
шепчут навзрыд молитвы, литаний*, мантры,
и вопреки всему верят в лучшее.

Август ушёл, не приведя к переменам,
сентябрь завис над краем дымящейся пропасти.
Я снова пишу стихи на другие темы,
испытывая при этом угрызения совести.

* *Лита́ния — в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний.*

Люди

Они прошивают грудины током,
сердца заставляя ожить и биться.
Прядут из тоски и надежды строки,
из строк упоённо плетут страницы.

Дробят позвонки у цепочек горных.
Вонзают в сатин облаков высоты.
Они подчиняют себе нейроны
и держат их на поводке коротком.

Прячут в гранд жете сквозь лучи софитов.
По звёздам читают о том, что будет.
Ныряют в глубины веков забытых.
Всё это они — люди.

Они ослепляют глазницы зданий.
В руины и паль превращают стены.
Зубами впиваются, как пираньи,
в тела, и кромсают их вождёленно.

На грязную скатерть кладут пасьянсы,
тасуя людские пути, как масти.
И молятся пылко, в сакральном трансе,
божкам суррогатным — деньгам и власти.

К рукам прибирают моря и сушу,
и рвут на отрепья полотна судеб.
Тиранят, гнобят, истязают, душат
тоже они — люди.

Анатолий ЛЕМЫШ

Мы доиграем спектакль

Казалось, мы землю перевернём!
Но что-то пошло не так.
Этот театр охвачен огнём,
Но мы доиграем спектакль.

Зрители в зале бегут, крича,
За сценой — полный бардак.
В гримёрке зывают: «врача, врача!»
Но мы доиграем спектакль.

Горят кулисы, и воздух жжёт.
Теряется роли нить.
Но Гамлет рокошет: «To be or not?»
И знает уже: не быть.

Принцесса, Золушка, Ахиллес,
Сто пажей и королей,
Проходят по сцене герои пьес
В прощальном парад-алле.

Сегодня — огненный бенефис!
Всех наших зовём на пир!
И тени мерещатся у кулис:
Булгаков, Мольер, Шекспир.

Да, жизнь не стоит таких затрат.
Мы знаем: бог не воздаст.
Сегодня дьявольский Герострат
Сжигает культурный пласт!

Вот так кончается — зашибись! —
Весёлый актёрский век.
Оваций не будет, и криков «бис!»
Но мы доиграем спек...
19 июля 2023

Когда выгорели слова

Когда полетели на нас с тобой
Чёрные жернова,
Поэзия приняла первый бой,
И в этом была права.

Именовала войну — войной,
И зло называла злом.
Вскрывала язвы, давила гной.
Потом наступил облом.

Поэзия вспыхнула, как трава,
И тут же погасла вся.
Как будто выгорели слова,
И больше писать нельзя.

И вправду: куда там голым словам
Против бомб и ракет?
Стихов хватило на барабан.
На бронжилеты — нет.

И наши запал, потрясенье, шок
В лёгкий ушли дымок.
А то, что за нами теперь должок,
Так это и хорошо.

Учусь молчанью у травы

Что песни, что стихи мои, увы!
Слова уходят — голос остаётся.
И я учусь молчанью у травы,
И взгляду — у воды на дне колодца.

Живу я в окруженье двойников,
Теней моих, что были мной когда-то,
Я словно вылеплен из облаков,
Мерцания реки и листопада.

Я прорастаю в обликах иных,
Я впитываю разные эпохи,
Чужие голоса вплетаю в стих,
Далёкие озвучиваю строки.

Я словно дым от тающей свечи,
Мой разум растворяется в пространстве,
Не трать слова, помедли, помолчи,
Отдайся миру бестелесных странствий.

28 августа 2023

В старую сумку не запихнуть свой дом

Как уезжали — помнится мне с трудом.
В старую сумку не запихнуть свой дом.
Не рассовать по карманам любовь и грусть,
Воспоминаний своих неподъёмный груз.

Как уезжали? Бежали, бросая всё,
Чтоб не попасть под адово колесо.
Мы ускользали в чёрное никуда
От саранчи, сжирающей города.

Будь милосерд, из памяти отпусти
Город, где ты себя самого растил,
Город, в котором всё твоё естество,
И попроси прощенья у него.

Перетасуй в последние полчаса
Давних друзей телефонные голоса.
Сядь на дорожку, упри кулаки о стол,
Знай, у тебя на подошвах — родной Подол.

И остаётся главное — на бегу
Тумблер переключить глубоко в мозгу,
Переступи порог и захлопни дверь,
И не оглядывайся — не умножай потерь.

Рождество

Зажглась звезда, как от ракеты,
Планета хрустнула вдали,
И три волхва в бронежилетах
Гуманитарку привезли.

Они курили у пещеры,
(Жилой, в развалинах, подвал),
Где волонтёр, усталый, серый,
Дитя Марии подавал.

Пылал в пещере дымный факел,
Сверкал на Валтазаре шлем,
И шестикрылый дрон-архангел
Парил над входом в Вифлеем.

Сидел Иосиф, сыном гордый,
Катила воды Иордань,
А где-то иродовы орды
Младенцами вжимали дань.

И мир качался на изломе,
Стихали тусклые слова.
Нет ничего на свете, кроме
Великой тайны Рождества.

25 декабря 2022

Ирина КАРПИНОС

* * *

Угол Паньковской и Ботанической —
это был мой Латинский квартал,
описать бы в поэме эпической:
кто кем был или слыл, или стал.

Дом ампирный, и страсти понтовые
разгорались без удержу там,
но сквозь распри лихие портовые
вёл тесей-одиссей-мандельштам,

и летела я по морю Чёрному
в тридевятые чудо-края,
где гуляла душа заключённая,
напевая: Таврида моя...

Ничего ещё я не нарушила
и, омыта днепровской водой,
заигралась с фортуной-кликушею,
перекошенной, склочной, седой,

так вершилось житьё партизанское
по лекалам рискованных актрис,
и меня, как Елену Троянскую,
увозил многоликий Парис...

А в итоге маячит (пока ещё)
та же Спарта, печаль, Менелай...
Жизнь моя, ты приснилась сверкающей —
так расплату за всё получай!

Я грущу-не ропщу, но мерещится
золотистого мёда струя,
понт эгейский волнуется, плещется,
и триеры у Трои стоят.
13 декабря 2021

* * *

Послушай, Пушкин, ты не виноват
в том, что затеял кто-то этот ад,
в том, что твои безмозглые потомки
всё предали и мечутся в потёмках...

И если б не убил тебя Дантес,
язык твой — враг твой чудо из чудес
ещё бы сотворил во благо многих
и не был бы наследием убогих...

Сегодня ты — удобная мишень,
с тобою рядом — Лермонтов Мишель,
и даже певчий вестник Окуджава
присвоен нынче сбрендившей державой.

Ты стал ничейным всем, случился сбой,
и памятник нерукотворный твой
лежит в пыли курчавой головою,
пожарища вокруг, сирены воют —

и не тиха украинская ночь,
и мчишься ты, как медный всадник, прочь,
и невозможно жалок твой Онегин,
и пистолет в снегу, и плач о снеге,

и утонули все богатыри,
на смену им явились упыри,
на майках «наше всё», ах, бедный Пушкин,
не выпить с горя, перебиты кружки —

и наступил безвременный багрец...
Чем кончится разнузданный фильмец,
не ведает никто на белом свете,
и мы за всё, последние, в ответе.

6 июня 2023

* * *

Под мечты о кругосветке
на круизном корабле
что ты плачешь, дура-детка?
Мир вокруг — в дыму, в золе...

Захлестнуло отвораченье
в гиблом месте Клиньянкур,
ни надежды, ни спасенья,
Бог ушёл на перекур...

Исполняются желанья,
как пародии, всегда,
тают к вечности посланья,
ток бежит по проводам...

Джаз ночной с телеэкрана,
а за окнами — бардак,
шар земной — сплошная рана,
с каждым днём густеет мрак...

Где-то волны, где-то ветер,
за штурвалом — капитан,
где-то есть на белом свете
заповедный Зурбаган,

но туда уж не добраться
мне, бегущей по мостам,
видно, выпало остаться
беженкой и здесь, и там...

Я — чужая в этом мире,
я устала от потерь,
вот свечусь мишенью в тире,
попади в меня скорей...

Бог вернётся с перекура,
всё поймёт в один момент,
сядет за клавиатуру
и напишет слово: end.
2 июля 2023

* * *

Три раза приходила смерть за мной
в тот год — и я была готова к встрече,
она седой кивала головой
и пряталась в овраге недалече,

и мы играли в жмурки день-деньской,
я жмуриком была таким фартовым,
но очередь в приёмный тот покой
гнала меня до скорой встречи новой.

Зачем ты, смерть, смеялась надо мной,
зачем дразнила неземной нирваной,
где с палубы махал весёлый Ной
заветом с возвышающим обманом?

В тот предвоенный год под листопад
я всё ещё надеялась на чудо,
писала письма вечности в приват,
не знала, где и с кем я завтра буду...

Ну, а потом — война и вечный бой,
и вновь идут по свету пилигримы,
у времени случился страшный сбой,
и жизнь вокруг уродлива без грима.

Меня как будто нет уже давно,
лишь кадры, где бомбят, окопы роют,
и я иду в безумном том кино
по улицам Парижа или Трои,

но не дойти туда, где живы все,
прекрасны все, шутя о чём-то спорят,
где тает день в божественной красе,
открыты окна в небо, пахнет морем...

17 июля 2023

Ребекка ЛЕВИТАНТ

Гибель любви

Моя любовь ушла на войну,
что хуже страшного сна.
Лето и осень, зиму, весну —
всё топчет эта война.

Теперь у любви новый дом — окоп,
лесопосадка, овраг.
Теперь отовсюду и в бок, и в лоб
бьёт беспощадный враг.

Любовь не слышит пения птиц,
не чувствует запаха лип,
лишь различает стрельбу убийц,
да то, что товарищ погиб.

А ведь она влекла в небеса,
была романтична, нежна.
Настала чёрная полоса —
любовь поглотила война.

Закон войны безжалостен, груб,
на ней проливают кровь.
И там, где правило — зуб за зуб —
погибла моя любовь.

* * *

Не пишется, не ладится, не можется,
душе нужна лечебная блокада.
Не защищает тоненькая кожа —
со мною спорить ни о чём не надо.

Не дружится, не любит, не хочется,
пока царит безумие монарха.
Лекарство от войны есть одиночество —
далёкий скит бежавшего монаха.

Там не предложат мир за территории,
чтоб жизнь спасти — злодею в лапы сдаться.
Все ложные идеи и теории
разоблачать не нужно и бодаться.

Оттуда разглядишь как бы под лупою
в подробностях всемирное несчастье.
Во многих людях выпирает глупое,
отпали близкие твои, как части

тебя, когда-то представлявшей целое,
но вот пришлось от всех отъединиться.
Чтоб различали чёрное и белое,
в скиту об стенку остаётся биться.

Подъезд

На восьмом этаже — чоловік та жінка,
на седьмом — мати, батько та хлопчик,
на шестом жила пожилая пара,
бабка с дочкой и внуком втроём на пятом,

на четвёртом — молодая мама с ребёнком,
мать и взрослая дочка на третьем,
на втором семья, где двое детишек,
а на первом старые дед и бабка —
двадцать три человека в этом подъезде
уничтожены высокоточным ударом
дальнобойной ракеты, бившей по цели,
по заранее строго намеченной цели...
От удара выбило окна и рифмы,
этажи в одну кучу смешались, квартиры...
Те, кому пока повезло, закрылись
в пузыре прозрачном прекрасного мира,
чтобы жить и радоваться, веселиться,
на костях чужих топтаться, беситься,
то великой победой дедов гордиться,
то культурой, могучей страной... эпохой.

Чужая страна

Вдруг лопнула резко тугая струна,
от боли гитара вскричала.
В беду угодила чужая страна,
сорвав мой рассудок с причала.

Я помню прекрасно, как ты говорил:
«Не нужно об этом плакать».
Но чувства сдерживать не было сил,
и я разводила слякоть.

А ты уверял, что не будет войны,
её не развяжут воры.
Они же расчётливы, в чём-то умны —
зря гонят волну паникёры.

Не станут богатствами рисковать,
рассованными по миру.
Зачем им такую терять благодать,
себя подставлять под секиру.

Считал ты, что мне по чужой стране
не стоит так убиваться.
Что лучшее дело — быть в стороне
и чем-то своим упиваться.

Но не бывает чужой беды —
зря слушала твои враки.
Такое количество зла и вражды
не воры приносят... Маньяки!!!

* * *

Здесь Ангел-хранитель подхватывал под крыло,
защиту свою простирала страна и природа.
Судьбе благодарна за то, что сюда привело,
где мне сквозь рутину, бывало, сияла свобода.

Любовь — это лучше, чем ненависть, — учит нас Бог.
Однако с начала войны ничему я не рада.
Мне плохо, пока на земле главный гад не подох,
заливший полмира потоками злобы и яда.

Но здесь хорошо. Против нас не ведётся террор.
Воздушная тишь, лишь душевная гложет тревога,
вина, угрызения совести, стыд и позор,
и как-то всё больше пугает беспомощность Бога.

Пётр МЕЖУРИЦКИЙ

* * *

Народ-богоносец и чёрту не брат,
с ним двести лет вместе народ-самиздат,
и с боку-припёку, отдавшись обидам,
другие народы по расам и видам,
и все изучали Онегина сплин,
и в классе у нас был один армянин,
в полуха слыхавший о Пушкина няне,
откуда-то знавший, что мы — не армяне.

Нешуточные стихи

Удалось ли поэту Петрову
умереть подобру-поздорову,
я не знаю, но умер Петров,
чем навряд ли смутил докторов,
а меня огорчил он сурово:
был Петров, и не стало Петрова,
и теперь не помогут слова —
я ведь был перед ним виноват.

В час, когда нас опять наипали,
я сказал: «Наломали мы дров,
на куя ты приехал в Израиль,
возвращайся обратно, Петров,
там ещё выйти в люди не поздно».
Он спросил лишь: «Ты это серьёзно?».

Слово о переписке Астафьева с Эйдельманом

Письмо Онегина к Татьяне
читали русские крестьяне,
евреи, друг степей калмык,
и каждый к этому привык.

И было всё весьма невинно,
но взбунтовалась Украина,
грядущее пошло на слом,
и лошадь сделалась ослом.

Сей ужас с точностью Сивиллы
предугадал Астафьев милый,
и не потворствуя обману,
письмо отправил Эйдельману,
не ведьмаку, не людоеду,
но существу пушкиноведу.

Ан, Эйдельман не обоссался,
и не во сне, а наяву
ответил: «Я не присосался,
я тут родился и живу,
исполнен вечно чувства долга»,
но после жил уже недолго.

А в свой черёд Астафьев милый,
учённостью не утомлённый,
нимало не спешил в могилу,
собой не удовлетворённый.

Ещё не всех он раскопал,
иных из них буквально сходу,
пушкинovedов-прилипал,
их лично предъявив народу,
сам Ельцин для духовных ласк
к нему являлся в Красноярск —
ну, а к кому ещё? К шаману
он должен был свой крест нести,
иль на могилу к Эйдельману
с букетом, Господи прости,
прийти, чтоб раздавить чекушку,
спугнув случайную старушку?

Сейчас себе представить странно,
что принимали к сердцу близко
Астафьева и Эйдельмана
иные люди переписку.

Но свой есть тренд сегодня тоже,
ведь, право, не конец же света,
и шлёт Кадырову Пригожин
письмо, и люди ждут ответа,
и обсуждают, кто кого,
отнюдь не все за одного.

И как всегда, взаимны иски,
что собственной природе дань,
и жизни нет без переписки,
хоть весь свой век кого-то бань.

* * *

День не заладился, пуля в затылке —
вы перешли по неправильной ссылке.

* * *

В который раз лечу «Москва-Одесса».

Владимир Высоцкий

В который раз бомбит Москва Одессу,
опять взбесился тамошний народ,
но что же с них возьмёшь, когда на то они и бесы,
и нежить только нежитью умрёт.

Я ненавижу ГУМ и мавзолей,
«Спартак» я ненавижу и «Динамо»,
смешай их всех с говном, да поскорей,
о, милая моя Одесса-мама.

Римма МАРКОВА

Подъезд

Внизу жили Ванька с Танькой,
дня без скандала не проходило.
Ванька бил жену и сына дебила.
Был он пьяница и матерщинник.
Ушёл добровольцем, как другие мужчины,
хоть был тонконог, как поганый гриб.
Первым погиб.

А Танька его, как пошла в оборону,
научила сынка подавать патроны.
И служит дурень умных не хуже.
Только по батьке тоскует дюже.

В квартире выше жила карга.
Дети шептались: баба Яга.
От одиночества, видать, одичала.
На взрослых ворчала, на детей кричала.
А как спустилась в подвал,
стала петь-молить на языке тарабарском,
угощать детишек печеньем татарским,
утешать-убаюкивать, закрывать собой,
едва услышав сирены вой.

Квартиру напротив снимали два странных парнишки:
ходили за ручки, носили книжки.
На них косились со всех сторон.
Ушли по призыву в арт-батальон.

А выше жил музыкант из оркестра,
жена, да сын, да дочка-невеста.
Аркаша-скрипач, маленький, круглый.
Волос с гулькина нос, а глаза как угли.
Музыкой от страха спасал подвал.
Пошёл за водой — навсегда пропал.

Напротив Аркаши жил Богдан,
старый бандеровец и хулиган.
Вечно подначивал: «Жидочек, хочешь сала?»
Как он плакал, когда Аркаши не стало!

А ещё там жил дядя наш Яша.
Герой второй мировой, учёный, гордость наша.
Когда каждый свой дом защищает как может,
он бы встал на защиту тоже.
Хорошо, не дожил.
9 апреля 2022

* * *

Кто вечно горд величием России,
тем горе не беда.
А ты устала плакать от бессилья
и горького стыда.

В постах — ступени, залитые кровью,
стен рваные края...
Опять чужая боль тебя накроет
сильнее, чем своя.

Туннель забили, выхода не видно.
Осколки взрывов сплошь
застлали мир. Лишь нестерпимо стыдно
за родину, в которой не живёшь.
25 июня 2022

* * *

Бессонница. Горят пшеничные поля.
Я список городов перечитать не в силах:
Чернигов, Буча, Луцк... Расколота земля.
Фанерные кресты на временных могилах.

Как журавлиный клин с обугленным крылом
пикирует в поля средь пепельной метели,
где ржавый БТР несётся напролом,
сметая и давя все, что в его прицеле...

К чему здесь Мандельштам, тем более Гомер?
Ты видишь, города по Украине тлеют.
Кружится, как волчок, подбитый БТР.
Лишь ненависть одна в пожаре уцелеет.
1 августа 2022

* * *

Женщина тесто готовит на киевской кухне без света.
Ночью дадут электричество, надо успеть до рассвета.
Запах корицы, орехов и свежего масла
будет держаться, пусть даже всё в доме погасло!

Люди проснутся, а пахнет не страхом вчерашним —
утром осенним, надеждой, печеньем домашним.
Орки стреляют, ракеты проносятся мимо.
Та, что поёт в темноте над немислимой выпечкой — непобедима!
2 ноября 2022

* * *

Давай уже, война, иди, куда сказали,
за русским кораблём, что ты же унесла!
Бездомные опять толпятся на вокзале,
им нет числа.

Опять горят дома и дым тяжёл и чёрен
расползся по земле, густой как чернозём.
Убитые лежат в полях вместо зёрен,
им нет имён.

Пора уже к делам весёлым и полезным
вернуть с передовой и сына, и отца.
Но шествует война путём своим железным.
Ей нет конца.
12 января 2023

* * *

Двадцать четвёртого лютого, чёрного,
в снежном больном феврале
года нещадного, года позорного,
в сполохах, взрывах, золе...

Двадцать четвёртого лютого, страшного:
снова — прилёт-недолёт.
Двадцать четвёртого года вчерашнего,
что никогда не пройдёт.
24 февраля 2023

Людмила ЛУРЬЕ

* * *

Уже повернувшись на левый бок,
Устало прикрыв глаза,
Вслушайся в то, как смеётся Бог,
Когда за окном гроза.
Вслушайся в то, как в твоей груди
Сердца тревожен бой,
Но не волнуйся, а просто жди,
Зная, что Он с тобой.
Всё то, что трудно постичь уму,
Имеет в душе ответ:
Лишь всей душою приемля тьму,
Ты излучаешь свет!

* * *

Я конечно же знаю, ты думаешь — я мертва,
И мне не пробить тот мрак, что тебя окутал...
Папа ушёл солдатом утром на Покрова,
А погиб на Пасху вблизи Бахмута.
Нас убили к ночи в одиннадцать тридцать две
Боевым снарядам, с мамой и младшим братом.
Взрыв запомнился грохотом в голове
И безумным истошно орущим матом.

Тело лежит внизу, а на небе зажглась звезда.
Нас, летящих к свету, скопилось в тот вечер много.
Я спросила маму: «Куда мы летим, куда?»
И услышала «К Богу, родная, к Богу».

Жизнь проста

Жизнь проста.
В ней любые доступны тебе места,
В ней страница нового дня чиста,
В ней загадка пряника и хлыста,
И любой вариант сюжета.
Чтоб создать и в жизнь воплотить сюжет,
Где вопрос хранил бы в себе ответ,
Ты не раз возвращался на этот свет,
Но вопрос забывал при этом.

Бог един.
Он, по сути, сам у себя один.
Он волшебная лампа и Аладдин,
Он старик в оскудевшем венке седин,
Он Адам, сотворивший Еву.
Он и птица, и пух из её крыла,
Он и ты, и та, что тебя ждала,
Он и ясный день, и ночная мгла,
Он и корень, и лист, и древо.

Бог во всём,
Что в душе своей в этот мир несём,
Уплотняя сеть городов и сёл,
Забывая в процессе, что и осёл
Сотворён из любви и света!

Бог и там, где его мы вообще не ждём.
В каждой капле, бьющей в лицо дождём,
В каждой клетке с которой ты был рождён,
Даже если не веришь в это.

Бог — любовь.
И её ощущает в себе любой,
Кто хоть раз, прервав диалог с собой,
И привычный за место под солнцем бой,
Устремится душе навстречу.
Той душе, что уже миллиарды лет
Бренных тел — связующий амулет,
Что любви к тебе источает свет,
И чей путь в бесконечность вечен.

Время — миф,
Ловко сотканный нами для нас самих,
Чтобы веру в себя навсегда сломив,
Заменить собой бесконечный миг
Непрерывного откровенья,
Где любая мысль, как благая весть,
Это счастье жизни сейчас и здесь,
От того, что ты во вселенной есть
В нескончаемости мгновенья.

Смерти нет.
Это ты, застряв в добровольном сне,
Снишься сам себе и своей жене,
Пребывая в театре своих теней,
В зеркалах голограммы света.
Но когда закончится время сна,
Ты поймёшь, что жизнь, хоть была сложна,
Не твоя беда, не твоя вина,
А лишь твой вариант ответа.

2018

Кому-то не нужны права

Кому-то не нужны права,
вполне достаточно желаний.
Без прав на то растёт трава
на детском кладбище в Беслане.
Без права жизнь у жертвы взять
идёт араб убить рабая.
Без прав, оружием грозя,
права качает мразь любая,
границу чести перейдя,
нацелясь в грудь живой мишени
за жизнь «великого» вождя
и смрад им принятых решений,
за вновь утопленный во лжи,
на мир смотрящий злобным глазом,
народ, чьё право честно ЖИТЬ
опять накрылось медным тазом.

Память

Дом в саду. От кленовой ветки
Тень узорная на крыльце.
У соседки по даче, Светки,
Конопушечки на лице.
Нас позвали, меня и Даню.
Нам по восемь, хозяйке семь.
Данин дедушка в Магадане,
И не пишет ему совсем.

А меж соснами, скрыт от взгляда,
В одиночестве гамака,
Светкин дедушка, чьи награды
Дали нам подержать в руках.
Август. Ягоды. Липкий ломоть
Именинного пирога.
Ну зачем же всё это помнить
Вечно, словно лицо врага?
2018

Юрий ДИДЕНКО

Стихия

Я — бор, и я борюсь.
Я — мол, и я молюсь.
Я — яр, и я ярюсь.
Я — плёс, и я плююсь.

Мне тесно — я теснина
Меж скал, где скалюсь я.
Гранитные ботинки,
Железная скамья.

Базальтовые стены
На каждое плечо,
И солнце тянет тени
Неяркою свечой.

Неясные намёки
На запредельный мир.
Гирляндой на верёвке
Нанизыванье лир.

* * *

В отдельно взятом бледном дне
и ты одна, и все — одне.
Сидят в заиндевелых норках
в своих изношенных опорках.
В том колесе — всего лишь спица,
и потому тебе не спится.

Как я — изволчен и набычен,
и этой пьесой обезличен.
В суфлёрской будке Станиславский
готовит верные подсказки.
Я, для свиньи иссохший гусь,
оговориться не боюсь:
вот тут — стою, хожу бочком,
а там пою, верчусь волчком.
И в том пример иным и прочим —
я осволочен и изволчен.
И мизансцены измельчали —
изговорили, измолчали
и обеспамятили всё
в тот день, что жизнью окорочен.

* * *

Моя чернушка, сладкий хлеб —
его жевать лет сотню мне б.
Его беречь — мой тяжкий труд:
авось, враги не отберут.

Начальничек

Ноты низкие стали стоном.
Век бессмысленный закольцован.
Пирров пир горой
Дик и страшен,
Мавзолеестрой многоэтажен.

Комиссаровы шлемы праха.
В них безглазые, да без страха.
Парабеллумы разрядили. —
То ли не были, то ли были...

Снова надо бы окопаться,
Цели адовы скалят пасти.
Будет праздничек в запустеньи, —
Ждёт начальничек, встав у стенки.

Союз мыча и урла

Профессор дурака валяет
Пока погода позволяет
И день предлинный на часах,
По саду он в одних трусах
Вальяжным барином проходит.
Поёт, иль что-то в этом роде.

А у забора буерак,
Живёт за ним сосед-дурак.
Он буен, дик, с похмелья лих —
Профан во всех делах людских.

Дурак профессора валяет,
Когда встречается у ларька.
Но тот — прощает, понимает
Природу урки-дурака.

Все либеральные течения
Сливает он в один бокал,
И пьёт за век долготерпенья
И благодушия накал.

Перекрой

Раскинулись мори, чероки
По весям и странам своим.
Они и чужи, и далёки,
И празднуют свой хеллувин.

Танцуют вокруг истуканов,
Сезон призывая дождей.
Не пьют из гранёных стаканов
За здоровье наших вождей.

Они чужаки, инородцы
С иными чертами лица. —
Мы призваны с этим бороться,
И в этом пойдём до конца.

На парус изорванной карты
С границами в смутной дали
Наклеим клочки и заплаты
Чужой благодатной земли.

Алёна ЕМЕЛИНА

Иллюстрация к психоанализу

Первая трещина в дамбе
ничего не может испортить
Но через энное время
наступает развязка драмы —
пенно-холодное море
бесследно смывает героя
с его грандиозным эго,
оставляя пустынный берег
Ни тревог, ни противоречий...
От защитных сооружений
не осталось камня на камне

Со временем нас покидают
призраки прежних событий,
но призраки неслучившихся
остаются с нами до смерти
В бесконечности коридоров
продолжает плакать ребёнок,
потерявшийся без присмотра
и до Царских врат не доползший

Камень с души

Снимет ли с души камень
запоздалое
признание в слабости?

Иллюзии троих любящих
открывают пласт горя
Трещин больше,
чем выдерживает материал

Рассказать ли самую малость
или полностью?
О скольком из умолчанного
догадаются?
Продолжение разговора,
как долгое разворачивание
забинтованного прошлого

И — раны вскрываются

Долг

Лучи рассветного неба
возвращают вещам объёмы
За проёмом окна
мокрые ветви в движении
Тот, кто лежит в сумерках
укрытый тенью,
смотрит внимательно,
додумывая череду размышлений

С перебоями, но сердце стучит,
глаза горячи, но зрячи

Бесповоротно смерть убирает
человека из последнего кадра
Весь ли мой долг уплачен?..

СОН ВДОВЫ

... задевая сидящих, пробираюсь на ощупь
к выходу через духоту
отмечаю печаль поцелуйных прощаний
безымянный вокзал полуночный
покидаю — и бегу по мосту

подо мной путь серебряных рельсов
по нему
отправляется тёмный экспресс
на войну
и с него не свернуть —

почему?

понимаю, его не вернуть
но принять не могу

улетают гудки в тишину вышину
мироздание! Облако прячет Луну
боль моя единосущна всему
живому любимому — одному

прощанию расставанию
никогда не пойму —

почему?

просыпаюсь хожу
всё равно не усну

* * *

Лучи рассветного неба
возвращают вещам объёмы
За проёмом окна
мокрые ветви в движении
Тот, кто лежит в сумерках
укрытый тенью,
смотрит внимательно, додумывая
череду размышлений

с перебоями, но сердце стучит

глаза горячи, но зрячи

Бесповоротно смерть убирает
человека из последнего кадра
Весь ли мой долг уплачен?..

* * *

Это сад или город
тихий вечер и птичье пение
гул толпы и транспорта рокот
лепестки цветущих черешен
жёлтые листья подтаявший снег
на брусчатке асфальте траве

Посреди обломков пространства и времени
продолжаем служение
и каждый несёт свой крест

В голове моей крики обстрелы
землетрясения
словно смерть Вселенной
приблизившись
шлёт мне весть

Поля памяти

Глаза голубые, зелёные, карие
зеркала внутренней силы —
закрылись

Но прежде видели:
тела отбрасывают тени
при любом освещении
Осознание свойств событий
до момента сгущения времени

Живым останется
поучаствовать в молчании,
ощущая одновременно
печаль и ярость

Воины-смыслы
ещё падут, потерянные,
жертвами на полях
нашей памяти

Валентин ЕМЕЛИН

Колыбельная

— Мамочка, холодно!
Мамочка, страшно!
Мамочка, где мы?

— В раю!
Видишь, мой глупенький,
Это прекрасно.
Слушайся маму свою.
Видишь, что нас, как героев, встречают
В мире, свободном от зла.
Видишь, для нас наготовили чаю
В этих прекрасных котлах!

— Мамочка, вижу ужасные крючья —
Щерится ими дыра...

— Просто они выбирают, кто круче —
Это такая игра!

— Мамочка, что это?
Мамочка, жарко!
Мамочка, жжётся огонь!

— Чтобы согреть нас, горит он так ярко.
Радуйся, мой дорогой.

— Мамочка, как же мы здесь оказались?

— Сыночка, нам повезло.

Мы наконец-то им всем показали

И уничтожили зло.

Злые все сдохли в мученьях и корчах.

Злые отправились в ад

Вечно возделывать в гное и порче

Адский отравленный сад!

Ну же, не плачь. Мы спаслись. Мы остались

В этом чудесном краю,

Здесь, за рекой из расплавленной стали,

Вечно пребудем в раю.

иди и смотри

в парке подлого периода

нынче день открытых зверей

не молись за царя ирода

злую снать пожнёшь да пырей

не зови второго всадника

он уже тут на рыжем коне

белый конь чумного праздника

уступает пути войне

вот уж гог восстал на мать и

вороной маячит вослед

степь да степь дорожки-скатерти

разгуляется скоро блед

от окраины до окраины

всюду кривда куда ни кинь

будь ты проклято семя каина

да во веки веков аминь

Наваждение

Речка-реченька, сиречь Смородина.
— Это я, твоя мать-родина.
По пророчеству да нострадамьему,
Всех, кто любит меня, ждут страдания.
И вовне враги, и внутри враги
Пропадёшь со мной, лучше прочь беги.

— Куды бечь мне ногами ватными?
Упыри прикинулись сватами,
Вдоль дороги — мёртвые с зетами,
Только крысы шуршат газетами,
А старуха с корытом колотым
Машет флагом с серпом и молотом.

— Миру — мир и прочее возрождение.
Сыру — сыр в мышеловке освобождения,
Пирру — пир за победу, без возражения.

— Чуру — чур, проклятое наваждение!

Листья

Новые листья не помнят опавших,
Свежая жизнь — добра.
Новые листья не знают о ставших
Пеплом, золой костра.

Новые листья, кленовые лица,
Соки зелёных жил,
Клейкое детство длится и длится —
Счастье длиною в жизнь.

Новые листья, новые травы
Сумеречных садов —
В них до поры не заметны потравы
Гусеничных следов.

Но неизбежно время подкосит —
Август, рубеж, межа.
К листьям уже приближается осень —
Глина, лопата, ржа.

Жёлтые листья жалеют о павших.
Свежая боль — остра.
Падают листья, торопят отставших...
Пепел. Зола костра.

Танец маленьких лебедей

Позолота пооблупилась, матом покрылся глянец
Кассандра бьётся в истерике: Быть беде!
Кобра торнадо свёрнута бурей в стакане
Курсом на айсберг тупо идёт Титаник
И начинается танец танец танец
Чёрных маленьких лебедей

Вот ведь какие выкидывают колена
Ударить примериваясь слегонца
В говорящую голову подземного плена
В третьем Риме падают звёзды не-Вифлеема
Чёрный дрон врезает по куполу шлема
И это реально начало конца

Яна КАНЕ

Противостояние

*Такие грянули времена —
Стихи отказываются от своих поэтов.*
Сергей Круглов

Порой стихотворение безрассуднее поэта.

Поэт, быть может, хотел бы пройти на цыпочках
мимо безумных зверств тирана,
писать лишь о муках
несчастливой любви,
о трагедиях, сотрясавших
дальние империи древности.

Но стихотворение вспыхивает,
вырывается на волю.
встаёт на пути полчища варваров,
швыряет ворох окровавленной детской одежды
к высоким воротам дворца,
раскалывает каменную маску режима
словом, клеймящим его на века.

У поэта обморок от испуга всякий раз,
когда стихотворение произносит свои строки при людях.

Голос стихотворения набирает силу.
Оно влечёт других поэтов к игре с огнём.
Оно соблазняет и вербует переводчиков,
и они дают ему слово на иностранных языках,
создают его оплоты в дальних странах.

Приходит день, когда стихотворение рыдает,
посыпая себе голову пеплом
своего принесённого в жертву поэта.
Оно проклинает власти, глядя, как читателей
избивают и бросают за решётку.

Но притом стихотворение становится всё более дерзким.

Оно борется за выживание, вопрошая:
а иначе, какой смысл в языке?
Оно утверждает, что у него нет иного пути.

Его строки проникают в сознание
не только романтиков и книжечеев,
но и людей, которые стихов-то не читают.

Когда, наконец, стихотворение и тиран
станут лицом к лицу,
с хищным рычанием:
я переживу тебя,
то может показаться, что звучат два эха
единого голоса.

Прислушайся:
Лишь одному дано говорить правду.

Зодиак

Под словами, под немотой —
Пласт иной, безымянный и тайный.
В нём пространства и времени нет.
В нём лишь россыпь созвучий случайных
Вдруг слагается в зодиак,
В звёздный рой негасимого света,
В хоровод, что струится вокруг
Погружённой в сумрак планеты.

Сердце зимы

Отпусти меня в самое сердце зимы.
Настежь дверь распахни мне в полночный мороз.
Тебе страшно, что там, за порогом, лишь мгла.
Ты не веришь, что воды непролитых слёз
Замерцают снегами в сиянии звёзд.

Ты не знаешь, что в памяти я сберегу,
А что брошу, как мёртвые ветки, в огонь.
Всё равно отпусти. И как выкуп, как дар,
Серебро зимней ночи пусть примет ладонь.

Пустота ли, простор ли — всё это одно.
Пусть в дороге моей ты не видишь пути,
Всё равно на прощанье благослови.
Не жалею. Не тревожусь.
Пора.
Отпусти.

Чужая смерть

Иногда ко мне в гости приходит чужая смерть. Я подаю ей чай. Чужая смерть пьёт чашку за чашкой, медленно мажет свежую булку апельсиновым джемом. Разомлев от угощения, она постепенно становится раскованнее и общительнее и полностью завладевает разговором.

Она любит рассказывать о своей работе, о своих, как она их называет, «клиентах». Чужая смерть приходит в возбуждение, жестикулирует, много смеётся (у неё удивительно ровные зубы), раскладывает на скатерти печенье и сахарные кубики, чтобы пояснить ситуацию и точнее передать расположение действующих лиц. Я вежливо поддакиваю, а между тем волосы у меня на затылке шевелятся и норовят встать дыбом. Она говорит и говорит, а я всё киваю и киваю, как фарфоровый болванчик. Дело в том, что я надеюсь, что однажды она заговорится и опоздает на работу, собьётся с графика, пропустит кого-нибудь по списку, а там уж будет поздно навёрстывать упущенное.

Но каждый раз она вовремя спохватывается и начинает собираться. Я пытаюсь уговорить её не торопиться, выпить ещё чашечку. Нет! Тон её резко меняется, становится сухим и официальным. Она быстро прощается, берёт свой чемоданчик и уходит.

Я убираю в буфет банку с ненавистным джемом и долго слежу из-за занавески за удаляющейся тенью. Меня душат злые слёзы бессилья.

Галина ИЦКОВИЧ

Александр Иванович

Павану на смерть инфанты наиграл одним пальцем
И подарил мне самую грустную музыку в мире.
В тот день я не знала, что делать с грустью.
Все подростковые беды казались бледы
Рядом с нездешней тоской. От паваны взрывается сердце,
Сладким щеночком тычется в горло.

Так разрывается сердце,
Когда украинский малыш признаётся,
Что хочет вернуться додому, к оставленной в спешке игре.
Я и сегодня ещё не готова играть павану,
Потому что в мире нет больше места чистой высокой тоске.
Сбрасывальщик ракет отобрал у нас даже это.
Осталась ненависть, чёрная, как украинский вечер периода
отключений,
как чёрный полиэтилен для известного груза.
Скажешь: «Павана на смерть инфанты», — и в горло вливается жёлчь,
Доисторический хаос кривого скриншота.

январь 2023

Московский монолог

У меня особые обстоятельства,
Большая печень, дети в начальной школе
У меня особые обстоятельства,
Куда мне в тюрьму, я с трудом на воле...
У меня особые обстоятельства,
Брат мой назвал сатрапа сатрапом.
Освободите меня от родственных обязательств,
Освободите, прошу, от правды.

Обстоятельства застревают как кости.
Полное горло костей.
В каком состоянии приходится в театр
И принимать гостей.

Либерализм загонит в тупик,
Лебединую песнь споёт дрессированное сопрано.
Фантастический мир — не у нас, а у них
(Караоке заложников-либералов).
Я награждён и предупреждён,
Строевую вчера разучили дети.
Простираются обстоятельства
Отсюда до дальней смерти.

Я на диете
 безгаджетной и бессолевой.
Меня выставляют раком,
Кормят порой дошираком.
Это мой предок, настаивая, просил,
Чтоб Моисей развернулся к ближайшим баракам.
май 2022 — май 2023

На открытие нового памятника Блоку в Петербурге

Вот город, который придумал Бог.
А это Блок,
покидающий город,
который придумал Бог.
А вот петля и верёвка, перекинутая неловко
через невидимый крюк
В доме, который покинул Блок.
А это другие поэты, которым плохо
В городе, в доме без Блока и Бога.
А вот и пуля в спину бегущему Блоку,
Который, падая, захлопывает эпоху.
февраль 2023

Ночь

Вариация на тему Р. Малика

Ночь устала вслушиваться в пасторали
Извращенца, лишенца, подлеца.
Иностранная девка с цветастым паспортом,
Ночь сбегает из-под венца.

Эхом множится одиночество
И сверкает чернильными пятками.
Чёрной чеканкой ночи
Пальцы рассвета запятнаны.

Ни худая грядя, ни летучие мыши-воровки
Не припомнят, как жили здесь до войны.
Ночь будет поймана и развешена на верёвке,
Как забытая шаль вдовы.

июнь 2023

* * *

В магазине подарков наутро после обстрела
 Муж выискивал деревянного грубо крашенного кита.
 Я немного Пиноккио, немного Иона,
 Там внутри мало места, особенно в части хвоста,
 В районе спинного
 Фонтана. Мне не хватает простора
 Большого Фонтана,
 Таинственных его станций,
 Будинка по Нежинской, бабы-дедова дома.

Не женское это дело — врагам
 Беспреданно желать мучительного конца.
 Надо быть плюралистично нежной и межсезонной,
 Несолёные слезы бегут по внутренней стороне лица:
 На середине партии мир мой меняет законы.

Всё, что раньше любила, нынче обречено.
 Где соблазну поддашься, там душу оставишь довеском.
 Только раскрутишь планету, только переплывёшь,
 Как выбивает на берег движением пробочным, резким.

Удивительно то, что мы живы и помним места,
 Где стрелялись, как правило, веником,
 Бродили в предчувствии диком.
 Я считаю себя устоявшим пролётом
 Сабанеева, братцы, моста,
 Кит считает себя недочитанным «Моби Диком».

Я его дочитаю. Атлантикой шелестя,
 Долистаю до дна, дождусь перелома, отстоя пены.
 На несломанной полке твѣр несломленного митця.
 Этот кит деревянный, он выплывет непременно.
 Одесса — Вайлвуд, 23 июля 2023

Павло КОЗЛЕНКО

* * *

Февраль собрался уходить,
но город окружён,
и март на подступах стоит,
ещё не побеждён.
И вспышки яркие огней,
увы, не солнца свет,
уже который день не спим
от выстрела ракет.
По городам гуляет смерть
от путинской орды,
желающей страну стереть
на рубежах вражды.
И длинный тянется состав,
из женщин и детей,
и паровоз везти устал,
расстрелянных людей.
И мир молчал, опять молчал,
в истории не раз
он словно нас не замечал,
у них там свой пасьянс.
Февраль расстрелянный лежит,
засыпанный снежком,
и стрелки на часах стоят
и душит в горле ком.

* * *

Чемоданы сложены
вещи упакованы
книги в полках брошены
шторы с окон сорваны
документы в папочку
два колечка в сумочку
деньги все на карточку
на дорогу рюмочку
два билета куплены
на автобус утренний
все мечты загублены
снегом двор припудренный.
Оставляем прошлое,
впереди туманное,
где же ты, хорошее?
Утро моё раннее.
Пёс соседский тявкает,
Видимо, прощается,
как ворона каркает,
сердце разрывается.
Были раньше граждане,
ныне стали беженцы,
и уже не важно мне,
кто чему приверженцы.

* * *

Девочка с розовым бантиком,
в платице с жёлтеньким кантиком,
куклу катает по комнате
в центре для беженцев в Дортмунде.

Там, во дворе Мелитополя,
с грустью остались два тополя,
дом разбомбила ракета
в августе, месяце лета.
В доме валялись игрушки,
куклы, кровать, подушки,
клетка и в ней попугайчик,
плюшевый рыженький зайчик.
«Месяц мы жили в подвале,
откуда нас дяди достали,
папа на фронте, в окопе,
мы с мамой и братом в Европе».
Девочка с розовым бантиком,
яблоки кушает с братиком,
глазками смотрит на взрослых,
с тысячей сложных вопросов...

* * *

Как я раньше любил дождь,
и вспышки молнии, и раскатистый гром
и ты меня дома с ужином ждёшь,
а я с зонтиком по лужам, под дождём.

А сейчас ненавижу раскатистый гром
и вспышки молнии, и дождь,
соревнуются по звуку с ракетой, летящей в дом
и с тревогой, которых с опаской ждёшь.

И дышалось нам легче после дождя,
а сейчас тяжелей распрямляется грудь,
мы становимся крепче стального гвоздя
и по жилам течёт раскалённая ртуть.

* * *

Сегодня деда навестил,
 решил всё рассказать,
 как внуки тех, с кем он служил,
 пришли нас убивать.
 Держу охапкою сирень
 у памятной стены
 и слышны отзвуки сирен
 сегодняшней войны.
 Мне помнится твой монолог,
 как наш народ страдал,
 и если есть на свете Б-г,
 то почему молчал?
 И ждали утренний рассвет,
 попрятавшись в домах,
 и узнавали из газет
 о взятых городах.
 Как хорошо, что не дожил
 ты до безумных дней,
 когда диктатор вновь решил
 вершить судьбу людей.

Марина ЭСКИНА

Март/2023

*На лбу высоком человечества
Войны холодные ладони.*

О. Мандельштам (1923)

То дождь, то снег, то ветер бешеный,
то — солнце, как нарцисс, приветственное;
стихами делимся, как брашнами,
среди чудовищного бедствия.

Нечеловеческое пучится,
на части рвёт тела и души
тех кто достоин лучшей участи,
и тем печальнее, тем горше.

Где год пройдёт кровавой поступью —
всех поголовно окровавит,
нарциссов не спасают россыпи,
и смерть бесстыдно ко́су правит.

Уже и откупаться нечем нам,
стыдом и страхом совесть гонит;
*на лбу клеймёном человечества
войны холодные ладони.*

* * *

Дай мне света зимнего, любого,
мутного ли, перламутрового,
дай мне луч короткого заката
в парке, где я вечно виновата,

где в любую жгучую минуту
дерево устремлено к зениту,
где кусты объятая распростёрли
всем, кому глотком сдавило горло.

Сойки дятлам криком отвечают,
двигаюсь, меня не замечают,
встану, закричат ещё сполошной,
я не ястреб, но, конечно, лишний,

к жёсткому приникнув изголовью,
белки занимаются любовью,
значит, март у нас не за горами,
что-то в этом марте будет с нами?

* * *

Осенние бабочки, стрекозы, жухлые мотыльки,
божья коровка, упавшая с неба? с ветки?
как перезимуют её пятнистые детки,
дождутся ли старики?

Сажая её, как всегда, на ладонь — лети,
она притворяется мёртвой, спящей,
осень обманывает теплом томящим,
последним у зимы на пути.

Война сжигает сердце, жжёт губы/уста,
беспомощность — новая, главная из утех,
а пепла, посыпать голову, хватит на всех,
на всех, кто горе оплакивать не устал.

Божья коровка взлетает, летит, летит,
знак ли это, что есть надежда, заступа,
у стариков будет крыша, тарелка супа,
у деток — мама с папой и аппетит.

* * *

Я давно хожу вдоль Сены, Арно, Темзы, сегодня — вдоль Тибра,
тридцать лет и три года копилась моя свобода,
на каком языке не разберу промелькнули титры,
но понятно — не лезут в воду не зная брода,
ясно всякому, кто хоть немного знаком со свободой,
кем ты не стал, оставаясь двоечником-уродом,
пелена упадает с глаз каждый раз с новым нашествием
варваров, от которого не спастись автостопом,
Рафаэлем, Караваджо, Тицианом божественным,
всё утонет в жуткой воде потопа;
чувствуешь себя, если не каином, то всё равно причастным
окаянству, и плачешь и прячешь ненависть —
всё того же зла слепую прислужницу —
за спиной мелкий бес, его неуёмная несуть
рыгает ракетами, снарядами тужится.
Тридцать лет назад Рим казался путём к решению,
смотришь на платаны, снова пробуешь быть счастливым,
но видишь не радугу завета, не свет пришествия,
а херсонскую крышу и диван, прибитый к Одессе приливом.

9 июня 2023

* * *

Ты уверяешь, что в России слишком
сосредоточены на своих замученных и убитых,
на сгинувших в лагерях, похороненных неизвестно где,
что пора оставить это позади,
смотреть в будущее, надеяться на молодёжь...
Да, но ведь Сталина не повесили вверх ногами,
он даже не застрелился, может быть,
захлебнулся в своей блевотине.
На его похоронах рыдали, предвидели конец света,
прорываясь к мощам, топтали друг друга,
правда, потом его выбросили из мавзолея,
да и то, наверное, только потому, что его там присутствие
невольно напоминало о коммуналках,
в которых ютилось счастливое послевоенное
поколение.
Ты говоришь, Англия в 16-м веке
была так же кровава, как Россия при Грозном.
Но где же наша Магна Карта?
Вот и рабство, которое чума извела в Европе в 14-м веке,
здесь ещё только маячило на горизонте,
а потом не прерывалось больше, чем на два поколения.
Мы не рабы, мы — рыбы,
плывущие в океан по рекам памяти,
пока не пересохнет последний ручей.
Да, форель разбивает лёд, раскрывается трилистник,
tristia и чётки поминают лебединую стаю,
шум времени аккомпанирует тяжёлой лире.
Мы рождены, чтобы Кафку...

* * *

я — никто,
я — щепка, отлетевшая от разбитой
оконной рамы,
нас много, щепок;
дом стоит, как эксгибиционист,
демонстрируя свои интимные части
всему миру —
кухонные шкафчики,
невымытую посуду в раковине;
нет, это поруганная еврейка,
в разодранной одежде,
бегущая, спотыкаясь, по улице,
подгоняемая улюлюканьем, взрывами
хохота/снарядов,
им обоим нечем прикрыть наготу;
сознание/память воспроизводит изображения
снова и снова
и деревенеет,
я щепка,
я никто.
2022–2023

Семён ПАТЛИС

Одесса

*... а вы ноктюрен сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?*

В. Маяковский

Мне этот город именами интересен, —
Отрада, Дюк, Пале-Рояль, Большой Фонтан...
Я пью, захлёбываясь, музыку их песен,
Держа свой морем переполненный стакан.
И, обнажённый, распростёртый, растворённый,
Я отдаю себя податливой волне,
Чтобы расплавиться, стихией побеждённый,
Растечься звуком по отпущенной струне...
И, оторвавшись от нагретого бетона,
Взлететь над городом и памятью своей —
Вновь ощутить под телом камни Ланжерона,
Услышать бас входящих в гавань кораблей,
Каскадной лестницей торжественно подняться,
На Дюка с люка иронически взглянуть,
По Дерибасовской степенно прогуляться,
В глубокий дворик, как в колодец, заглянуть...
И там увидеть отражения вселенных,
Больших далёких и загадочных миров, —
Еврейских мальчиков, с улыбкой вдохновенной
Игрой на скрипке беспокоящих котов...
Где прошлой жизнью пахнут пористые стены,
И тянет ноту медленный смычок;

Где коридоры и площадки словно сцена,
И каждый чувствует соседское плечо;
Где позывные коммунального пространства —
Три — Точиловским, два — Кнуренко, нам — один;
Где, как и море, жизнь не знает постоянства
В многообразном повторении картин...
Где утром тянет от Привоза свежей рыбой,
И тётки спорят во дворе до хрипоты...
А вот скажите, — вы ноктюрн сыграть смогли бы
На батарее, у засаленной плиты?
Летят вселенные сквозь пустоту и время,
Неся энергию первичного толчка.
И прорастает в почву брошенное семя,
И продолжается движение смычка.

* * *

У лжи короткие ноги,
Но очень длинные руки,
И очень хваткие пальцы,
И очень цепкие ногти,
И очень липкие мысли,
И очень ловкие трюки,
И очень гордая поступь,
И очень острые локти.

У правды слабая память
И неприметная внешность;
Она неудобна, будто
Квадратное колесо;
Она исчезает, если
В неё попадёт погрешность;
Увидеть её не сложно,
Но трудно узнать в лицо.

Мы правды желаем вроде,
Но миримся с малой ложью,
И даже с не очень малой —
Мы тоже готовы жить.
Такой уж закон в природе:
Бесправдье — как бездорожье,
В грязи колеи кривые,
Но можно по ним ходить.

И ходим мы так, как можем;
И ползаем и страдаем,
И падаем, если скользко,
И снова ползём в грязи
Куда колея ведёт нас,
Беспутная и кривая;
И крутимся, как умеем...
И учим детей:
— Ползи!

* * *

Два зеркала: одно глядит в другое,
И видит в нём себя, в себе, — обратном, —
Оно находит зеркало второе,
И вновь себя, и так — тысячекратно!

Тысячекратно и тысячекратно,
И кратно, кратно, кратно, — без предела.
И видно, как пространство необъятно
Внутри зеркальных плоскостей без тела!

Две сущности, стоящие напротив,
Между собой рождают бесконечность,
Хотя они конечны по природе,
Невечны и, увы, небезупречны.

Значенья не имеет расстояние;
Друг в друге отражаются упруго
Их образы, и нет им окончанья
Пока их свет направлен друг на друга.

Слова о сове

*(на дворе трава, на траве дрова,
на дровах сова, — вот и все слова...)*

1.

В чаще тёмной и густой
Проживает филин злой,
Толстый, старый, — с молодой
Раскрасавицей совой.

2.

— Филин, злой рогатый хрыч,
Ты не ухай и не хнычь;
Прилетит соседский сыч,
Принесёт в когтях кирпич, —
И тогда, на раз и два,
Станет вдовушкой сова.

3.

— Станет вдовушкой сова;
Поползёт о том молва,
Зашумит в лесу листва:
Дескать, совушка — вдова!
Как услышит пацанва,
Так пойдёт качать права!

4.

— Так пойдёт качать права
Вся окрестная братва:
И неясить с бородой,
И пугач и сыч седой, —
Будут ухать, будут выть
Будут совушку делить,
— И сипуха, и канюк...
Будет совушке каюк!

5.

На дворе стоит айва,
Под айвой лежит жратва:
Пахлава, изюм, халва,
Мёд и с брагой ендова.
Кутит и поёт братва, —
Всё на свете трын-трава!

6.

— Всё на свете — трын-трава,
На траве лежат дрова,
На дровах сидит сова,
У совы в когтях плотва, —
Трепыхается едва,
Бьёт хвостом, пока жива.

7.

— Бьёт хвостом, пока жива!
Вот и кончились слова...

Сергей КОДЕС

Русским классикам

Как спите, Пушкин, Достоевский и Толстой?
Не беспокоят озверевшие потомки?
Казалось, ваши голоса сильны и громки,
Но донести не вышло истины простой,

Что убивать людей — не самый лучший путь
Для утверждения величия державы,
И что проклятия получают вместо слав.
Не довелось вам в наше время заглянуть,

И в этом плане, несомненно, повезло:
Я полагаю, ужаснулись бы, наверно —
откуда в душах не сочувствие, а скверна,
в пустых глазах — самоуверенное зло?

Потомки ваши причинили столько слёз,
А вы писали об одной слезе ребёнка!
Мир разрывается не только там, где тонко,
Гораздо чаще — там, где сбросит бомбовоз

Свой груз смертельный на уснувшие дома.
Пилот доложит, что всё выполнил успешно.
И зло умножится в подлунном мире грешном,
Который, видимо, давно сошёл с ума...

Над городами дым тяжёлый и густой.
Вот так живём мы в двадцать первом веке...
Вы это видите сквозь сомкнутые веки?
Как спите, Пушкин, Достоевский и Толстой?
5 марта 2022

Прощай!

Прощай, хоть мыта, хоть немывта,
Любили раньше — ну и что ж?
Прощай, разбитое корыто
И нескончаемая ложь.

У вас есть всё — Петра творенье,
Сибирь, просторы, нефть и газ.
Потерянные поколения
Тиранов славят каждый раз.

Да, невозможное возможно —
Возможна подлая война,
Возможен патриарх безбожный...
Но несмываема вина.

Москва, как много в этом звуке
Вытя снарядов, свиста пуль...
Прочь! Прочь от Украины руки!
Умножьте Путина на нуль.
7 марта 2022

Приходит год, или Нерадостное новогоднее стихотворение

Проходит время не спеша
и рвётся там, где тонко...
Как хочет праздника душа
убитого ребёнка.
Никак не ведала она,
жить собираясь вечно,
что грянет подлая война,
а жизнь хрупка, конечно,
что не раздастся больше смех,
не распахнутся крылья.
Как много, слишком много тех,
кто так и не пожили...
И вот приходит Новый год
под свист, под грохот взрывов.
Пусть будет трижды проклят тот,
кто возжелал спесиво
чужие земли отобрать
и сделать их своими.
К нему подходит слово «тать» —
не прозвище, а имя.
А те, кто на его призыв
построились в когорты,
убит ли, ранен или жив, —
у Бога в списке мёртвых,
пусты их души, и глаза
закрыты чёрной плёнкой,
на них не действует слеза
убитого ребёнка.
...Приходит новый грозный год,
в котором изуверам,
пришедшим из гнилых болот,
воздастся полной мерой.

30 декабря 2022

Пыльными дорогами забвения

Пыльными дорогами забвения
Вдаль уходит древняя культура.
Что титаны написали сдуру —
Взлёты духа, мысли откровения,
Книги, ноты — всё в макулатуру.
Классики становятся ненужными,
Исчезают школьные программы.
Истины, служившие бальзамом,
Шедшие дорогами окружными,
Заблудились либо стали хламом.
Что казалось вечным и незыблемым,
Перед чем века благоговели,
Расползлось в течение недели.
Мудрецы унылы и пришиблены.
Лишь певцы, что раньше сладко пели,
Продолжают с нотами фальшивыми,
И чем дальше, тем звучат ужасней
Наскоро придуманные басни...
...Господи, хвала тебе, что живы мы.
Будем верить — солнце не погаснет.
9 июня 2023

Жизнь — между

Если бы имел машину времени,
То, конечно, посетил бы юность.
Я весёлый, плеши нет на темени,
Стадион, ревущие трибуны,
Старые каштаны на Крещатике,
На Печерске заросли сирени,

Тысячи задач по математике,
Пять копеек в метрополитене.
Девочки как на подбор — красивые,
Мальчики как на подбор — живые.
Как и все, любил таранку с пивом я
И плевать хотел на энтропию.
Жизнь казалась долгой, нескончаемой,
Открывались и манили дали.
Сколько было планов, сколько чаяний...
Всё сбылось? Наверное, едва ли...

Мог бы заглянуть сейчас в грядущее,
Десять раз подумал бы сначала:
Вдруг опять там бомбы, землю рвущие,
Беженцы ютятся на вокзалах
Да всё те же сводки, крови полные,
Вой сирены, жуткий свист снарядов,
В небе — след ракеты ярче молнии,
В море — серых крейсеров громады...

Вся надежда — лишь на настоящее,
На победу сил добра надежда.
Вот на них-то и молюсь всё чаще я...
Прошное... Грядущее... Жизнь — между.
17 июня 2023

Ирина ХЕНКИНА

* * *

А мы живём в конце времён,
Живём в конце времён.
Низринут нравственный закон,
Культе силы вознесён.

А на войне, как на войне,
Где кровь по оптовой цене,
Отбрось к чертям частицу «не»
И совесть выкинь вон.

За что сражаешься, солдат,
Взломав чужую дверь?
Ни стар, ни млад тебе не рад,
Совсем не рад, поверь.

А жизнь — одна, всего одна.
Пылает яростью война.
И чашу горькую до дна
Тебе глотать теперь.

* * *

Простая ткань основы естества
Залатана, заношена, помята.
Из новой, появившейся когда-то,
Перелицована уже не раз, не два.

И, на потребу новым временам,
Ещё вполне приличная снаружи,
Пусть ветхая, она ещё послужит.
А что с изнанки — недоступно нам.

* * *

Расплескались по небу
Облака пушистые,
Разбежались по морю
Яхты серебристые.
Ласточки да вороны
На четыре стороны,
Лесом, полем — всё равно —
Счастье с грустью поровну.

Гадано — не гадано,
Видано — не видано,
А всего, что надобно,
Понемножку выдано.
Радости — напёрстками,
Искрами да блёстками,
Остальное — горстками,
Острыми да хлёсткими.

Убегает тропочка,
Вьётся, извивается...
Отступает прошлое,
Но не забывается.
Время крутит мельницу,
Жернова вращаются.
Горе перемелется,
Радость обещается.

Горлицы да соколы,
Низко ли, высоко ли.
Счастье волоокое,
Что ж ты бродишь около?

* * *

Тиха мелодия стиха,
Она почти неразличима —
Так тают в небе облака,
Так серебрится струйка дыма.

В туманных сумерках души,
На самом краешке сознания
Мотив чуть слышный мельтешит
Бесплотной тенью узнавания.

И на незримую струну
Слова слетаются, как птицы,
И нарушают тишину,
Пытаясь в строчках угнездиться.

Как в чистом поле васильки,
Что между травами мелькают,
Мои несмелые стихи
Из слов обычных вырастают,

И, как простые сорняки,
Торят свою дорогу к свету,
И, всем сомненьям вопреки,
Растут, не ведая об этом.

* * *

Ничто не вечно под Луной,
ничто не вечно.
А жизнь игрушкой заводной
шумит беспечно.
Нам всем положен проездной,
но от конечной
душе идти уже одной
тропою Млечной.

Пока наш поезд не ушёл,
пока мы вместе,
не прячьте рукописи в стол,
слагайте песни.
И, если есть о чём сказать,
зачем смущаться?
Потом совсем не нам решать,
чему остаться.

А что уйдёт в небытие,
как лист осенний...
Пой о своём житье-бытье,
мой современник.
Смотри — выводит соловей
свои рулады,
он не замечен средь ветвей,
но звукам рады.

Крутая времени река
так быстротечна.
Ты разогрей своё «пока»
теплом сердечным.

И, как весною соловьи
поют, хмелея,
пой о разлуке и любви,
слов не жалея.

Ты растряси, перебери
свои архивы
и с нами вслух поговори,
пока мы живы,
Не надо думать на века
и всё итожить,
но вдруг кому-нибудь строка
твоя поможет.

Виктор ЕСИПОВ

* * *

Мы живём, мы всё-таки живём
под угрозой ядерной развязки —
голуби воркуют под окном,
предаваясь неизбывной ласке.

Нипочём им эти времена,
с разума слетевшие витии —
из России льётся в мир война
и летят ракеты из России.

В прошлом ли, сегодняшняя близь —
русская надрывна балалайка,
но не сможет уничтожить жизнь
эта обезумевшая шайка.

Потому за дымом и огнём,
вопреки обстрелам и ракетам —
засветло, не ведая об этом,
голуби воркуют под окном...

* * *

Серый день — как название повести,
на которой унынья печать,
так нужны позитивные новости,
только где же сегодня их взять?

Пешеходы снуют прототипами,
полдень длится, спустя рукава,
замечаешь, как в парке под липами,
словно выжжена зноем трава.

Липы — цвета чешуйки отбросили,
а листва зеленеет пока.
Серый день, репетиция осени,
облака. облака, облака...

* * *

В нашем городе дождь, дождь на Анделе и на Градчанской,
водяные потоки бурлят на стекле лобовом,
в радиоле мотив наливается грустью цыганской
и вечерняя мгла застилает простор за окном.
Снова Киев бомбят, на Шебекино падают дроны,
как забытый костёр разгорается ярче война,
нефтебазы горят и идут под откос эшелоны,
а Россия опять виртуальным величием пьяна.
И пускай дирижирует смертью кремлёвский безумец
и не страшно России, какой её ждёт эпилог,
на гербах городов украинский пребудет трезубец...
В нашем городе дождь, но плывут облака на восток...

* * *

Судно звали у Слуцкого «Глория»
и опять тянет дымом с полей —
кровью пишется наша история,
где времён не припомнить подлей.

И опять нет для радости повода
и трамвайным звонком за углом
бьёт в окно дисгармония города,
как морская волна в волнолом...

* * *

Как же ты, дружок, оказался здесь,
не из худших ведь вариант?
Постирал бельё — просушить развесь,
что и взять с тебя — эмигрант.

Что хранишь ещё из былых затей,
да из милых душе примет —
ни родных вокруг, ни былых друзей,
правда, есть ещё интернет.

И звучит над ухом чужая речь,
хоть и близкая по корням —
залетел сюда, ну и не перечь
новой жизни по пустякам.

Дом твой здесь теперь, будь ты рад-не рад,
здесь и снашивать каблуки...
Виден в створе улицы Вышеград
на другом берегу реки.

* * *

Здесь не отделаться отписками
за немудрёные итоги —
дождь, за окошком небо низкое,
да эмигранта быт убогий.

Самопризнанья запоздалые,
былые радости, проклятья —
перебираю даты старые,
как пожилые дамы платья.

Где эти воспаренья гордые,
судьбы удачливой замашка?..
На вешалке — пальто потёртое,
на одиноком блюде — чашка.

Цветы на занавеске тюлевой,
соседней крыши скат пологий...
А ты опять ко мне заруливай,
жизнь воскресив в моей берлоге.

* * *

Мир безумьем объят и пожаром,
судьбы наши горят, как бумаги —
сине-жёлтые флаги недаром
на ветру развеваются в Праге.

Ну, а там, под Бахмутом, по знаку
командир поднимает пехоту —
враг опять отражает атаку
и даёт санитарам работу.

Кровь по каскам течёт, по рубахам,
жить-то чем в обезумевшем мире?
Только верить с надеждой и страхом
в перемогу да рыскать в эфире.

Как озноб пробегает по коже,
когда Харьков бомбят на рассвете —
пусть не всем, но хоть, Господи-Боже,
помоги престарелым и детям.

Я не знаю, слетит ли к ним ангел...
Но отчаянно-самозабвенно
в тёплый вечер на площади Андел
украинец играет Шопена.

Евгения БОСИНА

* * *

Больны глаза её пустые,
и меркнет, меркнет, меркнет свет:
росинка, родинка, Россия —
теперь пространство буквы «зет».

Нельзя дышать, и нечем плакать,
и явь страшней, чем страшный сон,
а там, за ним, за этим знаком,
перечеркнувшим горизонт, —

тоска заглохшего колодца,
небес обугленная твердь,
моё вселенское сиротство,
её невидимая смерть.

Прощайте ж, серенькие кровли,
дымок над гладью ледяной,
прощай, умывшаяся кровью,
своей, но более — чужой,

прощайте, медленные реки,
снегов глухая ворожба,
прощай, так страшно, так навеки
перечеркнувшая себя

страна!

Угрюма и огромна,
ты мне приснилась или нет?

— Скажи, как звать тебя?

— Не помню.

Зови: страна на букву «зет».

* * *

Язык до Киева доведёт

Помнишь сказки, помнишь сны его,
в глубине днепровской блик?
Отведи беду от Киева,
виноватый мой язык!

Помнишь дворик с голубятнею,
звон трамвайный за углом?
Что ты скажешь, виноватый мой,
виноватый мой кругом?

Не стрелял, мол, не участвовал,
не пускал кого в расход,
скажешь, будто непричастный он,
твой причастный оборот?

Что же дышится неровно-то,
что же держишься с трудом?
Все мы, знаешь, невиновные,
все такие ни при чём...

Мой растерянный, измученный,
сам ни мёртвый, ни живой,
отведи беду от круч его,
от Софии золотой,

от Владимирской, Батыевой,
от родных моих могил —
отведи беду от Киева
из последних, может, сил...

* * *

У земли на краю, недалечко от рая —
это я.
Только знай: моя хата — не с краю,
а по самому центру, где лобное место —

ниже хлябей земных, выше тверди небесной,
на скрещенье дорог, у беды неминучей,
вся как есть на виду под звездой горячей,
над большой тишиной, раскалённой от зноя...
Слышишь: хаты моей бьётся сердце живое?
Посмотри: это я
ворожу, заклиная,
я при чём, потому моя хата — не с краю,
я при где, при когда, потому — виновата,
и болит, и кричит, и горит моя хата...

* * *

...И загудит победно медь,
звезда падёт на дно криницы,
но тот, кто сможет уцелеть,
вовек не сможет возвратиться.

Мы навсегда на той войне —
среди погибших и пропавших,
в её песках, её огне,
в подвалах, сыростью пропахших,

в её расстрелянных домах,
в составах, едущих на запад,
и вместе с нами — боль и страх,
и этот запах, этот запах...

Умрёт и вырастет трава,
а время шло — и вдруг застряло
в проклятом номер двадцать два,
пропахшем кровью и подвалом.

* * *

Падает зёрнышко в тёплую пашню,
звук разрывает мёрзлую тьму...
*Lux in tenebris** — и больше не страшно,
lux in tenebris — и быть посемену!

Быть посемену, ибо как же иначе?
Быть посемену, ибо что же потом?
Как небосвод нынче ночью прозрачен,
как же он светится, тёмный твой дом!

* *Lux in tenebris* (лат.) — свет во тьме.

Обла, стозевна, нема и огромна,
тьма наползает, смыкается круг,
lux in tenebris: пожалуйста, помни!

Просто скажи — обязательно вслух,
просто иди по невидимой кромке,
снежному облаку, божьей росе.

— Lux in tenebris.
Но только негромко,
тихо-претихо, чтоб слышали все:

ветер колышет беззвёздное знамя,
тени плывут по высокой воде —
там, где вот-вот затрепещет над нами
lux in tenebris.
А дальше — везде!

Вячеслав РАССЫПАЕВ

МХ-609

Пупсик-негритосик, синее ведёрко,
пара самосвалов, мячик да совок.
Детская площадка — милая поддёрвка.
Шквал воспоминаний... Только что с того?

За условной бровкой — тачки покрупнее,
и глядишь — малявка с трёхэтажный дом
прибежит за ними, взором кровеня —
шагом марш искать «Альмеру» за щитом!

Сломанной скамейке пропою сонату,
котика пустышкой с маком покормлю —
режиссёр махнёт рукой и скажет: «Снято!»,
несмотря на волны крови по рулю.

Дабы не сломать качели и беседку
пышной пятой точкой, просто похожу
против строгой стрелки — да увидят все, кто
колкости да козни прятал под кожих.

Холодно, собака, на котов пригретых
со скамьи глазеть весь офисный ланч-брейк.
Запросто б свернул в шестнадцать к сигаретам —
соскользнул к пластинкам в девять, как на грех.

Их бы повтыкать в песок вот этих спаек
деревянных балок, как дренажный шлак!
Там, глядишь, потоп, от бухты отступая,
даст понять, что вновь надежд пора пришла.

Не приходит драться пупсик-монголоид
за зелёный «Форд» со сдутым колесом.
Этот островок — застывшее былое,
в чьи собачьи будки опоздал масон.

Теребит сквозняк размокший в луже мячик,
сахаром врастая в снежные блины,
а меня всё ждёт, всё ждёт курорт штормящий,
где мечты на скалах запечатлены.

МХ-614

Файлообменник хранил это видео до среды.
Нет, не верблюд я и не крокодил, но мертвы суды.
Эхо разнеженное адвокатское «Ты ж водил!..»
вносит деталь: это был другой крокодил.

Там были речка, дорога сквозь травы и облака;
там мне никто не мешал разговором про Колобка.
Всё — как на светло-лазурном глазу слюдяной волны —
вслед лишь махали ручонками шалуны.

Пелось, простите меня, маяки — виноват апрель,
что занесло направляющей бровкой меня в Бахрейн.
Ветер по минимуму поворачивал шланги вбок —
вот я и цел: не то что ночной мотылёк.

Полк прокуроров не сдвинется с места: глядят вослед,
будто, как Санчо, трясётся подопытный на осле.
Будто не может быть, чтоб на десятке шестом пацан,
люльку покинув, прошёл марафон до конца.

Надо скачать было, но, как всегда, то еда, то сон —
чаще дневной, потому что душа уступает трон
более резвому и энергичному сорванцу
на перекрёстке Юрмал, Ялт и Пицунд.

То вам не День энергетика или зелёных змей —
то подтверждение зрелости гербовых клякс честней.
Масса камней отлегла от истёртого дневника,
и укатила болезная в облака.

Курсы наездников — это как церковь: ходи, плати...
Если сверхцель — ты уже обречён не лажать в пути.
Как со сцеплением возьятся гаврики — твой ли пункт?
Я пролетал километр за пару секунд.

Рожки да ножки полуденных зайчиков четверга
тают в котле накануне бесцветного вечера.
Звёзды отметили: вторник был просто неизгладим —
или не звёзды, а вторичный крокодил.

МХ-626

— Кто яички для Настеньки съёс?
Хлоп глазами — кто, кто... «Тётя Лиза».
В восемь лет. Налицо весь вопрос
забубённого либерализма.

Я ж не видела, мол, октябрят —
значит, не было их. Всё по нотам.
Не глотала метилбутират,
но — успеется. Задней субботой.

На диван — и туда, по волнам
беспокойных антенн пряморогих.
«Ну, Китай же напал на Вьетнам!» —
просто так. От глухой безнадёги.

Да, в диковинку были следы
зимних шин толстозадого джипа
по безбрежьям моей резеды
после копоты проб и ушибов.

Я ж не знал, что противник готов,
да ещё на моём газолине:
местность грустная. Сдержанный торф.
Безопасность до первого ливня.

Но и ушлому под резедой
можно плавно сместиться в болото —
да уймут мой токсичный задор
фумигаторы от самолётов.

Зависть Настенька видит — и всё.
Хоть и опции нет этой больше.
Кто там правильно соотнесёт
уговоры кафтана с галошей?..

И имеем теперь мы такой
симулякр мирового курорта,
что о луге, где мир и покой,
надо спрашивать Волан-де-Морта.

Валерий СЛУЦКИЙ

* * *

Время проясняющих потерь
Тех, кого утрачивать не жалко —
Падших разумением теперь,
С кем неловки спор и перепалка.

Думалось до первых трещин льда,
На реке времён стоим едины
С ними, чьё безумие (куда?)
Сносят оторвавшиеся льдины.

Нет, известно, мчит теченьем вниз,
О пороги давит, бьёт и режет,
В тот провал, над коим чад навис,
Вопли муки и зубовный скрежет...
24 сентября 2022

* * *

Монстр берёзовый с хваткой вампира,
За каким по чинам упыри,
Без которого, якобы, сирот
И которого ради умри.

Покидая места дорогие,
Хлеб не с теми, с кем рос, преломив,
Понял явственно: нет ностальгии,
Ложь — «Отечество», «Родина» — миф.

Пусть не всюду как ждалось встречали,
Где скитания ни заверши,
Что любил — достоянье печали,
Грусть о бывшем — пространство души.

Вне угроз, вопреки укоризне
Здесь пристанище, мир твой, земля,
Озарённая святостью жизни —
Быть, бессмертность с другим разделя.
25–27 февраля 2023

* * *

По жизни из запомнившихся фраз
Одна, как путеводная звезда:
Не я, так кто? И если не сейчас,
Когда?

Ячейками злопамятного сита
Отсеивая добрые дела,
Оправдыванья память отмела.
И только в чём повинен не забыто.

Не я, так кто (не дал себе труда)
Мог различить страданье и причуду
Равно понять, где прихоть, где нужда...
И если не сейчас прощённым буду,
Когда?
17–18 февраля 2022

* * *

Сознание — ясное дело,
Вселенская ёмкость ковша.

Ни пауз, ни линий предела.
Иное — в зарёберном тела
Попутчица сердца — душа.

И ей, как в трансконтинентальном,
Сочувственно скажет сосед:
Де, общая выпала даль нам,
Реальная ты или нет.

По-своему пусть нелегко нам,
Сближает сердечный недуг
С тобой, эфемерной, в вагонном
Двухместном под стук-перестук,

В каком твои беды-печали,
Признанья «в ладу-не в ладу»
Успею дослушать едва ли,
Поскольку я раньше сойду.
29–30 октября 2022

* * *

С пистолетом, ненужным покуда,
Сейф, над коим, изысканный столяр,
Не в пример (рукотворное чудо)
Боевому — дуэльный пистоль.

С дуговой рукояткой вещица,
Молоточным захватом кремня,
Он к тому, чего нет, приобщиться
Призывает, волнуя меня.

С безобидной глазницею дула,
Шестигранною ковкой ствола...

Лишь дознайся — была и минула,
Та реальность иль быть не была?

Кто им целил в стоящего боком,
Где отмерен шагами барьер?..
Знать о том, чего нет, и далёком
Может с точностью лишь легковуер.

Не рождается истина в спорах,
Назначение версий — отпасть,
Кроме ясности — вспыхивал порох,
Как задетая искрою страсть.

30 октября 2022

* * *

Разменянная мною на слова
В служении прорывам и застоям,
Реальность предсказуемо нова,
В которой событийная канва
Подобна примелькавшимся обоям.

И есть второй, творимый ею пласт,
Под зыблущейся ровностью течение,
Влекущее туда, где жизнь воздаст
Усилю понимания: цель — балласт.
Нет «смысла жизни» — лишь её значенье,

В каком добро и зло, как мир теней.
Лишь — ясность, восполняющая цель нам
Любовью и равно стремленьем к ней
В единстве неслиянно-нераздельном.
16 сентября 2022

Сергей ЯРОВОЙ

— ИЗ ДОВОЕННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ (1993–2000) —

Манифест

Нет, ты не понимаешь. Я — бессмертен.
Я врос в тысячелетия Китая.
Я — основание искусства каллиграфа.
Я — обезглавленный в Пикардии Сент-Квентин.
Ионою прошёл нутро кита я.
И не было изящней в мире графа,
Чем я. Я отдал каждому столетью
Себя всего, бессмертье стало былью:
Я — бытность и развалины Помпеи,
Я — лошадь, истязаемая плетью,
Кровь, придорожной впитанная пылью,
Тень шудры в душном мареве Бомбея.
Я первым стал в истории поэтом,
Качая на руках прачеловека,
И что мне ваш Гомер и ваш Вергилий!?
Сирены ветреные пели мне дуэтом.
Я — хмель пчелы, отравленной от века
Тяжёлым ароматом диких лилий.
Я многократно эхом гор умножен,
Неотличим от горного тумана.
Я — отражённый в росах день Вселенной.
Я — тонкий меч, струящийся из ножен,
В горах Китая вскрик печальный обезьяны.
Я золотою нитью драгоценной
В ковёр судеб вплетён был Абсолютом.

Мой жизни путь был в небесах начертан
Я — светоч, освещающий Дорогу
Большого Взрыва праздничным салютом.
Теперь ты понимаешь? Я — бессмертен.
И все мы изначально равны Богу.

* * *

И в числах, и в словах я вижу отраженье
Миров бесчисленных, которым нет конца,
В них всё — любовь, победа, поражение,
Сраженье, гнёт лаврового венца,
Желание, имение, хотенье,
Бессмысленность и стыд, и яркий дар,
И поиски Пути, и тьма сомненья,
Восходы, наводнения и пожар.
В них мира бытие себя являет,
Они же создают новый свет,
То зеркало, в котором отражает
Себя всё то, чего и не было, и нет.

Гуляя в парке

Иду гулять. Пойдёмте вместе!
Вы — у себя, я — у меня,
Окажемся мы в тихом месте
В прекрасной половине дня.

Там ветер липами играет,
Дубы листьями шелестят,
Там лета мёд под солнцем тает,
И радость наполняет сад

И души. Там обоим мнится,
Что мы — чем дальше, тем родней,
Там открывается страница
Обратной стороной своей.

И вот уже звучат валторны
И скрипки партию ведут,
Затем мы слушаем покорно,
Как исповедуется пруд,

Его ворчливые сомнения,
И стариковский долгий вздох,
И черновик стихотворенья,
Что наспех набросал нам Бог.

* * *

Осень, холодный ветер,
Листья ещё не опали.
То, что весной не заметил,
Вспомню теперь едва ли.

Где ты теперь, Эвридика?
Вспомнишь ли ты Орфея,
Иль журавлиным криком
Высказаться посмеешь?

Падает с неба жемчуг
Слёз журавлей печальных.
Разуму противоречу,
Веря дороге тайной.

Осень, холодный ветер...
Крик журавлей хрустальный.

Городу

В этом городе мы растворились с тобой
Средь кафе, ресторанов, прохожих, платанов,
Средь туристской толпы, муравьиной гурьбой
Потеснившей Сите, запрудившей фонтаны.

Нас Монмартр распылил стайкой белых цветов
В виде маленьких, хрупких февральских «ромашек»,
Нам на души набросив туманный покров,
Жизнь слагать приучил из богемных замашек.

Этот город впитал нас, вместив в Монсури,
В планировку английских ухоженных парков,
В Люксембургском саду, и в саду Тюильри
Наши тени прищипилив сосновой булавкой.

Этот город в плену нас оставит навек,
Приковав кандалами к Вандомской колонне,
И ни Бог, ни король, ни родной человек
Не сотрёт его линий на наших ладонях.

Мостовые квартала Латинского нам
Время жизни своей возвращают сторицей,
Мы хмельные плывём по бордосским волнам,
Кабернеет. Всплывают знакомые лица...

Зоя ПОЛЕВАЯ

* * *

Не о словах и языке
Мои несказанные мысли —
О красной почве, о реке
Несущей кровь в моря, как воду,
О том, что в самом страшном смысле,
В его проклятой наготе,
Сегодня погибают те,
Чьи нерождённые детишки
И внуки, а потом их внуки
Уж не родятся никогда.
А в море красная вода
В солёной, чистой растворится.
Где души их найдут приют?
Тех, кто погиб, не смог родиться?
В какой их церкви отпоют?
Пехота — вечный бог войны —
Сейчас какие видит сны?
май 2022

* * *

Где жертва, где палач? — лишь только вдовый плач.
Страдалица-земля. Железо — не зародыш.

Да, нынче мы равны.
Не ведая вины,
Мы разделяем всё:

Любовь и безразличье.
У каждого свои знамения и сны,
У каждого своё безумье и величье.

Да, нынче мы равны,
Почти во всём равны.
Мы делим полюса,
И выдохи, и вдохи,
Пока за поворотом не видны
Пороги разъярившейся эпохи.

Язык поблёк.
В кровавом кураже
Найдётся ли потерянное Слово?
Война идёт на ближнем рубеже.
И Небо непреклонно и сурово.
сентябрь 2023

* * *

Говорю я себе и каждому:
Успевай насладиться
Всем, что любишь ты
И чем можешь гордиться,
Всем, что пахнет цветами,
А не калёным железом,
Что не бьёт, не жалит,
Не колет, не режет,
Что щадит и греет
Душу, и тело,
Что уму и сердцу
Не ставит предела.

Но гаси огонь сразу,
Пока он слабый.
И, как Маленький Принц,
Корчуй баобабы,
Они там и тут,
Рвут планету на части,
Они быстро растут
На наше несчастье —
В них есть свой завод
И своя пружина.
Да, ещё вот:
Не забудь про джинна,
Если не хочешь упасть
С пулей в затылке, —
Закупорь его плотно
В узкой бутылке.
сентябрь 2023

* * *

Дай этим солдатам домой возвратиться,
Дай этим полям и лесам возродиться,
Дай этой земле отдохнуть, отдышаться,
Чего ж надо ждать, не пора ли вмешаться?

На битву есть битва, на силу есть сила,
Но всюду воронки, и всюду могилы.
И птицам испуганным негде гнездиться
И детям беспомощным страшно родиться.

А им-то за что? Чем они виноваты?
Но красные тучи кровавою ватой
В тревожном закате висят над ярами,
И ветер, лишь ветер пустыми дворами.

История ходит и ходит по кругу,
И люди всё так же враждебны друг другу,
И эта планета безумно устала
От дыма и пепла, огня и металла.

Вернётся ли Слово, зерном прорастая,
Вернётся ли снова крылатая стая?
Вернётся ли к зимнему солнцестоянью
Божественный свет, одолев расстоянье?
октябрь 2023

* * *

Когда никнут травы
И меркнет свет,
Все кричат, что правы,
А правых нет.
Когда дни и ночи
В огне и крови,
Повтори, кто хочет:
— Боже, останови!

Когда мир безумный
Идёт на слом,
И убийство становится
Ремеслом,
И лишь смерть со смертью
Стоят визави,
Повтори, кто может:
— Боже, останови!

Если видишь, дело
Идёт не так
И устало тело,
От сплошных атак,
Если в сердце ноют
Пустоты любви,
Повтори за мною:
— Боже, останови!
октябрь 2023

Вадим ГРОЙСМАН

* * *

Боже правый, погляди,
Сколько в городе убитых,
Что за камни на груди
Затрудняют вдох и выдох!
Каждый день огонь и дым
На разрушенной планете.
Не могу пойти к живым:
Мертвецы мои — как дети.

Эти люди из Днепра
Не дают уснуть мне ночью
И до самого утра
Под окном моим топчут.
А при резком свете дня
Тени их к заборам липнут.
Я боюсь, что без меня
Снова все они погибнут.

Снятся краденые сны
И душа не заживает.
В это время не бывает
Отключения войны.

* * *

Год прошёл, считая всё в дому,
Не давая отдыха уму,
День и ночь восстали брат на брата,
Потому что все теперь должны
Есть и спать по времени войны,
По пустой воронке циферблата.

В зимнем небе не видать врага.
Слушаю, как эта ночь долга,
Как темно на звёздах и планетах.
Вот она пришла на мой порог —
Тьма, которой молится стрелок,
Убивая стариков и деток.

Ангел, разрешающий войну,
Я ещё на смерть твою взгляну,
Кровь и перепутанные перья.
Перед тем, как плыть на твой маяк,
Я смогу заплакать, как дурак,
Потому что вспомню, что не зверь я.

Год войны

В надгробья превратились наши лица,
Окаменели от тоски и слёз.
Кто страшного суда теперь боится,
Кто в муки ада верует всерьёз?

Ну, может быть, ещё найдётся кто-то,
Кого страшит подземный водоём,
Но у меня теперь одна забота —
Самим собой предстать перед судом.

* * *

Было время — мы Норштейна
Слушали благоговейно,
И казалось, что под маской
Наша жизнь осталась сказкой,
Что старательный чиновник
Пишет крестик, а не нолик,
Что простые сны, как реки,
Наполняются навеки.

Но, запущенная кем-то,
Понеслась другая лента.
После каждого отрывка
Льётся кровь, а не заливка.
И от праздничного Крыма
Поползли полосы дыма.
Много в мире всякой дряни.
Мы, как ёжики в тумане.

* * *

Если годен ещё для чего
Слабый мой, исчезающий голос,
Я теперь поднимаю его,
Заступаясь за Катю Марголис.

Потому что, покуда война
Убивает, крадёт и калечит,
И душа человека должна
Не искать себе ноши полегче.

Но для честных, достойных ребят
Эта боль оказалась некстати.
Всей толпою они норовят
Защититься от имени Кати:

Колют, пилят, сгибают в дугу,
Вот ещё обозвали хабалкой,
Но спокойно на том берегу,
Где сидит Пенелопа за прялкой.

С небывалых Гомеровых пор
Всё сидит, будто птица на ветке,
И прядёт жёлто-синий ковёр
И для наших защитные сетки.

* * *

Опаляет нервы военный год,
От огня приходится нам беречься
Желтоватой пеной пирейских вод,
Заунывной музыкой Междуречья.

Утешает — из наших трущоб и дыр
Наблюдать государственную забаву:
Древний царь объявляет всеобщий мир
Ради брака обильной богини Бау.

Сколько славы! Но видно, не тот эон,
Чтобы мирно плакать и веселиться.
На прекрасный город со всех сторон
Наступает конница ассирийца.

Прилетает яростный серафим,
Простирает крылья огня и дыма
Над пожаром Трои, чумой Афин,
Кровью праведных на помостах Рима.

* * *

Шёл где попало, холод и боль обняв,
К долгому путешествию не готовясь.
Только и помню: по городским камням
Медленно проползал муравьиный поезд.

Жил, то вступая, то не вступая в спор
С Господом запрещений и разрешений.
Перед закатом линия дальних гор
Видится мне неровной, но совершенной.

Ксения КИРИЛЛОВА

Разговор с ребёнком

И снова не дали поспать с утра...
Родная, что же ты плачешь?
Это же просто такая игра —
Что с неба падает мячик.

И вновь недолёт, и опять не в нас —
Видишь вот, мы везучие.
А это не дым и совсем не газ,
Лишь небо покрыто тучами.

Давай мы сыграем в прятки теперь —
Вон видишь, там ямка вырыта.
Я просто закрою за нами дверь,
А ты молись, чтобы выиграть...

Мариуполь

Это смерть ползёт по стене,
Не узнать её невозможно.
Тень ложится на талый снег,
Незаметно скользя к подножью;

Детский крик заглушает свист,
Фейерверком взлетают стёкла...
Смерть задумчиво смотрит вниз
И сбивается вновь со счёта.

Просчитайся — хотя б на метр!
Проскользни серой тенью рядом.
Зимний воздух горяч и светл
От летящих вокруг снарядов.

Мы теряемся в пустоте,
Исчезаем в подвальной нише.
Вот уже не осталось стен,
Только смерть, как и прежде, ищет,

Тянет пальцы свои в окно,
Задевая косой ступени.
Мы виновны пред ней в одном:
В том, что мы родились «не теми»;

Не склонив своей головы,
Не скормили страну убийцам...
Мы, наверно, уже мертвы,
Мы теньями скользим по лицам.

Город-призрак, город-герой,
Закопчённый в костях и тлене!
Мы в тебе прорастём травой —
Самой первой травой весенней!

Мы родимся в твоих цветах —
Одиноких цветах на саже,
Мы впитаем всю боль и страх,
Сквозь века про неё расскажем,

Чтобы пришлые палачи,
Оккупантов трусливых банды
Нас встречали потом в ночи
На осколках своих снарядов.

Чтобы видели в каждом сне
День, когда к ним придёт квитаться
Смерть, ползущая по стене
И считающая на пальцах.

Днепр
(Яблоки на столе)

Не о чем тут жалеть,
Плакать и хмурить лица.
Яблоки на столе —
Признак гостеприимства.

Счастье почти сбылось,
Нужно делиться счастьем.
Здравствуй, незваный гость!
Что же ты? Угощайся!

Чаю тебе нальём
Так по-девичьи щедро,
Будем сидеть вдвоём,
Ждать у плиты обеда.

Кухни простой уют,
Пыль залегла местами...
Правда, что нас убьют?
Правда, что нас не станет?

Глупости, ерунда!
В праздник нет места злобе.
Если не хочешь ждать,
Яблочек хоть попробуй.

Как же они вкусны —
Сочные, наливные,
Словно нигде войны
Нет на земле отныне;

Только зима и свет
Долгой январской ночи.
Ну заходи, сосед —
Вечный сосед восточный!

Помнишь, весна цвела,
Почки уже набухли,
Мама тебя ждала
Вот на такой же кухне

Несколько лет назад.
Было вчера как будто:
Яблочный аромат,
В вазе намыты фрукты,

Лестницы и дома,
Дворик, полоски света...
Так не в свою ли мать
Ты направлял ракеты?

В то, что ещё вчера
Верило и мечтало,
В кухонный тёплый рай —
Храм из плиты и чая;

В то, что цвело, росло,
В детский снежок в сугробе...
Яблоки над столом
Высытятся, как надгробье.

Ольга ШЕНФЕЛЬД

Иудея

1.

Отары зелёных ягнят на холмах Галилеи
Средь палевых, белых, застывших на веки веков.
Здесь славили пеньем Рахель, Шуламит, Саломею —
Прохладные кудри, стада смоляных завитков.
Здесь лиру роняет Давид, вспоминая о сыне,
И тает на солнце мгновений бессмысленный сор,
Здесь рыцарям круглых столов Иудейской пустыни
Всё грезится чаша — но синяя чаша Тавор.
И рыжее Акко, и рыжее Яффо. Осады,
Чумные костры, миражи на жестоких волнах.
Над пеной их снов кораблём проплывает Масада
В пастушеских, царских, солдатских разорванных снах,
Летающая в небо горячеей, крошащейся галькой
Змеиной тропы, в ожерелье больной бирюзы.
Здесь каждая кошка впервые рождается чайкой,
И помнит латынь, и ничуть не боится грозы.
Изломанный Негев — из золота, мела. Барханы
Молочным и черным густым шоколадом полны.
Зелёная лента и медный хребет Иордана,
Где сны, разбиваясь, вливаются в новые сны.
Всё детские игры — нелепое «верит-не верит»
Для тех, кто увидел, для тех, кто познал наяву:

Однажды Машиах пройдёт сквозь ворота Кинерет —
Пред кем же иначе такую стелить синеву?

2. Цфат — Яффо — Иерусалим

Из города полнолуныя,
Рождённого белоснежным,
От рыжей луны щербатой,
Крошащейся звёздным щебнем,
От кованых гибких ставен,
Чей цвет полуночный нежен,
Где чёрен и бел учебник —
Видений и снов учебник

Сквозь город солнцестоянья,
От меди его и бронзы,
От гибкой лазури ставен,
Солёной на вкус и ошупь,
Где бродит гортанный говор,
Где ветер рисует розы
И в каждом обломке щебня
Торговая скрыта площадь

По лесенкам, закоулкам,
По рыжим и белым плитам,
По синим без ставен окнам,
По гальке и щебню речи
Восходим туда, где солнце
С луной воедино слиты,
Где свет отражён и собран,
Где свет сотворён и вечен.

3.

В Риме, Элладе не кипарисы — свечи,
Мрамор зеркален, камни белы от чаек...

Перьями кипарисов здесь пишет вечность,
Здесь над волнами кошки кричат печально.

В Риме, Элладе время течёт как воды —
Память о ночи, память о новом утре...

Здесь — в Иудее — терпки дары свободы.
Время сжигает лица, ласкает кудри.

Здесь — в Иудее — воздух пропитан болью,
С болью рождаются, в боль до конца не верят.
Мрамор, прозрачный и колкий, разорван солью,
Соль разбивается о кесарийский берег.
Боль примелькалась, от боли не умирают.

В Риме, Элладе слово навек застыло,
Гладок на ощупь мрамор чужого рая...

Здесь кипарисы — перья и ночь — чернила

Июнь. Поток сознания.

В век кровавый, в час неправый,
Безразличный, благосклонный
В рыжих выкошенных травах
Вьётся лентой зелёной,
В жёстких выбеленных травах,
В чёрных косах, в синих водах
В век неправый, в час кровавый
За минуту до восхода?
До заката? Небо ясно.
Кто исчислит, кто проверит?
Льёт расплавленное масло
На окованные двери,
На колючие бойницы,
На бесчестье хитрых уний,

В воспалённые глазницы
Льётся золото июня.
На бессилье и бесчестье,
На обугленные склоны,
На зелёные предместья
Эгоистов и влюблённых,
На прохладные подушки,
На горячие извивы
Столь жестоко равнодушных,
Сколь безоблачно счастливых.

* * *

Рыжий шут рукою смуглой
В цыпках, колких заусенцах
Вдруг проникнет под кольчугу
И толкнёт, не глядя, сердце.

К рыжей, солнечной подруге
Уходи — чужой, незванный.
А на сердце три кольчуги
И четыре рваных раны.

* * *

Мы четвёртого сословья,
Мы по низшему тарифу
Между кровью и любовью
Нет другой, невинной рифмы.

Моря флейты и гобои,
Пальцы в кружеве приборя...
А ещё рифмуют с болью,
А ещё рифмуют с боем.

* * *

Блик безоблачного лета,
Мимолётный морок тени.
Жар железного браслета,
Жар жаровни, жар ступени.

Сноп лучей, как ворох ниток —
Ариадна, сказка, где ты?
Холод чёрного гранита
Даже самым жарким летом.

* * *

Под чугунные лафеты
Подстели соломку быта.
То ли песня недопета,
То ль уже полузабыта.
Будет осень, будет сырость,
Будет всё, о чём мечталось.
Нам с тобой дана на вырост
Драгоценная усталость —
Окунуться в сон как в счастье
Под сухую трель цикады
И не рвать себя на части,
Не терзать в преддверьи ада
Или рая, или просто
Пустоты, нирваны, бездны.

То ли пенье не по росту,
То ли песни бесполезны.

Саша КАЗАКОВ

Мне бы немножко свободы

Мне бы немножко свободы, и денег к ней,
Тоже немного, чтобы им не служить,
Чтобы тратить их на — чёрт с рифмой к «ней» —
Дорогу — туда, где земля от любви дрожит.

Где прикоснёшься к пальцам — и пропал.
Где тебя ждут сегодня — ждут много тысяч лет —
Ты это знал, ты это точно знал —
Деньги в окошечко кассы — «Мне билет!»

Не выбирай пути — путь выбрал тебя —
Так что доверься всем поворотам смелей.
Вот и трамвай подлетел, как в прошлом, скрипя,
Дверь распахнул и подножку приставил к ней.

И пусть он железный, скрипит и бег его
Только по рельсам — какая свобода тут?
Но и побег твой к свободе не озорство —
Какая свобода, ведь столько столетий ждут...

Мне бы немножко свободы — добраться туда —
Руки сложить, и на колени упасть.
Вы меня ждали? Сегодня? Ну вот он я!
И поплывёт под ногами земля — поплывёт опять...
октябрь 2017

Чудо

Когда вода становится вином,
буханка хлеба кормит рать голодных,
по просьбе сына — он спустился в дом,
построенный отцом —

тогда
нам нужен ум холодный,
чтобы увидеть дом, как храм господний:
где виноградная лоза дарит вино,
где сладость фиг, и финики на пальмах,
где чудо жизни в дереве простом,
и где в сосуде тела мы несём
вино творения...

Пусть ум холодный очистит, оживит
язык чудес:
лоза и пальма, птицы, звёзды,
человек.
19 марта 2023

Не трожь (окрик себе)

Не трожь! Сказал, не трожь! — Не трожь!
Там чёрный хлеб и соль, стакан и грубый нож;
Там накопело в зле добро — в словах слюна;
Там всё никто, там всё ничто — и там луна
Красна как кровь, там ночь черна, но тени в ней,
В задворках памяти, растут ещё черней;
Не трожь! И не ходи туда! И не ищи
Ключей к святым местам, замкам — в яйце ключи,
В былинах — тех, что ты читал и страх копил,
В истории, что без зеркал, где сорок жил

Привязывают к той земле, где был рождён;
И грех помыслить о себе, и там закон
Прост как кулак, как Царь, как Крест — не утаишь...
Не трожь, и не ходи туда, стой где стоишь!

2016

Виноградник

Рук твоих он ждал всё лето —
Рос и спел,
Гроздья пальцами тянулись —
Он трезвел,
Понимал, что он лозы плод,
Плод любви
Виноградаря и солнца...
Бог творил

Его в память райских фруктов,
На просвет
Он прозрачен был — янтарный,
Спелый цвет.
Рук твоих он ждал с надеждой,
Как пострел.
Помнил как теплы ладони...
Пальцы грел

Он твои всем жаром лета,
И потом
Целовал лодыжки, пятки,
Чтоб вином
Стать пьянящим, лёгким, свежим...
Губ твоих
Он коснётся — вот добрался —
Выпит — стих...

март 2020

Лия ЧЕРНЯКОВА

Время себе не находит
(24 февраля 2023)

Время себе не находит места вот уже год,
Час за часом и город за городом подбирает код:
Имена, семена, аккорды...
Код переходит в коду.
Вдох за вдохом, за городом город, за пядью пядь,
Непослушная строка выбивается словно прядь,
Забиваясь в рюкзак тревожный.
Всё, что будет потом — неважно.
Важно выжить, выжать из вырванных тех страниц,
Из пустых глазниц детсадов, развороченных рёбер больниц,
Капли крови и слёз, на вес по цене свинца,
Важно выстоять до конца.
Не ко времени и не к месту, не к ночи помянута будь,
Обгорелая боль мне лапы кладёт на грудь
Неприкаянным псом, потерявшим семью и дом.
Как ты дышишь — молчит в глаза —
Я дышу с трудом,
Как вода подо льдом, но всё же дышу, дышу,
Доверяю дыханье бумаге и карандашу,
Доверяю безжалостность памяти календарю,
Всё же выживем — говорю.
Тот не выдаст, а этим станем в горле как кость.
Где на божью милость находит людская злость,
Где на сточенный камень легко ложится роса,
Открываются небеса.

Небеса открываются — вверх осторожней гляди,
Небеса открываются — ветер гуляет в груди,
Небеса открываются — знаешь, ты не один,
Вместе выстоим. Победим.

Урок

Мы снова пишем весна, а война в уме.
Ни сна, ни любви, ни выдоха в этом слове.
Крошится доска, глухо падает на пол мел,
С камчатки смеётся смерть над своим уловом.
Испуганной птицей бьётся в руках тетрадь,
Свихнувшись, рвутся цифры в эфир из клеток.
Выводим «выжить» под диктант «умирать»,
И не замечаем кроваво-красных отметок.
За первой партой не поднимаем рук
Под шквальным огнём единственно верных ответов,
И снова читаем «враг», а выходит «друг» —
В уме не уложится, нет, не сойдётся вовеки.
Ложится глаз на прицел, палец на курок,
На пусковую кнопку, клавиатуру...
Встаём и выходим, не досидев урок —
Из тел и обломков не силясь сложить культуру —
Она не взойдёт на озимых минных полях,
Но в самой густой темноте, предрассветной, ранней
Нас соеди... разделяет Чумацкий Шлях,
И соль с молоком запеклись на небесной ране.

Маме

*Нельзя откладывать ни жизнь,
ни песню, ни любовь.*

Ариэла Марина Меламед

Смерти нет, а есть любовь и память.

Марина Тюрина Оберландер

Моя отлаженная жизнь
В стремлении к нулю
Пускай на полке полежит,
А я пойду посплю.
А я уйду тонуть в слезах,
Барахтаться в вине,
И только слов чтобы сказать:
Не плачьте обо мне.
Я — звёздным зайчиком в окне,
Улыбкой в детском сне
И первой трелью по весне,
А как растает снег,
Я млечным, солнечным ростком
И веткой на ветру...
Я маяком. Я — в горле ком.
Я больше не умру.
Но будут тучи в небесах
Таращиться хитро.
Но стрелка в бешеных часах
Крутнётся на зеро.
И я приду, ты лишь скажи —
Сквозь боль, под сердца бой —
Ведь ни на миг не отложить
Ни память, ни любовь.

* * *

А когда эти ящеры выйдут из-под воды
 Посмотреть на нас глазами смертей человеческих,
 На какой озверевшей горечи вместо речи
 Будут взорванных слов осколки входить под дых?
 На какие лады ни склоняй злодейку-судьбу,
 Опускается небо, волна подступает выше.
 Мы, обнявшись, следим с конька затонувшей крыши,
 Как минувшая жизнь проплывает в сосновом гробу —
 Никаких табу на не жестов, но плавников.
 Здесь не властен закон, здесь любовь опускает руки,
 Здесь круги разбегаются и не вернутся на круги.
 Оттолкнись и гребь без оглядки, тебе далеко.
 Пусть тебе это будет легко. Чтобы не кричать,
 Я нырну в тишину экрана — там на Ю-тубе
 Рыбы нежно блаженную память целуют в губы,
 Оплавляя печать.

Грани

Кому эта грань — война,
 кому мать родна,
 Кому эта дрянь — страна,
 кому смерть красна,
 Кто встретит её на миру,
 кто в яру, на ветру,
 кто парусом звонким сорвётся из цепких рук.
 Кому одному в поле стинуть,
 кому перейти,

До середины,
в начале,
в конце ли пути,
Кто вырвет чеку,
кто на милость добру и злу.
И только любовь затаилась и плачет в углу.

* * *

Ча-ча-ча, мон ами, со свободой на левом плече.
Йо-хо-хо и бутылка гавайского рома.
Лишь пригоршня специй в остатке.
Как ты бешено крошишь сигару, пытая, зачем.
Как заходится криком трава
От сгоревшего дома к посадке.
Это не арт-обстрел. Это панночка кличет грозу.
Это тени ползут. Это падают спелые вишни.
Это губы закушены в кровь, и всё глуше, всё выше
Поднимается сердце, оставив тревогу внизу.
Вот и вся нелюбовь. Вмиг опомнятся, кликнут врача.
Юркой змейкою пульс заползёт в нитевидные вены.
Ну, давай на прощанье, мой друг. И ещё ча-ча-ча:
Голосистые птенчики пуль забиваются в стену.

Виктор ФЕТ

Последние

Мы последние, кто писал до войны,
неубитым ещё языком простым,
а теперь нам трудно общаться с ним,
отделяя его от его страны,
хоть она давно и чужая нам,
как и одичавший её народ;
но история сломана пополам,
и, похоже, кончилась в этот год —
так погиб ли с нею, как дождь в песок
уходя, сочась, как анчарный сок
с тех ветвей, с тех рабских и смертных лык,
двухсотлетней выдержки наш язык?

Я его сжимаю песком в горсти,
я на нём пишу, мне его нести,
но я знаю, что нынче на нём твердят
миллионы, детям вливая яд,
в школьных классах в течение сентября
говоря на нём или не говоря
о своей стране, о её войне —
был бы этот яд также и во мне,
если б лет восьми-девяти сейчас
был бы отдан я в этот адский класс,
в школу той страны, где рабы нужны,
что не чувствуют никакой вины;
там, где веры нет и надежды нет,
уходя, последние погасят свет.
10 октября 2022

Картина мира

Давиду Поташникову

Картина мира не включает света
в конце туннеля — да и самого
туннеля я не вижу. Там, где эта
метафора должна быть — ничего
подобного описанной модели
нам в Альпах разума и не пробили.
В подземной тьме, где царствуют туннели,
их поезда уходят в тупики.
Но кажется, что есть — не выход, нет,
а сеть, накинутая на пути,
которая задерживает свет,
стремящийся из-под земли уйти.
В его лучах дрожат частицы пыли,
он чувствует тепло моей руки,
перетекая в олово строки
в тот миг, пока её не позабыли.
19 июня 2023

Поверхность

Поверхность чёрная, сгоревший шар земной,
вращается беззвучно надо мной,
заняв собой полнеба в этом сне,
подобная обугленной луне,
распухшей и раздувшейся стократ;
здесь нет сомнения: я наблюдаю ад.

Поверхность чёрная колеблется волною,
сплетая огненные нити предо мною,
по выжженным полям, через края пустые
бегут светящиеся буквы золотые,
рисуя свой узор через асфальт времён,
их текст не разобрать, им имя — легион.

Блестящие ряды снуют по сфере зыбкой,
не сохраняя смысл в среде густой и липкой,
где память, втоптанная в слой глухой и ватный,
не позволяет встать и взять билет обратный —
и я не знаю, как увидеть и извлечь,
отмыть и сохранить истерзанную речь.

Оставь тот чёрный образ в царстве сна;
взлети в холодный мир; вскарабкайся опять
на скалы скользкие, где светится луна,
где надо позабыть бегущих текстов сеть,
чтобы продолжить путь, и в пропасть не смотреть,
остатки разума не растерять.

3 сентября 2023

Без слов

Слова без ночи и без дня
вращаются вокруг меня,
как клетки крови или бесы;
их облик плоский и плохой
встаёт из дымовой завесы,
из прежней вечности глухой.

Не достигая до гортани
сквозь развороченные ткани,
они стоят сухим комком,
я с ними больше не знаком;
у нас и нету общей темы:
их звуки скомканы и немы.

В них более не бьётся боль,
они не выучили роль;
в пределах выжженной земли,
где мы брели мало-помалу,
они вплотную подвели
к невероятному финалу,

где мир утратил форму строф,
где смысл иссяк пустой и здоровый;
взлети над просекою ржавой
в октябрьский свет иных миров,
где с яви сорвана печать,
где нету выбора молчать.

13 октября 2023

Давид ПОТАШНИКОВ

Диалектика

В незапамятный день приключилась беда —
У Адама изъяли ребро.
Так, по прихоти божьей, с тех пор и всегда
Сопрягаются зло и добро.
Если что-то у вас отнимает судьба,
То кому-то, глядишь, повезло.
Оттого что планида людская груба
И с добром сопрягается зло.
Ты спастись умудрился от злого зверья —
Но кого-то загрызло оно.
Поверяй диалектикой суть бытия —
Свет и тень разлучить не дано.
Пусть ты истово чтил всякий божий завет,
Как бы дьявол тебя не дразнил,
Оглянись и запомни, что солнечный свет
Ты кому-то уже заслонил...

Держава

Есть держава, привыкшая делать трупы.
А клепала бы гайки, болты, шурупы,
да полезным ремёслам не обучили.
Всех умельцев в сортире, видать, мочили.

Там живые дешевле пивных бутылок,
там кичатся отвагой стрелять в затылок,
там охотятся крысы на крысолова,
там дарована мёртвым свобода слова,
сыновей на убой посылают мамы,
хлещут гноем и кровью телепрограммы,
там стреляют в того, кого звали братом,
там заботливо жёны велят солдатам,
на звонки отвечая из тыла: — «Милый!
Не теряйся, воруй, убивай, насилуй!»...
Есть страна, под которой и глобус глючит,
замордует чужих и своих замучит...
От неё отвернулся давно Всевышний,
знать, и небу она показалась лишней.
Сатана с ней не сладил бы по-любому,
оттого-то и руль уступил рябому...
Есть держава, привыкшая делать трупы.
А умела — портки, зипуны, тулупы.
А могла — горевать над слезой ребёнка.
Но теперь, где ни ступит, дымит воронка.
Но теперь она ищет, рыча и воя,
Всё успевшее спрятаться, всё живое.
По привычке снаряды и бомбы мечет
в то, что всё ещё дышит, поёт, щебечет.
А в сторонке, привычны к таким процессам,
смотрят ангелы молча, прижавшись к бесам.

Без ветрил

Окончательно съехав от вечных забот
И оставив дела в беспорядке,
Человечество село в дырявый вельбот
И рулит на Мальстрём без оглядки.

Человечество яростно машет веслом.
 Человечество хочет покоя.
 Прирастая в объёме, скудеет числом.
 Где ни глянешь, осёл верховодит ослом.
 Человечество нынче такое.
 И неслыханный прежде прирост дураков
 впереди настигает и сзади.
 А в отдельности каждый умён и толков,
 но теряет сознание в стаде.
 Нынче роли корней исполняет ботва.
 Вёдра рвутся нести коромысло.
 Златоусты, как бусины, нижут слова
 в ожерелья, лишённые смысла.
 Распаляют толпу за кумиром кумир,
 и Земля, и толпа перегреты,
 убывает озон из озоновых дыр,
 и витийствуют новые Греты.
 Но взмывая от этих мертвящих зыбей,
 упоительно кружит над миром
 бесшабашный, задорный, смешной воробей,
 безразличный к озоновым дырам.
 Залюбуюсь я, голову кверху задрав,
 этим маленьким чудом пернатым.
 К чёрту весь этот мир, он свиреп и кровав,
 и грозящий нам гибелью атом...
 Вознесётся душа в воробьиную высь
 невесомым комочком из пуха,
 и заплачет, и скажет: «Господь, отзовись,
 мы больны оскудением духа!»
 Станут тусклыми звёзды в Его мастерской,
 дрожью тронется синь ледяная,
 и Всевышний в слезах отвернётся, с тоской
 окровавленный глобус пиная...

Анна СТРЕМИНСКАЯ

Преображенский собор

А красота всегда есть вызов.
Ей тянет мстить!
И мрамор розовый ли, белый —
не защитить!
И чем красивей, тем сильнее
желанье сжечь,
убить, разрушить. А маньяки
толкают речь.
Нет ненависти хуже «братской» —
стократ сильнее!
Враг просто убивает, «братья» —
стократ лютей!
Лепнина, позолота, мрамор, сиянье фресок —
то, что годами создавалось — разбили бесы.
Как и тогда бесовской силой, в 36-м,
так завистью и злобой нынче — «своё возьмём!»
По храмам, школам, по кварталам, где жизни трель,
«высокоточные ракеты» бьют точно в цель!

* * *

Да как будто и нет никакой войны,
да как будто и нет никакой войны...
И собор не взорван.
Море, солнце, песок и вдали видны

корабли, остальное — страшные сны,
 что уходят в прорву.
 Море плещет о том же, что и всегда,
 и рассказывает пенистая вода
 о своём, глубинном.
 Нужно думать, что море в душе полиглот:
 и по-гречески, и на фарси поёт,
 по-славянски и на латыни.
 Нужно думать, что оникс — это тепло и свет,
 это камень, счастливей которого нет,
 это серьги и бусы красивой Инны,
 что лежит под солнцем на тёплом песке.
 Оникс — это не смерть, что летит в тоске
 убивать невинных.
 Да как будто и нет никакой войны
 возле моря, и нет никакой вины.
 С пирса прыгают дети.
 Только дрона крыло лежит на мокром песке,
 только море не пахнет — оно аскет
 от воды до тверди.

* * *

А. Блоку

Да, скифы вы, да, азиаты вы!
 Вас тьмы и тьмы, сражаемся мы с вами!
 И азиатской рожей вы, увы,
 уж обернулись — с жадными очами!

Да, так любить, как любит ваша кровь,
 никто из нас уже не может.
 Тяжёлые крестцы ломаете вы вновь,
 хрустят скелеты в ваших лапах, Боже!

Привыкли вы рабынь строптивых усмирять.
Вам Украина кажется рабыней.
И Киев — древнюю седую мать
расстреливаете вы отныне.

Россия — сфинкс? Ликуя и скорбя,
и умываясь страшной кровью,
она глядит, Украина, в тебя
с тем, что она сама зовёт любовью.

Так отчего же этот сфинкс во тьме?
И тьму сгущая, только горе множит.
Она не уместается в уме
и по-другому жить уже не может!

* * *

*Одесса шумит, я сделаю из неё Саратов.
Один из российских генерал-губернаторов*

Мой город был рождён свободным
по воле моря и небес.
И воздухом солёным, йодным
дышали с детства те, кто здесь
родился и впитал сначала
свободы дух и шум, и блеск,
и рыбье серебро причалов,
и птичий свист, и водный всплеск.
«Здесь всё Европой дышит, веет...» —
сказал поэт, чуть пригубив.
«Прощай, свободная стихия!» —
он говорил, глоток испив
свободы — пенного напитка.

Как он желал сродниться с ней
 в напрасной, призрачной попытке
 бежать из злой тюрьмы своей!
 Поэтов дух, аристократов,
 и шулеров, и козаков,
 не даст устроить здесь Саратов,
 а также Пензу иль Тамбов!
 Здесь дух свободы в каждом нищем,
 и каждый фраер тут бунтарь!
 И невозможны здесь Мытищи,
 тут слишком вольно для Самар.
 Мой город по своим велениям
 живёт с рожденья и доныне.
 Он не поставлен на колени
 и потому он — Украина!

* * *

Ты напомнила мне моё бедное школьное детство.
 Улицу со светлым именем — Ромашковая...
 Пару огромных псов, живущих у нас по соседству,
 снег, похожий на грязную промокашку.
 Блаженного художника Гену Подвойского,
 который был также поэтом и в душе астрономом.
 Он изображал на картинах небесное воинство,
 и закреплял на бумаге словом.
 И его голубые глаза отражали небо,
 даже когда оно было серым, в любую погоду.
 Он был всегда дома, где бы он не был,
 окружённый котами и псами дворянской породы.
 Я в школе была волчонком, которого укусили,
 и странной девочкой, живущей в книгах всё время.
 Среди волчат выживала, что было силы,
 но никогда не шагала в ногу со всеми.

На дни рожденья ко мне не приходил никто
из ровесников. Приходили солнце и ветер.
Приходили взрослые, чинно снимали пальто.
И всё же я была не одна на свете.
Пальцы, испачканные чернилами,
короткая форма, обиды, потайные любви...
Это всё напостила мне ты, милая
подруга тех дней — жестом, словом, уколом боли.

Олег НИКОФ

Бесконечность

Отец, дочь и мать
Любовались израненным
Сфинксом
И рикошет их мыслей
Оставил новые раны
На теле уставшего камня
Тысячи лет
Он не позволял себе
Откровений
С неразумными лилипутами
Им оставляя самим
Догадаться
Что пирамида
Упавшая на колени
Одной из своих граней
Всегда устремляет
Вершину свою
В бесконечность

Возвращение

Пытаясь влиять на реальность
Сдвигаю
Угрожающе
Надбровные дуги страданий

Боль разметав
В разводе
Стремящихся
Упасть безвольно рук
Угол стремления пасть
У каждой руки
Произвольный
И от этого я кажусь восходящим
На эшафот
Начала разумной жизни
Неандертальцем
Который придя к жилищу
Безмолвно взирает
На след бушевавшей стихии

Неподчинение

Комкаю приторный
Глянец бумаги
С пятнами фальши рекламы
И выпиваю свой первый за день кофе
С видом
Богатыря
Одолевшего в битве злодея
Также
Как давным-давно
В детстве
Уже не умея легко
Уши прикрыть ладошками
Я все равно
Не люблю подчиняться
Глагольным рифмам
Нашей эпохи...

Василий КОЛЬЧЕНКО

* * *

...Мерещатся вдали
безумные картины
распятой Украины,
истерзанной земли.

Её судьба и взлёт,
надежда и утрата.
За всех войной распята,
не всех она спасёт.

Её весенний вид
и песен поднебесье.
Распята, но воскреснет.
Стояла — и стоит.

* * *

Обрушилось небо.
Сумеем ли выстоять?
Иссохшее нёбо.
Далёкие выстрелы.

Что думать? Что делать?
А делать-то нечего.
Молиться? Обедать?
Дожить бы до вечера.

* * *

Нельзя — о другом.
Невозможно — об этом.
И ночью, и днём,
и зимою, и летом —

Война. О войне.
Словно правдой, войною
живём — как во сне.
А судьба — за спиною.

* * *

Не просто война,
а с глаз — пелена.

Не просто бои.
Напали — «свои».

Штурмуют. Убьют —
и песню споют.

Руины. Зола.
Под корень. Дотла.

«Святого святей» —
убийцы детей.

Не просто свинец.
Расплата. Конец.

Последний урок.
Последний — дай Бог.

2022

Что за год!
Год — урод.
Год — беда.
Год — стыда.

Чад войны
жжёт глаза.
Год — вины.
Год — слеза.

Стон — во сне.
Плачь. Зови.
Год — в огне.
Год — в крови.

Мир продрог.
Страх-свинец.
Год — пророк.
Год — конец.

Шёпот. Вздох.
Год — оглох.
Нужен хлеб.
Год — ослеп.

Из-под глыб
вышел бес.
Год погиб —
и воскрес.

Тьма и свет.
Ветер свеж.
Год — побед.
Год — надежд.

А назад
хода нет.
Год — закат.
Год — рассвет.

* * *

Небо горит.
Горы. Равнины.
Кто говорит —
нет Украины?

«Дружбы» оскал.
Взрывы «гостинцев».
Кто вам сказал —
нет украинцев?

Бред — не ответ.
Разум бастует.
Если их нет,
кто же воюет?

Прячутся мины.
Бог — рассудит.
Нет Украины?
Теперь — будет.

Дмитрий БОБЫШЕВ

Два часа без Интернета

Траххх — тарараххх! Окошко настезь, надо скорей закрыть. Засверкали саблезубые молнии прямо над головой, размахались клинками, грома разгрохались, и в моём «стади» траурно потух монитор... Пощёлкал выключателем — свет не горит. Тут уж я сам разохался. Мрак. Хлюпанье ливня. Взыла пожарная команда, рывкнула устрашающе, куда-то унеслась с воем. Заулюлюкала полиция, заполыхала сине-красно-белыми сполохами и туда же, а за ней с сиреной — и скорая. Слава Богу, не к нам! Стихло. Но вот дождь кончился, а электричества всё нет. Пока искал свечу, нашаривал спички, в окне замигали жёлтые вспышки ремонтных служб. Да будет свет! И действительно стал свет. Я к компьютеру, включил — ура, работает, ну теперь уже хоть всему миру пропасть, лишь бы мне в мой любезный виртуальный мир занырнуть... с головой... с потрохами...

Но нет! Тычу в один браузер, в другой (а третий у меня так или иначе дефолтный) — и что же? А ничего! Нахожу одну электронную почту, нахожу вторую (а есть ещё и третья, и четвёртая) — ни одна не открывается. Скайп? Нет. Зум? Нет. Всё то же — зиро, зип, зилч, нада... Что теперь делать? Я ж пропаду без Интернета, истомлюсь и иссохну без Высшей Субстанции, в которую до сих пор впивался подолгу, с удовольствием втрачивая туда своё время, мысли, чувства, трепеты, интерес, любопытство, да что там — саму жизнь, но и черпая из неё в сущности то же самое, оттуда — в себя обратно... Что ж теперь со мной станет? Я равнодушно скользнул взглядом по книжным полкам, где пылились когда-то мои лучшие друзья и наставники — нет, их громовые истины давно превратились для меня в лёгкие шёпоты, а затем и стихли совсем. Отвык.

Настала псевдо-наркотическая ломка. Мне дозарезу нужно было сейчас, незамедлительно, как делал это всегда, пройти по излюбленным адресам. Прежде всего проведать персональный сайт. Никакой день не начинался без этого. Красавец, детище благородной солидарности веб-содружества, он возник 8 лет назад, когда я бросил клич о помощи туда, в якобы пустое и даже опасное кибер-пространство, и на него отозвался израильский инженер и блогер Михаил Непомнящий. Учítывая то, что я упорно утверждаю себя петербуржцем (хотя и родился в Мариуполе, а живу в Америке), он разместил мой сайт на берегах Невы, на фоне царского дворца в жемчужном освещении белых ночей. «Не слишком ли величаво?», — подумал я про себя, но красу всё-таки одобрил и впредь решил держаться этого стиля. Да, пусть будет самореклама! Здешний крылатый солист кардинал не стыдится пурпурного оперения, в отличие от скромника-соловья, а поёт так же звонко. В конце концов, застенчивость и скромность никого не украшает, как напрасно нас учили в школе, и тем более не красит литератора. Талант — да, определёнno. Плюс жёлтая кофта или что-нибудь в этом же духе. И я послал Михаилу свою молодую фотографию, а он разместил её как знаковый и окончательный портрет, изменениям не подлежащий. Так началось наше выстраивание моего ПСС (Полного собрания сочинений) в некой умозрительной мнимости, по существу, в пустоте. Я послал ему всё, — разрозненные тексты и уже изданные сборники, стихи и поэмы, прозу и критику, а также статьи, интервью, фото, видео и даже рисунки, даже сказки и анекдоты, а Михаил распределял их внутри задуманной схемы, ясной и удобной. Получился виртуальный Я — каждый может залезть в мою голову, думать мои мысли и сквозь мой же смех и слёзы листать мою душу и разглядывать мои выдумки. Что ж, пожалуйста, но при одном существенном условии, необходимом и достаточном: ЕСЛИ ЭТО КОМУ-ТО ИНТЕРЕСНО. И оказывается — да, очень! Любопытствующих — тысячи. В хитром устройстве сайта есть счётчик посетителей и просмотров, так что

я могу ежедневно проверять, сколько их у меня на сегодня и, как ни странно, даже на завтра. Дело в часовых поясах: когда я вечером проверяю гостей, кто-то с другого конца земли уже с утра за компьютером. Это мой «гость из будущего». И каждый из них помечен флагом своей страны. Пестрота флажков, а их множество, радует и удивляет: русские (или русскоязычные) читатели есть повсюду, хотя их реальность по определению мнимая... Зато их мнимость реальна!

Но истинная улада для одинокой души, «исстрадавшейся на чужбине» или просто скучающей в рассеянии — это Фейсбук, или Книга лиц, счастливое изобретение умненького мальчика Цукерберга. Как и другие гениальные находки, сама идея зародилась в калифорнийском гараже, где Цукер и двое приятелей, соседских братьев-близнецов, балуясь и возясь с компьютером, заодно сочинили некую социальную сеть, наподобие службы знакомств для уловления подружек. Цукер тут же разглядел в изобретении гораздо лучшие возможности, сумел выкупить долю у близнецов, запатентовал своё авторство и стал миллиардером.

И пусть он им пребудет! Миллионы людских душ (возможно, здесь я преувеличиваю, но не слишком) находят себе друзей в его сетях, болтают, флиртуют, обмениваются впечатлениями о фильмах, театральных премьерах и политических деятелях, поздравляют, спорят, сочувствуют и соболезнуют, шлют друг другу лайки и сердечки, котиков и собачек, — словом, общаются... Разве этого мало? От котиков ничего не стоит избавиться, и в итоге вокруг образуется некая спайка единомышленников, или так называемое веб-сообщество. Для меня, живущего на отшибе, они и составляют единственный круг общения, и немалый — кроме, конечно, моей драгоценной Галины Романовны, взявшей на себя роль Пятницы в нашем заморском «прекрасном далеке»...

Дружбы в фейсбуковском сообществе идеальны прежде всего потому, что они у всех на виду, и мы ведём себя внутри нашего единения так, как ведут себя на людях. А невежливых выставаем за дверь. И ещё потому, что мы для других мнимы, а точнее — развоплощены и, следовательно, если случаются ссоры, не проливаем ни крови, ни слёз. Мы как одиссеевы лотофаги — травмы прошлого безболезненно растворяются и уплывают в потоке уходящего времени, которого как бы и нет.

Обидчиков мы можем на время казнить, то есть «забанить», а можем и воскресить вновь — они же нам не настоящие друзья, а так называемые френды и френдессы на электронном жаргоне...

Впрочем, отношения бывают вполне эмоциональны, и для объяснений «с глазу на глаз» существует переговорная линия с почтой для интимных сообщений. По этой линии иногда прибывают сбивчивые признания и фотографии стройных ножек. Какой на них может быть ответ, кроме вздоха? Правильно... И они уплывают в летеysкую пучину. Но если такое появляется в ленте на общее обозрение, то это скандал! Я тут однажды посоветовал одному лирическому дарованию, и что получилось? Поэтесса она искусная, словесная фокусница, что я особенно ценю, но мало печатаемая, и я вступил с ней в диалог. Диалог перерос в заплетающийся монолог, и я посоветовал ей перейти на ту самую конфиденциальную «личку». Вместо этого она со всего маху и на глазах почтеннейшего веб-содружества сделала мне предложение руки и сердца. Пришлось мне объяснять девушке, что я «уже», что кроме моей драгоценной (вышеозначенной) мне никого не нужно и что в подпитии садиться за компьютер ни в коем случае не следует. Аплодисментов у публики я не заслужил, а вот сконфуженная корреспондентка на следующее утро совершила виртуальное «самоубийство», навсегда уйдя из Фейсбука.

В «личку» сообщают номера телефонов и адреса «не для всех», через неё назначают встречи, совершают сделки, редактируют публикации, по ней шлют рукописи издателям и книги рецензентам, троллят врагов, а бывает, и объясняются в приверженности любимому автору.

Но главный базар происходит у каждого на собственной ленте, — там «вывешивают посты», то есть выкладывают на прилавок кто во что горазд: заметки, фотографии, философские афоризмы, спорные высказывания, по которым тут же возникают не очень академические дискуссии (я противник термина «срач», но он вполне здесь подходит). Я, например, торгую стихами и прочими литературными поделками и получаю за них вознаграждение виртуальной валютой по курсу: золотыми сердечками и медными лайками. Конкуренция поджигает справа и слева, — кто берёт обаянием, кто количеством, но я себя (конечно, не без иронии) убеждаю, что беру качеством.

Однако в мрачную карантинную пору в Ф-буке нашёлся молодец, которому я бы отдал целый пучок пальмовых ветвей — и по качеству стихов, и по невероятному их количеству. Каждый Божий день он вывешивал на своей ленте яркие стихо-репортажи о событиях в эпицентре взрывного времени, а затем объединил их в книгу с хорошо знакомым названием «На Западном фронте», подразумевающим отсутствие перемен. Я был впечатлён и пророчил ему большой литературный успех, который пока ещё не пришёл, но, как говорится, тем не менее... Приведу выдержки из моего отзыва на книгу.

Нью-Йорк 2020 года — эпицентр смертности от пандемии в Америке, одно из худших мест в мире по заболеваемости от коронавируса, вкупе с гражданскими беспорядками, грабежами и погромами.

Геннадий Кацов — давнишний житель Нью-Йорка, эмигрант из России, тележурналист и поэт, автор семи книг стихов, который 18 лет молчал, чтобы, наконец единым духом написать эту книгу и выпалить ею в читателей. Я был сражён одним из первых. Меня впечатлило, насколько же он, с опытом эмигранта, глазом журналиста и пером поэта оказался — сейчас и здесь — в правильное время в правильном месте!

...Получился лирический дневник, прослоённый публицистическими наблюдениями, удивительно своевременный образец горячей актуальной поэзии високосного 2020-го года. Книга показывает, как в самое короткое время переменялась жизнь города с нападением невидимого врага, на первый взгляд невинного, словно сезонная простуда. «Мальчик-с-пальчик, вирус и шалун» — вот такая мелюзга навела на великий Город (и всю великую страну, и весь необъятный мир) не только панику, но и траурное оцепенение, тоску и скуку закрытых лиц, запертых дверей, парализованной экономики и личного прозябания в постоянных мыслях о смерти, в приятии её будничной реальности.

Отзыв полностью был напечатан в журнале «Эмигрантская лира», а затем появился в Ф-буке, снискав себе немало виртуального серебра и золота.

Однако ещё больше фейсбуковцев я привлёк в тематическую группу, которую придумал в параллель пушкинской малой трагедии «Пир во время чумы». Но до «чумы» ковид всё-таки не дотягивал, а вот карантин вполне роднил нас с александр-сергеичевыми обстоятельствами в Болдино, так что группа получила название «Стихи во время карантина». Поэты истосковались, сидя по домам взаперти, и тут они про-

сто повалили записываться в группу и публиковать, публиковать, публиковать стихи на тему, волнующую всех. И в самом деле, — каждый в своей келье томился от одиночества, но в то же время все мы испытывали восхитительное чувство мировой солидарности, поскольку от вируса равно страдали все народы Мира.

В стихах эти чувства находили самые разные формы выражения. Александр Карпенко (Москва) нашёл укывище от коронавируса в самом «безопасном» месте вселенной — таким местом для него оказалась... наша планета! Джейн Якобсон (Нью-Йорк) готова была нарушить все карантинные запреты ради единения с такой же одинокой душой. Леонид Яковлев (Ход-ха-Шарон) предложил по его мнению самое верное средство от болезни — противовирусное магическое нашёптывание. А Геннадия Казакевичу (Мельбурн) было досадно оттого, что его элегантные костюмы висят без надобности в шкафу. Он захотел их надеть и разделить одиночество с римским Папой, который сидел в это время посреди пустой площади св. Петра. Елена Дубровенская (Хабаровск) вовремя запаслась гречкой, к тому же карантин удачно застиг у неё желанного гостя, с которым она коротала затворничество. Женя Чистый (Киев), чтобы избавить себя и нас от угрюмого настроения, резво жонглировал словами, весело их коверкая и комикуя. Марина Гершенович (Дюссельдорф), предварительно извинившись перед великим Александром Сергеевичем, спародировала и его, и всю классику, и фольклор, дабы посмеяться заодно над санитарными правилами, которые предписывались карантинном. Таким бурлящим коллективным Пушкиным представились мне поэты ковидной группы, застрявшие каждый в своём Болдине, и я пустился их вкупе описывать. Материалов хватило аж на два эссе, которые я напечатал в «Эмигрантской лире», после чего переместил на фейсбучную ленту, где они снискали свои «каменты» (комментарии), лайки и даже, кажется, несколько сердечек.

Но самыми увлекательными (вплоть до виртуальных пощёчин) бывают наши дискуссии. Темы для них щедро подбрасывает не на шутку разгулявшийся XXI век. А ведь мы люди мирные, творческие, я специально в мой круг подбирал таких, чтоб было поинтересней, чтоб говорили об искусствах, делились впечатлениями о новых книгах, о премьерах и вернисажах, да куда там! Чей Крым — вот в чём вопрос, и он не легче гамлетовского. Отвечайте немедленно! Это стало кратчайшей проверкой на «свой — чужой».

Так чей всё-таки Крым? От Украины его легко отняли; украли, ликовали и праздновали: «Крымнаш», «Крымнаш». И тут же десятки поэтов заголосили: — Нет, это «Нашкрым», «Нашкрым»! Альманах такой издали, как им было хорошо когда-то загорать и купаться в Крыму. Чей же он?

Но вот наступил День Икс — 24 февраля 2022. Киев бомбили, и всё определилось, как в 1941-м, — стало ясно, кто есть агрессор и кто жертва, кто захватчики и защитники, преступники и герои, фашисты и патриоты... Из Раши (от англ. Russia) прыснула во все стороны и страны молодёжь призывного возраста, то есть те, кто намечен был скорее всех на убой, — числом, говорят, до двух миллионов и среди них издатели сетевых журналов, где готовились мои интервью и подборки. Публикации были отложены «до окончания войны». Мне стыдно: это единственное реальное неудовольствие, причинённое мне российской агрессией. Но на символическом фронте травма оказалась серьёзней, — война прошла прямо по мне. Как раз в это время я находился между двумя хирургическими операциями на сердце, и с болью следил за сводками. В сети замелькали фото и видео разбомблённого Мариуполя. А ведь я там родился! Сообщалось, что разбит Мариупольский родильный дом № 1, и на снимке было видно: на этом месте зияла чудовищная воронка до дна земли. Я телесно ощутил, как моя жизнь выдирается оттуда с корнями, и проклял тех, кто это сделал.

Тогда же со мной связался журналист из «Голоса Америки», я написал им очерк «Мой Мариуполь», который они опубликовали на своём сайте, и вдобавок мы поговорили по Зум'у в прямой трансляции.

Алекс Григорьев: Я правильно понял, что вы считаете, что война — нормальное состояние российского государства, это не случайность, это продолжение начатого столетия назад?

Дмитрий Бобышев: Всё это давно описано в моей поэме «Русские терцины». Когда я её писал, частично в Союзе, частично уже в Америке, я имел в виду советскую реальность с проблемами, которые были ею же и рождены, но вкупе с какой-то имперской кашей, крошкой, которая всегда в душе русских была. Я думал, что с наступлением новой эпохи, с Перестройкой, с надеждами какими-то, это всё скоро устареет. Оказывается, нет! Уже сорок лет прошло с написания этой поэмы, а она заново стала чуть ли не злободневной.

Во всяком случае, в ней поднимаются те же вопросы, что сейчас звучат.

А.Г.: Человек из вашего ленинградского прошлого — поэт Евгений Рейн — выступил в поддержку войны с Украиной. Когда-то вы были вместе, сейчас оказались разделёнными. Вас это удивляет?

Д.Б.: Меня это разочаровывает, но не удивляет. Евгения Рейна — в прошлом моего хорошего приятеля и даже ментора в литературных вопросах — все-таки отличала какая-то непредсказуемость в поведении и некий житейский оппортунизм, скорее бытовой, чем политический. Он мечтал об известности и благах, свя-

занных с литературными занятиями. И он их добился! Он стал членом Союза писателей, его стали печатать (долгое время его не печатали), он получил Государственную премию из рук Путина, получил квартиру в Москве, на Соколе, в генеральском доме, и даже дачу в Переделкино. Это нужно было отрабатывать. Вот, таким образом, варварскому, фашистскому нападению он подтвердил свою лояльность. Позор, я думаю. Мне неловко за него.

А.Г.: Любая война — особенно эта, столь трагическая — вызывает всплеск литературы. На ваш взгляд, произойдёт ли это на этот раз, с учётом того, что многие российские литераторы поддержали вторжение?

Д.Б.: Новый всплеск появился уже. Это украинские русскоязычные поэты, замечательные поэты, за которыми я уже несколько лет слежу с восхищением. Это Ирина Евса и Александр Кабанов. Я их приветствую и передаю им своё сочувствие и сопереживание. Что же касается российских литераторов, то я не уверен, правильно ли они воспримут этот трагический опыт. Им нужно — особенно тем, кто поддержал это варварское нападение — переосмыслить всю свою жизнь, чтобы выйти к настоящей прозе, которую невозможно писать с нечистой совестью.

А.Г.: Как известно, поэт в России — больше, чем поэт. Ваше ощущение как поэта — что ждет Россию после этой войны?

Д.Б.: Должно быть какое-то потрясение души российской, если она существует. Потрясение со слезами,

с раскаянием, с покаянием. Только тогда возможна обновлённая Россия на новых основах, нравственных основах, законности, демократических выборах, прозрачности, смены власти и так далее. Все эти начинания могут и должны состояться, но после какого-то катарсиса, который должна пережить страна.

А.Г.: Когда вы разговариваете с друзьями, знакомыми, родственниками в России, у вас не складывается впечатление, что вы разговариваете на разных языках и по-разному оцениваете мир?

Д.Б.: Смотря с кем. Через Интернет я общаюсь с довольно большим кругом. Это всё, конечно, русскоязычная публика, — как уехавшие, так и находящиеся там, в России. Некоторые, я заметил, в последнее время проявляют обидчивость, нетерпимость, агрессивность. Но, знаете, в Интернете с этим легко справиться — забанить, и всё! Они исчезают из поля моего зрения. А других я оставляю, чтобы видеть иногда настроение «по ту сторону добра и зла».

А.Г.: Чего бы вы пожелали жителям России и Украины, которые пишут стихи?

Д.Б.: Быть хорошими людьми. Вот и всё! Если есть талант — он проявится. В плохом человеке талант проявляется плохим, злобным, ядовитым образом, а в хорошем человеке он проявится лучшим образом.

Помимо того, что всё это побывало в эфире, я вывесил интервью и очерк «Мой Мариуполь» в Ф-буке и, конечно, перетащил их на сайт. А оттуда пришли стихи.

Внезапно голос...

Вид обесточенного монитора
невыносим для меня.

Я — торк!

И тут на лице его монотонном,
северозападном — юговосторг.

По сети сияющей паутины...
Посещаю...

Шась — и в машинный мозг,
мышью в занавешенные притины,
отомкнувши клавишами замок.

Я брожу, пытаю мой путь и тычу
(методом ошибок и проб)
в нечто почти насекомо-птичье:
эйч-ти-ти-пи, двуточье, двудробь.

И заимствует ум
у зауми то, что
было б Кручёныху по нутру:
даблью, даблью, даблью.
Дот (точка).
Комбинация букв. Дот — ком?
Нет — ру!

И — в некое не совсем пространство,
где ветер — без воздуха, со слезой,
где чувству душно, уму пристрастно,
а с губ не слижешь ни пыльцу, ни соль.

Но так ярмарочно-балаганны
выставляющиеся здесь напоказ
виртуальные фокусники, хулиганы,
стихоплёты и грешный Аз.

Где хватает за полы товар двуногий
с бубенцами,
 цимбалами на пальцах ног:
нагие юноши-единороги
и девы, вывернутые, как цветок.

Это — Индия духа? Африка хлама?
Гербарий чисел, которых нет?
Наступающего Армагеддона реклама,
или пародия на Тот свет...

А не это ли часом и есть он самый,
где от счастья смеётся трава, —
Рай?

Или: «Откройся, Сезам», и —
Ад,
где — гумилёвский «Трамвай»?

... Внезапно голос, вне его тела,
запел не о смерти, но о той,
что чайкой в сердце ему влетела
и, тоскуя, мучила красотой.

Незадолго перед концом и,
как бы чуя, что всё — тщета,
эту рыцарскую канцону
На валик с воском он начитал.

Артикулировал, даже был, и:
«Мне душу вырвали» — он горевал.
Между Ржевкой и Пороховыми
вырыт ров и накопан вал...

Да что они могут, эти власти
против него, стрелявшего львов, —
изгнать? казнить?

Конечно, несчастье...
Но неодолима его любовь.

И да возносится ей осанна!
И пускай оперённо летит строка
по другую сторону
смерти и океана
и, вот оказывается, — через века.

Когда позвонила ремонтная служба и сообщила, что связь с интернетом восстановлена, я не скоро включил заветный контакт. Псевдо-зависимость легко прошла, и теперь мне трудно было оторваться от книги, которой успел зачитаться. А читал я воспоминания Эммы Герштейн о Мандельштаме — тексты редкостной чистоты и правдивости. Нет, книги остаются непобедимы — никем и ничем!

август 2023

Шампейн, Иллинойс, США

ГОД ПОЭЗИИ 2023

IN MEMORIAM

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

(1936–2023)

Евгений Михайлович Голубовский — украинский журналист и культуролог, редактор газеты «Всемирные одесские новости», заместитель редактора альманаха «Дерибасовская-Ришельевская», вице-президент Всемирного клуба одесситов, составитель, комментатор, автор предисловий более чем 20 книг, таких, как «Венок Ахматовой», «Венок Пастернаку», «Венок Мандельштаму», трёхтомник В. Жаботинского, «Облако» Ю. Олеси, сборников А. Фиолетова, В. Инбер, Н. Крандиевской, В. Пяста и др.

Среди его работ: «И море, и Гомер — всё движется любовью»./Одесса: Вовк А. В., 2020; «Мои 192 ступени»./Одесса: Бондаренко М. А., 2020; «Глядя с Большой Арнаутской», Одесса: Бондаренко М. А., 2016; «Настоящее поэтическое благородство (о книге стихов и графики Семёна Кесельмана “Стеклянные сны”）」./Дерибасовская-Ришельевская. № 56, 2014; «Чёрный квадрат над Чёрным морем: Материалы к истории авангардного искусства Одессы. XX век». Сост. Е. М. Голубовский, Т. В. Щурова./Одесса: Optimum, 2001.

Анна МИХАЛЕВСКАЯ

Тот, кто совершает невозможное

«Мир делится на два класса — одни веруют в невероятное, другие совершают невозможное» — Евгений Михайлович Голубовский вспоминал эту фразу Оскара Уайльда, рассказывая о своих одарённых друзьях. Да, они совершали невозможное. Но самым талантливым в этом деле был он сам.

Евгений Голубовский — вице-президент Всемирного клуба одесситов, Почётный гражданин Одессы, полный кавалер орденов Маразли, культуролог, журналист, публицист, редактор, составитель многочисленных сборников, автор книг и предисловий, основатель и ведущий литературной студии «Зелёная лампа», руководитель множества творческих проектов. Этот список можно продолжать бесконечно, ибо не было такого дела в культурной жизни Одессы, которое бы обошлось без Голубовского.

В августе 2023 года Евгений Михайлович, нет, не умер, умереть человеку, который столько сделал, вряд ли удастся, он ушёл куда-то в новое пространство завязывать интересные знакомства и поднимать культурную жизнь уже там. А мы остались здесь — с его щедрым наследием.

В своей сущности Евгений Голубовский был феноменом Одессы, и кажется, сама Одесса позаботилась о том, чтобы Евгений Михайлович пришёл к нам на стыке веков и эпох рассказать городу о городе, живым о забытых и мёртвым о том, что они живы: в памяти, в книгах, в поступках.

Одессу всегда хранили рыцари — де Рибас, Ришелье, Маразли, Воронцов... Город вырос и менялся, но рыцари оставались рядом, передавая свой пост один другому. Вот и жизнь Голубовского неразрывно связана со служением Одессе. Своими воспоминаниями Евгений Михайлович связывает два века. Своими знаниями он сплетает воедино улицы, времена и судьбы от сотворения времён города, так, что по тонкой вязи этого осмысленного кружева можно отправиться в путешествие к любой точке существования Одессы и её людей.

С первых дней войны Голубовский вёл дневник — каждый день он рассказывал о происходящих событиях, открыто писал о надеждах и разочарованиях, напоминал о прошлом опыте, поддерживал своих подписчиков, обращаясь к культурной составляющей. Читатели ждали его постов — он один из немногих, даже блуждая во тьме, знал, куда идти. В первые месяцы войны

Евгений Михайлович задумал сборник «Война», и мы, потерявшиеся в войне литераторы, вспомнили, что умеем писать.

Дневниковые записи Голубовского на фейсбуке — военные и довоенные — стали живой интерактивной книгой, написанной и прочитанной в реальном времени.

Да, дневник. Но в нём нет ничего от обыденности. Ибо дни автор различает не по числам и месяцам, а по писателям, музыкантам, художникам, по значимым для города и всех его национальностей событиям, по встречам с друзьями, по родным и любимым людям.

Парадоксально, хоть Евгений Михайлович, как герой, участвует во всех историях, но роль отводит себе скромную — чаще лишь рассказчика. Однако мы понимаем, что сюжет каждой истории поворачивается именно так, а не иначе, только потому что на него смотрит Голубовский. Расскажи кто-нибудь другой о тех же людях и событиях, и получились бы совсем другие сюжеты. Тут в самое время вспомнить закон квантовой физики о том, что наблюдатель влияет на ход эксперимента. В данном случае экспериментом является жизнь.

Вроде бы Евгений Михайлович говорит о реальных людях, но в каком-то смысле они фантастичны. Наверное, дело все в той же точке зрения. Голубовский не ограничивается фактами биографии, он смотрит глубже и видит не только данность, но и потенциал человека, его скрытые таланты и как их вытащить наружу, сделать явными. Евгению Михайловичу есть что сказать о друзьях — они дельные, яркие, одарённые, гениальные в своём роде люди. О них безумно интересно читать. И в становлении многих он поучаствовал сам. Увидел искру, зажёл талант. А потом не дал огню погаснуть. Потому что в каждого верил.

Немало Голубовский поддерживал и прозябавших в неизвестности художников, поэтов, писателей, которые умели творить, но не очень-то понимали, как существовать в этом мире. Он вытаскивал непризнанных гениев из берлог и связывал с реальностью, открывая для людей их творчество. Забытое творчество

других «воскрешал», как это случилось с поэтом Анатолием Филетовым, погибшим в юном возрасте в начале двадцатого века. И всё же он успел написать стихи, которые цитировали и Бунин, и Багрицкий, и Катаев.

Необычны и его очерки о знаменитых людях. Даже в известных судьбах Евгений Михайлович находит неизвестное. Представляет нам кумиров, чьи образы зацементированы общественным мнением, с новой стороны — будто своих соседей или знакомых. Масштаб их личностей не умаляется, отнюдь. Это лазейка, которую Голубовский оставляет читателю, чтобы тот смог увидеть дороги успеха и неудач и, возможно, осмелеть и дерзнуть на что-то большее, выходящее за рамки привычной жизни.

Так художник Пикассо превращается в философа, который признаётся: «Я всегда делаю то, что не умею делать. Так я могу научиться этому». Прототипом порывистого Володи Патрикеева из книги Александра Козачинского «Зелёный фургон», в котором вся взрослеющая молодёжь того времени видела себя, становится Евгений Катаев. Александр Дерибас со свойственной обычному человеку слабостью говорит о любимой Одессе только лучшее.

Для чего Евгений Михайлович вёл этот дневник? Ответ мне видится в статье «Блаженны мифотворцы», которую Евгений Голубовский с Олегом Губарем написали всё о том же Александре Дерибасе:

«Для чего я пишу о старой Одессе, — восклицает Александр Михайлович, — для чего я тревожу прах её прошедших дней?» («О дедах и внуках»). Снова и снова вопрошает себя Дерибас о мотивации собственных действий. И снова отвечает: «Мне мечталось, что своими очерками я делаю нечто большее, что, черпая хорошее из оставшегося ещё во мне родника старой Одессы, я проливаю это хорошее в новую жизнь».

Помните, наблюдатель меняет ход эксперимента? Наш сегодняшний выбор определяет наше завтра. Очерки Евгения Михайловича Голубовского, да и вся его жизнь, и есть тот камертон, который мы можем выбрать для своего будущего. Нет, не приукрашенные истории приторного счастья, а живые свидетельства созидания, необыкновенного таланта, силы духа, веры в мечту, умения побеждать, шутить и радоваться.

Вот уж точно — смерть и личность Евгения Голубовского несовместимы. В память о его необыкновенной любви и жажде к жизни приведу напоследок слова Жванецкого из эссе «А смерти нет»:

«Ты весь в очках, в компьютерах, в паролях.

Подумаешь, секреты...

Через смерть пройдёшь, и всё поймёшь, и всё узнаешь,

и всё не страшно, и ты поймёшь и ахнешь.

Так все же умерли — и ничего. Живут!

А смерть — так просто перерыв!»

* * *

Эссе Евгения Голубовского о профессоре, докторе исторических наук Андрее Добролюбском, было написано в день рождения Добролюбского, 18 апреля 2019 г. Они ушли друг за другом. Андрея Добролюбского не стало в сентябре 2023.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Профессор с лопатой

Есть люди, которых знаешь, если не всю жизнь, то почти всю жизнь.

Ты взрослеешь, стареешь, а они остаются молодыми, такими ты их запомнил, им нечего стареть в твоей памяти.

И лишь суровые числа возвращают тебя на грешную землю.

Как обухом по голове — сегодня Андрюше Добролюбскому семьдесят.

В этот дом, на Успенской, я пришёл в гости в 1960 году. Дом, про который Валя Голубовская позже напишет — «потерянный рай одесских шестидесятых». Конечно, пришёл к Ксане, но у неё в комнате всегда был её брат — Андрюша.

Ксанкина привычка всех передразнивать, всем давать домашние имена, вот и Андрюша проходил, как «Гадюша», и это было не обидно, а смешно.

Запомнилось, как «баба Нора», вдова уже почившего профессора Константина Павловича Добролюбского, как-то пропела — баском — Андрею:

«Мальчик резвый, кудрявый, влюблённый, не пора ли мужчиною стать?»

Запомнил потому, что мне казалось, что в свои 13–14 лет Андрей настолько был не ребёнком, а плейбоем, что можно было лишь восхищаться его мужанием.

Он великолепно плавал. Вроде бы все плавали, но он это делал артистично. Мне кажется, что в 16 лет он стал мастером спорта по плаванию...

А в те годы любил читать, в том доме читали все, любил играть в кегли... В этом не уверен, но в его комнате висел плакат, написанный Ксаной:

«Пока ты играешь в кегли, сын Алексеева-Попова умнеет».

Как видно, плакат подействовал. Андрюша умнел на глазах.

И ведь было в кого — не только Ксана, но и Лёня Королик, давали пример, как нужно учить языки, встречаться с интересными людьми, ходить на концерты, взрослеть...

В один из вечеров, что мы с Валею проводили в этом доме, возник вопрос — куда Андрею идти учиться. Хотелось ему, вслед за дедом стать историком, но мысли о всех идеологических дисциплинах, о том, что значит быть историком в СССР — пугала. И я предложил — свяжи жизнь с археологией, вроде бы скифы, сарматы и даже древние греки обходились без ленинизма.

Как пишет профессор, доктор исторических наук Андрей Олегович Добролюбский в своей книге «Одессея одного археолога», он до сих пор с благодарностью вспоминает тот разговор.

Истфак Одесского университета. Аспирантура у Петра Осиповича Карышковского.

Кандидатская диссертация защищена в Киеве, докторская в Петербурге.

Но главное — раскопки. Где он только не копал. Крым (Чуфут-Кале), Измаил, Аккерман, Осетия, Херсонская область. Его считали «везунчиком», не просто копал, находил. Не просто находил, описывал, писал статьи, книги.

И быть может, правильней сказать — главное, книги. Главное, смелые гипотезы, которые доказывал.

И что меня всегда радовало — он не умеет писать скучно.

Одна из первых его книг «Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья» читается с таким же интересом, как его «Тайны причерноморских курганов»

Много сил, внимания, энергии отдал Добролюбский изучению предыстории Одессы.

Напомню его книги «Борисфен — Хаджибей — Одесса», «Античная Одесса».

И копал со своими студентами, с добровольными помощниками Одессу.

Думаю, у многих в памяти и замечательная разведка, совершенная Андреем Добролюбским и Олегом Губарем на Ришельевской угол Ланжероновской, где они нашли дом князя Волконского, одно из первых строений юной Одессы.

Кстати, во многих эскападах Добролюбский и Губарь были рядом. Не случайно Андрей стал сопредседателем, разделив эту ношу с Губарем, одесского Клуба городских сумасшедших.

Я уже назвал книгу «Одессея одного археолога».

Когда я читал её десять лет назад, а она вышла в 2009 году в Санкт-Петербурге, меня смутила бравада лёгкими победами на амурном фронте. Читал её сегодня и сам над собой смеялся. Да, Дон Жуан, но какой обаятельный. И нечего завидовать человеку, сумевшему совместить многообразие мужских достоинств.

Сегодня у меня в руках новая, ещё пахнущая типографской краской, книга Андрея Добролюбского «Имя Дрока».

Когда Андрей прислал мне рукопись, я понимал, что написана занимательная, лёгкая, нужная (это о Джинестре — предшественнице Одессы) книга, но издать её сейчас он не сможет. Посовещались члены редколлегии альманаха «Дерибасовская-Ришельевская» и решили, что разделим рукопись на 4 части и в 4 номерах опубликуем. При этом я с первого номера обратился к меценатам — рукопись нужно издать как книгу, с цветными иллюстрациями.

И откликнулись. Рад этому чрезвычайно. На книге, что я держу в руках, написано: «книга издана благодаря содействию Инны Фиалко и Ильи Спектора».

Честь им и хвала.

Сразу сообщаю, что презентация книги пройдёт 23 апреля во Всемирном клубе одесситов.

Когда-то я мог сказать, если вы встретите на улице молодого красивого человека в сандалиях на босу ногу — это профессор Добролюбский.

Когда-то я мог сказать, если мимо вас проедет на велосипеде молодой красивый человек с портфелем, полным книг — это профессор Добролюбский.

Когда-то я мог сказать, если на пляже, на плитах загорает человек весь световой день, отвлекаясь лишь на учёные беседы с учениками — это профессор Добролюбский.

И сейчас я могу сказать — он перенёс операции, у него нелёгкая домашняя жизнь, но — всем чертям назло — он молод, красив, и главное — талантлив.

С днём рождения, Андрей!

Когда-то твоя мама, Мария Гавриловна, говорила тебе — ты не настолько гениален, чтоб умереть молодым. Видишь, и здесь была права. Но ты настолько талантлив, чтобы жить продуктивно и долго.

Одиссея Улисса завершилась, твоя Одессея (чувствуете разницу) продолжается.

Борисфен — Джинестра — далее везде!

Сергей КУРБАТОВ

(1971–2023)

Сергей Владимирович Курбатов — украинский философ, культуролог и эксперт в сфере университетского образования, доктор философских наук (2015), старший научный сотрудник, заведующий отделом лидерства и институционального развития высшего образования Института высшего образования НАПН Украины, заместитель главы Национального агентства по обеспечению качества высшего образования Украины. Автор двух монографий и более 120 научных публикаций, в том числе на английском языке.

Среди его работ: «Феномен університету в контексті часових та просторових викликів». // Суми: Університетська книга, 2014. 262 с.; «Паломничество в страну слова: стихи, эссе, хайку». // Суми: Сумський державний університет, 2013. 112 с.; «Історичний час як детермінанта творчого процесу». // К.: Інформ. системи, 2009. 172 с.; *The mission of contemporary university through the lenses of time and space*. // Вісник Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди: Філософія. Вип. 44, 2015. С. 176–184; *Історичний час у дзеркалах Хорхе-Луїса Борхеса*. // Філософська думка. 2001. № 3. С. 143–154; *Поезія як критерій онтологічної істини («Тетрис отпіа revelat» Мартіна Гайдеггера)* // Наукові записки Національного університету Києво-Могилянська Академія. Філологічні науки. Том 18. Київ, 2000. Сергей Курбатов был членом Всемирной организации хайку (WHA), победителем и дипломантом международных конкурсов хайку. Несколько его стихотворений были опубликованы в «Годе поэзии 2022» (Киев), с. 244–248.

* * *

полное небо —
не помещается снег
на подоконник.

* * *

кольнуло сердце —
наступил на тень
летающей птицы.

* * *

на своей волне —
складываю кораблик
из свежей газеты

* * *

солнцестояние —
ищу продолжение
короткой тени

* * *

вот-вот утонут
отпечатки слов —
бумажный кораблик

* * *

скрип половицы —
тенью легла на порог
старая вишня.

* * *

у неба
на коротком поводке
прошедший ливень

* * *

совсем немного
о прошедшем дне —
букет сирени

* * *

начало лета —
растираю в ладонях
листочек мяты

* * *

мокрый песок —
иду по птичьим следам
против течения

* * *

почувствовал
куда уходят сны —
река в тумане

* * *

июньский вечер —
пересекаются стрижи
с моим прошлым

* * *

бойкое место
вот и попал ненароком
в чужую тень

* * *

тени облаков —
прошу добавить в кофе
взбитые сливки

* * *

вечерний дождь —
пахнут мокрой пылью
наши тени

* * *

дачный роман
пахнет яблоками
пустая корзина

* * *

сад на двоих —
искушение выбрать
спелые яблоки

* * *

изнанка ночи
вот и в твоих глазах
лунный свет

* * *

течение жизни —
ищу своё место
после дождя

* * *

рюкзак, палатка —
сколько вместилось неба
за целый день

* * *

закат —
за уходящий горизонт
проводим время

* * *

звезда упала —
ловим пустоту
на полуслове

* * *

рвётся связь
с небом прошедшего лета —
журавлиный клин

* * *

обрывки слов
и снова тишина
в осеннем парке

* * *

пустота
в карманах
опавшие листья

* * *

не успел —
так медленно падает
жёлтый лист

* * *

ещё вчера
сюда вела тропинка —
падает снег

* * *

метель —
время уходит
в снег

* * *

потеплело
пока отражался
в старом зеркале

* * *

тёплый ветерок
оглянулся невольно
в твою сторону

* * *

глубокий сон —
даже к утру не догнал
ушедшего друга

* * *

переписать бы
набело эту весну
с цветущей вишней

Антон ПОДЛУЦКИЙ

Вечный Псёл Сергея Курбатова

Сергей Курбатов родился в Сумах и похоронен в Сумах, чем подтверждает свою особенность быть сумчанином. Быть коренным сумчанином — это означает быть и жить на границе. Северный город Пограничья — Сумы — для Сергея навсегда останется средоточием символа. О чём сам Сергей написал в своём эссе «Памяти Милорада Павича», которого он любил как старшего соученика, невероятного и недостижимого (https://zn.ua/ART/hazarskiy_slovar_moego_detstva_pamyati_milorada_pavicha.html):

«Дом находился на берегу, двери были распахнуты настежь, рядом с домом стоял большой белый бык, привязанный к воткнутому в землю колу, а на кол была надета буханка свежего хле-

ба. В доме была кровать, на стене икона, а под иконой — какая-то красная кисточка, камень на шнурке, юла, зеркало и яблоко”.

Когда несколько лет назад я прочёл эти строки Павича, то понял, что это не только описание его родных Балкан, но и криптограмма моего собственного детства в Сумах, на Дзержинке в 70-е [пояснение: улица Троицкая, имя большевистского палача носила в советские и немного в 90-е годы].

Павич не боится задавать вопросы, которые я забыл еще в детстве, увы, так и не найдя на них ответы.

Вспоминается грустная улыбка моей бабушки, Марии Александровны Лебедевой-Вишневской (1907–1996), когда пятилетним мальчиком я мучил её дурацкими вопросами, наподобие того, где находится “тот свет”, куда она с годами почему-то всё чаще собиралась уходить.

“Это очень-очень далеко, где-то на Барановке?” — допытываюсь я [пояснение: Барановка — пригород Сум, который, в том числе, любил Антон Чехов].

“Нет, Серёжа, это гораздо дальше...” — задумчиво отвечает бабушка».

Бабушка всегда права. Тот свет — намного дальше наших пригородов.

Тот свет даже намного дальше прогулок любимой рекой Псёл, этимология имени которой до сих пор темна — то ли древнегреческая, то ли кавказско-черкесская. Впрочем, обе этимологии указывают на то, что Псёл — это вода, это река, в которую нельзя вступить дважды. Любимый афоризм Сергея Курбатова.

Нельзя вновь стать учеником выдающегося украинского философа Сергея Крымского. Нельзя вновь прогуляться берегами реки Фирис в Упсале — на второй, а, может, первой родине Сергея в Швеции. Нельзя вновь написать ещё одно стихотворение...

Ничего нельзя вновь. Можно лишь попробовать или даже попытаться сотворить нечто новое и верить, что это что-то, чего не было в веках до тебя.

Чтоб даже «узнавания миг» своей сладостью дарил понимание горечи знания, которое всё равно сладко. Такова диалектика поэзии Сергея Курбатова.

* * *

Ниже мы воспроизводим давнюю (2001), но чрезвычайно интересную статью Сергея Курбатова «Паломничество в страну слова (Герман Гессе о поэте и поэзии)» (В кн.: В начале было слово... Язык и художественное творчество. К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2001. С. 40–44).

Сергей КУРБАТОВ

Паломничество в страну слова (Герман Гессе о поэте и поэзии)

Своё знаменитое стихотворение «Компас» Х. Л. Борхес начал словами «Мир — лишь наречье, на котором он, или оно со времени Адама, ведёт свой длинный перечень, куда мы, зачем-то включены...» [1, 583]. Если отбросить типично борхесовское «зачем-то», то нам откроется экзистенциальное кредо Гессе. Мир полон чудес, и наиболее магичным из них является слово. Конечно же, наряду с подлинными словами есть и слова обыденные, пустые, функциональные. Они тоже создают мир, несовершенный, поверхностный и уязвимый мир беспочвенной западноевропейской цивилизации. Именно эти слова произносятся и звучат как приговор или даже проклятие современному миру.

Неподлинны слова доминируют во «взрослом» мире. В мире, прагматично и самоуверенно предавшем забвению чудо. В мире, тщетно дерзающем возвыситься над естественным бытием, навязать ему свою искажённую видимость. Но, к счастью, некоторые

слова ещё сохранили подлинность, ещё несут в себе ослепительный заряд бытийственного смысла. Поэтому волшебство, воплощённое в таком слове, вырывает человека из оков обыденности и взрослости, приоткрывая по-детски непосредственное, чистое и открытое созерцание бытия. Бытия, чья сущность естественно и гармонично возвещает небытие.

О таинственном единстве бытия и небытия, жизни и смерти, явленном в слове песни, Гессе красиво пишет в рассказе «Сон о флейте»: «Смерть есть жизнь, и жизнь есть смерть, они сплелись навеки в безумной любовной схватке, и лишь в ней был последний итог, конечный смысл мира, и лишь из неё изливался свет, что озаряет сиянием любые несчастья, лишь из неё рождалась и тень, что омрачает любое блаженство и красоту. Но во мраке жарче пылает блаженство, и ярче светит любовь в этой ночи» [4, 380]. До Гессе об этом же размышлял русский философ Павел Флоренский: «Существование во времени по существу своему есть умирание, медленное, но неуклонное наступление смерти... Жизнь и умирание — одно... Смерть — это мгновенное время, а время — длительная смерть... Чёрная Смерть не извне налетает на светлую Жизнь, но сама жизнь в недрах своих таит неумолимо-растущее ядро смерти. Живя — умираем, умирая — живём.» [6, 530].

Жизнь и смерть являются своеобразными полюсами подлинного и неподлинного в неподлинном мире. Подобная неподлинность пытается разорвать их изначальное единство, дерзая мыслить в изолированных моментах сущностную единовременность.

Может возникнуть вопрос, при чём же тут слово. Ответ будет состоять в том, что слово, открывая и обнажая сущность бытия, наиболее явственно и проникновенно выражает смысл этого единства, проговаривает его сокровенную оправданность. Энергетика, сила поэтического исходит из этого единства, и исхождение, происхождение бытийственной песни воспроизводит сакральную глубину реальной действительности. Действительности, которая присутствует в настоящем как вечное «есть»; ко-

торая, воплощая это «есть», освящает жизненное пространство своим пребыванием.

Каждый человек по-своему сопричастен этому чудесному единству. У одних эта сопричастность проходит ещё в раннем детстве, и не возвращается более, оставляя лишь смутные воспоминания об утраченном. У других же она остаётся на всю жизнь, магически преображая человеческое существование. Такие люди становятся поэтами. Точнее, есть поэтами, ибо невозможно стать тем, кем ты не есть изначально, в глубинной сущности собственного судьбоносного призвания. Сам Гессе говорит об этом в «Кратком жизнеописании»: «Я очень быстро во всём разобрался: поэтом можно только быть, но не стать» [4, 293]. Слово действительно исключает становление, оно «есть» и этим «есть» отвергается всё иллюзорное, внешнее, неподлинное. Всё то, что призвано создавать видимость присутствия бытия и небытия в мире, где: «Сброд актёров, паникой застигнут, играет жизнь, не трюбя оваций» (Рильке).

Для Гессе поэт — это не просто человек, умеющий создавать рифмованное кружево предложений. Поэт — это маг, действительно открытый миру и своей открытостью созидающий беспечное волшебство чуда. Мера мироздания измеряется степенью подобного поэтического откровения, степенью открытости языка для проговаривания основных бытийственных максим. Изрекая слова, поэт отвергает в своём откровении практически всё, созданное ранее и, соответственно, неподлинное по определению, и заново созидает словом видимый универсум.

Слово открывает смысл, на который впоследствии нанизываются мысли, измышляя историю человеческого присутствия. Именно слово позволяет присутствовать, то есть пребывать при сути. Суть отворяется в слове и как слово. Чувствовать магию слов — счастливый удел детей. Их наивная, незамутнённая непосредственность открыта смыслу и алчет открытости. Ребёнок открывает в слове именно открытость миру, он входит в пространство этой открытости как чародей, преодолевший пустоту.

Поэтому детство каждого — это детство волшебника. Поэтому всё, что с годами воспринимается как обыденное и заурядное, или же не воспринимается вовсе, в детстве наполнено сокровенным смыслом, наполняющем предчувствием вневременной жизни робко и красочно начинающуюся жизнь во времени. «Я освоился в мире, я бесстрашно водил дружбу со зверями и звёздами, я был своим во фруктовых садах, я знался с рыбами в воде и мог спеть уже немало песен. Владел я уже и искусством волшебства, но, к сожалению, очень скоро разучился, и только позже, когда я стал старше и когда мне пришлось заново этому учиться, в моём распоряжении оказалась вся легендарная мудрость детства», — отметит Гессе в «Детстве волшебника» [4, 271]. Детство каждого — поэтично, а следовательно, подлинно.

Волшебство сокрыто в восприятии именно как открытость, или, точнее, как слово, эту открытость несущее. Слово есть место встречи человека и мира, мистического единения в предчувствии абсолютного единства. Поэтому, несмотря на сущностную иллюзорность, которая есть определяющая характеристика этого мира, слово по сути эту иллюзорность преодолевает. Слово намекает на нечто высокое и таинственное, вводя сокровенную тайну в череду обыденных жизненных событий. Без этой тайны человек теряется, утрачивая способность быть. Отсюда — желание словотворчества, не характерное лишь для непосредственной невинности детства. Неудивительно, что:

Старик, студент, малыш — любой творит
Из пены майи дивные виденья,
По существу лишённые значенья,
Но через них нам вечный свет открыт,
А он, открывшись, радостней горит.

[3, 393]

Слово нужно почувствовать, услышать и прожить. Особенно, если это слово укоренено в своей собственной истине, являясь

словом поэтическим. «Стихотворение есть длительность, в течение которой я, как читатель, вбираю в себя некий приуготовленный закон; я расширяю его за счёт своего дыхания, или инструментария своего голоса, или же отдельных свойств их, которые совместимы с молчанием», — размышляет Поль Валери [2, 56]. И действительно, слово нужно не только проговорить, но и промолчать, ибо сущность молчания сопричастна глубинным пластам языка.

Чтобы слово замолчало, необходимо отречься от всей бесконечности нюансов и смыслов обыденного. Необходимо уйти. Уйти в изначальность истории, души, судьбы. Лишь в молчаливой изначальности слово откроет свой лик, позволяя себя промолвить. Как и паломничество в страну Востока, подобный путь длится сквозь все времена и пространства. Вернее: длится вопреки временам и пространствам, которые лишь отражают призрачный узор поверхности. Гессе остро чувствует иллюзорность существования в перипетиях европейской культуры. Гессе пытается быть в культуре вопреки культуре — отсюда апологетика детства в большинстве его произведений. Истина для Гессе — в открывании, или, если угодно, в откровении культуры как таковой. Поэтому истина слова — в открываемом откровении слова. Само же слово — лишь сакральный знак, монумент, символ. «А за словами то, что несловесно» [1, 583].

Проникать взором вглубь слова, быть в слове и быть как слово — в этом трагичный и великий удел поэта. Уходить за пределы пространства и времени, прислушиваться к изначальному молчанию и изрекать его изначальность — в этом кроется красота поэтического призвания. Слово зовёт человека в свою сокровытость, сливаясь с ним и провозглашая судьбу, а судьба предстаёт как возвращение. Юноша встречается у реки старца, чтобы потом старцем вернуться к той же самой реке. Река жизни течёт сквозь слово, а реки слов текут сквозь жизнь, предполагая того, кто окажется способным их изрекать. Борхес в «Искусстве поэзии» так говорит об этом:

Глядеться в реки — времена и воды —
 И вспоминать, что времена как реки,
 Знать, что и мы пройдем, как эти реки,
 И наши лица минут, словно воды...

[1, 565].

В рассказе Гессе «Поэт» Хань Фук и его учитель, Мастер Божественного Слова, по сути, одно лицо, одна сущность. Интуиция этого единения явлена в чувстве. «Он почувствовал, что никакие праздники, никакое веселье на этой земле никогда до конца не избавят его сердце от тоски и печали, что даже в кипящем водовороте жизни он так и останется чужаком, одиноким зрителем; он почувствовал, что лишь душа его, одна среди множества других, устроена так, что он обречён испытывать радость при виде земной красоты и глотать одновременно горечь чужбины» [4, 99]. Заवораживающую притягательность этого поэтического призвания произнёс Валери: «Я предаюсь восхитительной устремлённости, читать, жить по мановению слов. Их появление предначертано. Их звучания сопряжены друг с другом. Их зыбкость предрешена предшествующим размышлением, и они готовы ринуться, объединённые великолепием или чистотой, в свой отзвук. Мои удивления и те подтверждены заранее: они скрыты где следует и соучаствуют в ритме. Движимый неизбежным письмом, покуда всегда подступающий размер окончательно подавляет мою память, я осязаю каждое слово во всём его могуществе, как ощущают то, чего ждут бесконечно» [2, 56].

Цепь драматических хитросплетений, вспышек, озарений, за которыми кроется пустота молчания — это путь поэта, путь в страну слова. По кромке пустоты слово приближает к неизъяснимой и неизведанной истине небытия. Загадка поэта в том, что он «есть» и «не есть» одновременно. Поэтическое откровение демонстрирует, проявляет бессмысленность устоявшейся жизни и безысходность европейской культуры как абсурдного культа иллюзии, майи. Поэтическое является запредельным по отноше-

нию ко всякой культуре, ибо отвергает корень и сущность оной, воплощённые в слове «культ». Поэтическое воплощает мерцающий поток жизни вообще. «Но что потом? Потом будет пауза обморока, или забытья, или смерти. А сразу же после этого ты снова очнёшься, снова должен будешь вбирать в себя сердцем потоки жизни, а глазами страшную, прекрасную, ужасную череду картин, бесконечно, неотвратно, до следующего обморока, до следующей смерти. Но она, может быть, лишь пауза, лишь короткая, крошечная передышка, а потом всё пойдёт дальше, и ты снова будешь одной из тысяч фигур в дикой, хмельной, отчаянной пляске жизни» [3, 493–494]. Индийское мировосприятие приближается к мерцанию поэтического. И восточная традиция, сопричастная и присущая этому мерцанию, открывается Гессе и открывает Гессе. Поэтому, паломничество в страну слова закономерно становится паломничеством в страну Востока, или, если угодно, в страну Истока.

Незамысловатое откровение присуще слову. Слову, присутствующему при сущности. Этим присутствием очерчена его миссия, его место в жизни, этой жизни вопреки. Слово ловит, улавливает предвечную тайну мироздания, воплощает мистические вибрации пустоты в мире, наполненном пространством и временем. Слово славит и проклиная, предоставляя тому, что не есть, исключительное право быть в нашем мире. Слово действительно «в начале», и начало славословит себя, как слово.

Отсюда — исключительное значение слова. Называние или наречение мира сказывается как человеческое существование. Верны ли имена? Бытийственны ли они? Не спутано ли существующее с не существующим, день с ночью, а вечное с временным? Изначальная решимость решает эти загадки. Решимость прикоснуться к истоку единения бытия и небытия, решимость дать им прозвучать в собственной судьбе и собственной душе, решимость промолвить слово, проложить к нему свой путь, попасть в пути к слову. В размышлениях по этому поводу Андрея Павленко встречаем следующее: «Исступление, светлое иссту-

пление одинаково необходимо и поэту/творцу физику, и поэту/творцу художнику, и поэту/творцу стихослагателю. Поэт “открывает” ему и для него нескрытое, имитатор — “изобретает” нечто взамен сокрытого для него. Не в этом ли кроется объяснение разницы весомости “открытия” и “изобретения”? Открытие, где бы и в какой бы области оно ни было сотворено, всегда имеет в себе то несомненное преимущество, что оно самим фактом своего существования обращено только к естественному и подлинному (“открыть” только и можно нечто уже данное), — между тем как изобретение — только к искусственному, словно неким незаконным способом заменяя сокрытое подлинное, силится быть его подобием само-утверждённым» [5, 197].

Спутанность дорог и троп, вавилонское смешение путей к слову — в этом трагедия современной цивилизации. Трагедия гибели, чающей воскресения. Слишком уж молчат слова крика и кричат слова молчания. Окончательно разбился сосуд, воплощавший античную гармонию. Мы — изначально у окончания, бессмысленно внимающего ложным словам. Мы — заброшены и брошены в своей покинутости. Бог умер, обожествив небытие.

июль 2001

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхес Хорхе Луис. Новые расследования. Произведения 1942–1969 гг. — СПб.: Амфора, 2001. — 848 с.
2. Валери, Поль. Рождение Венеры. — СПб.: Азбука, 2000. — 360 с.
3. Гессе Герман. Игра в бисер. — М.: Правда, 1992. — 496 с.
4. Гессе Герман. Паломничество в страну Востока. — СПб.: Амфора, 1999. — 398 с.
5. Павленко, А. Н. Бытие у своего порога. — М.: ИФРАН, 1997. — 212 с.
6. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины — М.: Правда, 1990. — 840 с.

Алфавитный указатель авторов

Агур, Ольга (Израиль)	14
Амурский, Виталий (Франция)	55
Ахметсафин, Ильдар (Германия)	261
Ахтаева, Ева (Литва)	211
Березовская, Дина (Израиль)	142
Биляк, Елена (США)	91
Бобышев, Дмитрий (США)	476
Бондаревич-Черненко, Лилия (Украина)	179
Босина, Евгения (Израиль)	414
Браиловский, Борис (США)	329
Гальберштадт, Анна (США)	281
Гаранин, Дмитрий (США)	292
Гауфберг, Слава (США)	48
Гейдэ, Нина (Дания)	28
Генчикмахер, Марина (США)	322
Германова, Анна (Германия)	126
Голодный, Олег (США)	145
Голубицкий, Денис (Украина)	134
Голубовский, Евгений (1936–2023) (Украина)	492, 496
Гринберг, Михаил (США)	232
Грицман, Андрей (США)	215
Гройсман, Вадим (Украина — Израиль)	436
Гущин, Андрей (Украина)	276
Дашевский, Ханох (Израиль)	223
Диденко, Юрий (Германия)	364
Емелин, Валентин (Норвегия)	373
Емелина, Алёна (Норвегия)	368
Есипов, Виктор (Чехия)	409
Жукова, Светлана (Украина)	82

Зверева, Ольга (Нидерланды)	207
Ицкович, Галина (США)	381
Каган, Виктор (США)	99
Казаков, Саша (Канада)	450
Камянов, Борис (Израиль)	202
Кане, Яна (США)	377
Карпинос, Ирина (Украина)	342
Кенжеев, Бахыт (Канада)	149
Кириллова, Ксения (США)	441
Коган, Гей (Германия)	175
Кодес, Сергей (США)	399
Козленко, Павло (Украина)	385
Кольченко, Василий (США)	472
Коровниченко, Максим (Украина)	44
Косман, Нина (Nina Kossman, США)	305
Костюченко, Андрей (Украина)	272
Курбатов, Сергей (1971–2023) (Украина)	501, 508
Левитант, Ребекка (США)	347
Левкой, Артемий (Великобритания)	194
Лемыш, Анатолий (Украина)	337
Либерман, Анатолий (США)	113, 119
Липес, Илья (Канада)	70
Лобанов, Николай (Украина)	33
Лоза, Владислав (Украина)	198
Лурье, Людмила (США)	359
Маркова, Римма (Швеция)	355
Мартыненко, Виктор (Украина)	219
Мартынов, Павел (США)	158
Межурицкий, Пётр (Израиль)	351
Меламед, Ариэла Марина (Израиль)	139
Мелодьев, Мартин (США)	288
Михалевич-Каплан, Игорь (США)	296
Михалевская, Анна (Украина)	492

Некрасовская, Людмила (Украина)	130
Немировский, Саша (США)	256
Никоф, Олег (Украина)	470
Оклендский, Григорий (Новая Зеландия)	65
Павлова, Вера (Канада)	40
Палад (Украина)	313
Патлис, Семён (США)	394
Песочина, Эмилия (Украина — Германия)	184
Плышевский, Сергей (Канада)	189
Подлуцкий, Антон (Украина)	506
Полевая, Зоя (США)	431
Поташников, Давид (США)	462
Почтовалов, Николай (США)	95
Пробштейн, Ян (США)	167
Рассыпаев, Вячеслав (Украина)	419
Ратнер, Александр (Украина)	60
Резник, Раиса (США)	103
Рывкина, Инна (США)	265
Рыпка, Ирина (Украина)	318
Садхин, Георгий (США)	87
Сапир, Ирина (Израиль)	333
Сеглевич, Давид (Канада)	268
Слуцкий, Валерий (Израиль)	423
Стреминская, Анна (Украина)	465
Сулович, Борис (Израиль)	162
Теплов, Андрей (Украина)	19
Тёмкина, Марина (США)	107
Толмачёв, Влад (США)	284
Троепольский, Михаил (Украина)	153
Тышковская, Леся (Франция)	308
Тюрина Оберландер, Марина (США)	171
Фет, Виктор (США)	10, 458
Фраш, Берта (Германия)	37, 237

Хенкина, Ирина (Израиль)	404
Хентов, Игорь (Израиль)	73
Херсонский, Борис (Украина — Италия)	24
Чернякова, Лия (США)	453
Шабалин, Сергей (США)	227
Шенфельд, Ольга (США)	445
Щёголева, Татьяна (США)	78
Эскина, Марина (США)	389
Яблонский, Григорий (США)	112
Яровой, Сергей (США)	427

Літературно-художнє видання

ГОД ПОЭЗИИ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60 x 84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2588
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 30,25
Гарнітура «Swift».
Підписано до друку 29.12.2023 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/с 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.